

Вениамин Иофе

Границы смысла

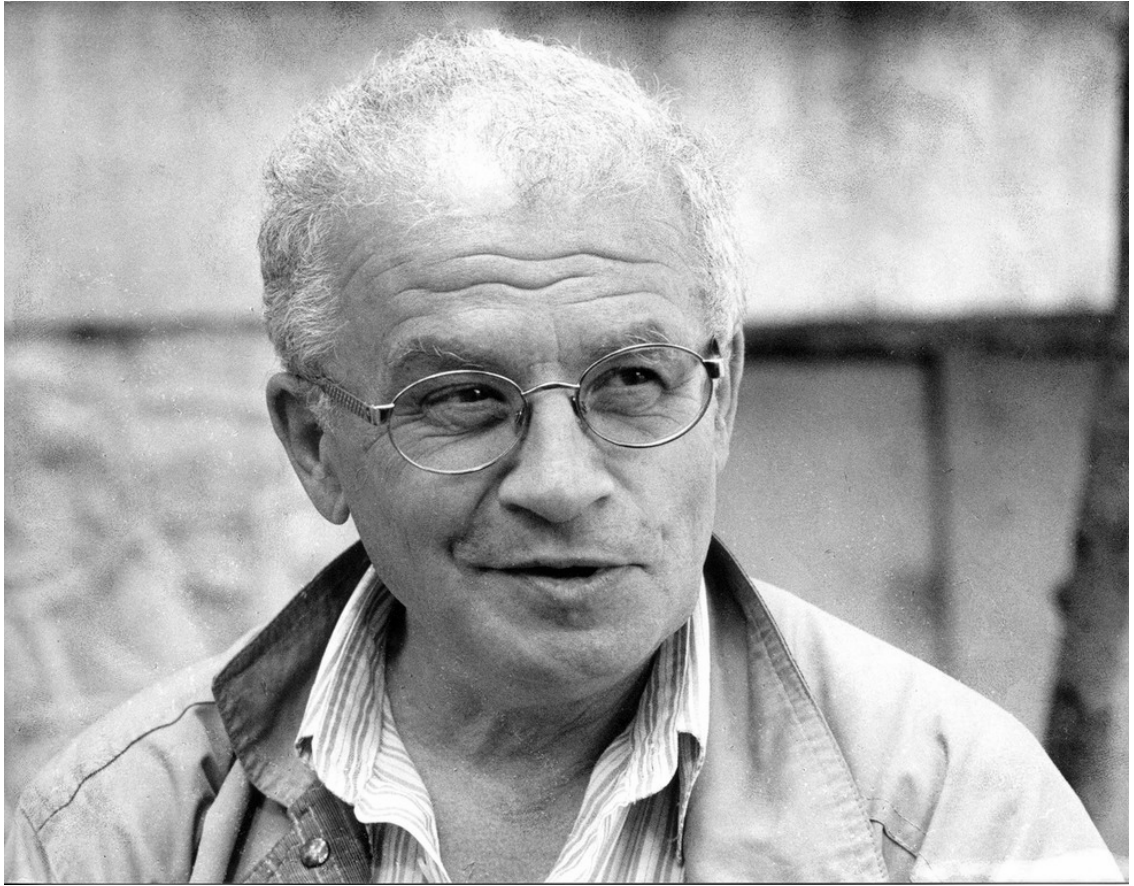

Границы смысла

Вениамин Иофе

Вениамин Иофе

Границы смысла

СТАТЬИ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
ЭССЕ

Научно-информационный центр
«МЕМОРИАЛ»

НОРД-ВЕСТ

Санкт-Петербург
2003

ББК 87.3+66.01

И-75

Редактор-составитель
И.А.Флиге

И-75 **Иофе В. Границы смысла: Статьи. Выступления. Эссе:** СПб.: НИЦ «Мемориал»; НОРД-ВЕСТ, 2003. 376 с.

Книга Вениамина Викторовича Иофе (1938–2002) содержит его статьи, выступления и эссе 1980–2002 годов, посвященные различным аспектам исторической реальности XX века, а также воспоминания о В.В.Иофе. В течение последних 15 лет научная и общественная деятельность В.В.Иофе была связана с обществом «Мемориал», что в значительной степени определяет направленность и тематику текстов этого времени.

Книга предназначена как для специалистов – историков и политологов XX века, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей политических репрессий в России, развитием неформальных общественных организаций и течений, историей правозащитного движения.

В работе над изданием принимали участие

П.Н.Базанов, Н.Е.Бастырева, Б.И.Беленкин, А.В.Блум,
В.Э.Долинин, Д.И.Зубарев, Т.Ф.Косинова,
Г.В.Кузовкин, Т.В.Моргачева, Э.С.Орловский, А.А.Резникова,
О.А.Резникова,
С.А. Чарный, А.В.Черкасов, М.Jandl, T.Müller

Konrad
-Adenauer-
Stiftung

Издание осуществлено
при поддержке фонда Конрада Аденауэра

© НИЦ «Мемориал» 2002
© И.А.Флиге – составление и
комментарий

Основная сфера научной и общественной деятельности Вениамина Викторовича Иофе связана с обществом «Мемориал», что в значительной степени определило направленность и тематику текстов этого времени.

Здесь собраны научные и публицистические статьи, рецензии, выступления, посвященные различным аспектам исторической реальности XX века. Перед нами стояла непростая задача: предстояло выбрать наиболее значимые работы разных лет, большая часть которых либо была опубликована в малотиражных специальных изданиях, либо, как в прежние времена, имела хождение только в самиздате. Мы попытались соединить их в один смысловой блок, где разнородные темы и сюжеты связаны единым концептуальным подходом самого автора.

Материалы сборника расположены в обратной хронологии. Ретроспективная последовательность размещения текстов, на наш взгляд, подчеркивает актуальность тем и позволяет увидеть отдельные общественные и политические сюжеты недалекого прошлого в общем контексте современных проблем нашей страны.

Наиболее острые проблемы и их видение В.В. повторял из текста в текст, из выступления в выступление, эти стержневые темы проходят по всей книге, и именно благодаря этим повторяющимся мотивам позиция автора и его миропонимание, представленные в разных исторических контекстах, полнее раскрываются перед читателем.

За рамками книги остались исторические работы, в том числе ранние – «Дело Колокола» и «Материалы к истории самодельных политических объединений в СССР после 1945 года», которые до сих пор не потеряли своей актуальности и остаются практически единственными аналитическими работами по истории сопротивления этого периода. Эти работы, так же как статьи по истории меньшевизма, истории Гулага, лекции из цикла «исторические чтения “Мемориала”» готовятся к изданию отдельной книгой.

Яков Гордин

**«Остаться человеком
в бесчеловечном мире...»**

Новая книга ушедшего от нас Вениамина Иофе на первый взгляд может показаться эклектичной и разноплановой. И в самом деле, перед читателем веер сюжетов от анализа широких и высокотеоретических проблем – «Власть и люди» – до чрезвычайно конкретных – «Проблема Левашовского могильника».

Но это только на первый взгляд.

Проблематика, декларированная в двух этих статьях и пронизывающая книгу, – естественная и необходимая конкретизация вечных взаимоотношений человека и власти

Вениамин Иофе публицист жесткий и категоричный. Его формулы суровы и бескомпромиссны. Он рассматривает роковые аспекты современной жизни и не считает себя вправе интеллектуально лавировать.

Он обладает сильной способностью идти в своих размышлениях от частного к общему и выводить локальную проблему на мировой уровень.

И в то же время от события, казалось бы, далекого от насущных проблем России, он неизменно возвращается к нашим бедам – как исторически фундаментальным, так и бушующим на поверхности сегодняшней жизни.

Отталкиваясь от американской трагедии 11 сентября 2001 года, Вениамин Иофе переходит к анализу террора в разных его аспектах, в том числе к террору сталинскому. – «Объявляя честных людей врагами народа и по возможности избавляясь от них, советский режим разрушил национальную мораль и рухнул сам, потому что без трудовой, бытовой и боевой морали государство выстоять не может...»

Для Иофе важно не просто осудить терроризм – многослойное и многосмысленное явление, вулканически ворвавшееся сегодня в мировую жизнь в одном из своих обликов, но показать его сущностную катастрофичность, его разрушительность для самих носителей идеи и практики террора в любых его ипостасях. «Зло терроризма не только в том, что он унес и уносит жизни тысяч своих жертв. Главное зло терроризма в том, что эта идеология порождает террористическую ментальность у своих противников

и оппонентов. И даже погибая и отступая в ходе военных или полицейских операций, терроризм зачастую заражает своих противников трупным ядом оправданности презрения к отдельной человеческой жизни и склонностью к коллективным актам возмездия».

Вениамин Иофе неколебимо последователен в своем стремлении обосновать абсолютную ценность человеческой личности, жизни, достоинства, в утверждении вторичности всего остального.

При этом он далек от безответственного анархизма и прекрасно осознает регулирующую роль государства, если оно выполняет свой долг по защите ценностей первого порядка.

Вениамин Иофе – диалектик в точном и высоком смысле термина. Он видит и демонстрирует на достаточно скромном пространстве своих работ сложную взаимосвязанность и сущностное единство явлений, казалось бы, взаимоисключающих. Таков его подход к борьбе общества и государства с терроризмом. Таков его анализ фундаментальных черт политических образований, сошедшихся в смертельной схватке, – нацизма и большевизма.

Таков – и это очень важно сегодня – его подход к реабилитации жертв советского государства на всех этапах его существования – от гражданской войны и красного террора через тотальные репрессии тридцатых годов до подавления инакомыслия в последние десятилетия существования СССР. «...Многолетнее сопротивление (в том числе вооруженное) советскому режиму нужно считать обоснованным, а строительство и укрепление его – противоправным. Стало быть, не может быть и речи об юридической реабилитации Троцкого, Бухарина, Зиновьева (ныне реабилитированы), Ягоды, Ежова, Берии (не реабилитированы) или исторической реабилитации Ленина, Сталина, Дзержинского (до сих пор почитаются на достаточно официальном уровне) и др. И, напротив, должны быть немедленно реабилитированы все участники Сопротивления: участники кронштадтского и тамбовского восстаний, участники Петроградской боевой организации 1921 года, подпольных политических кружков 1920–1980-х годов (ныне реабилитированы), участники крестьянских восстаний 1930-х годов, эмиссары Савинкова...». Но тут же Иофе предлагает другую точку зрения, противоположную вышеприведенной, и на их сопоставлении демонстрирует головоломную противоречивость ситуации, в которой оказалась постсоветская Россия. Он заставляет читателя напряженно думать, разбираясь в этом

политико-психологическом лабиринте, ничуть не упрощая поставленную задачу.

Вениамин Иофе менее всего склонен возлагать ответственность за трагедию России в XX веке на отдельные социальные и политические группы. Он приводит данные голосования на выборах в Учредительное Собрание, на которых эсеры и большевики получили подавляющее большинство, и делает жесткий вывод – Россия выбрала свой путь, отвергнув демократические партии.

Все частные ситуации, проанализированные в книге, относящиеся к разным эпохам XX века и по разному повлиявшие на судьбу страны, рассмотрены Вениамином Иофе как верхний слой глубинного и мощного исторического процесса, двигателем которого в конечном счете является весь народ.

Таким образом, не только государство отвечает перед обществом, но общество отвечает перед собой. И что еще принципиальнее – отвечает перед собой каждый из нас. Человечность или бесчеловечность мира зависит только от конкретных людей – ни от чего больше. «Главная проблема России, страны европейского культурного наследия, но не имевшей собственного опыта ни Возрождения, ни Реформации, – это проблема дефицита личностного начала».

Вениамин Иофе ставит перед нами роковые вопросы сегодняшнего дня – ставит их просто, жестко, ясно. И в этом он верен себе, – каким мы его знали и навсегда запомним.

Вениамин Викторович Иофе

...родился 29 июня 1938 года в Уфе. В 1955 окончил среднюю школу в Ленинграде, в 1962 окончил Ленинградский химико-технологический институт (инженер-технолог, химик). Аспирант ВНИИСКА (Институт синтетического каучука)...

...с 1964 года сотрудник нелегального общественно-политического журнала «Колокол», автор статей о перспективах политической и производственной демократии в СССР. Арестован 12 июня 1965 года по делу «Колокола», приговорен 26 ноября 1965 года Ленгорсудом по статьям 70 ч.1 и 72 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация в составе группы) к 3 годам лагеря строгого режима. Срок отбывал в Мордовских лагерях (Дубровлаг)...

...после освобождения работал инженером, старшим технологом линолеумного цеха завода «Полимерстройматериалы» (1969–1976), затем инженером-наладчиком очистных сооружений Ленинградского управления пусконаладочных работ треста Ленсельхозмонтаж (1976–1982); после увольнения, связанного с «профилактированием» органами КГБ, – инженер-наладчик специализированного управления наладочных работ треста Ленинжстрой (1982–1990)...

...в 1970–1980-е годы активно участвовал в общественно-политической жизни города, занимался историей политической оппозиции в СССР. С 1976 постоянный участник исторических сборников «Память» (Москва–Париж, 1976–1982) – автор публикаций по истории политического подполья в СССР под псевдонимами С.Песков и С.Д.Рождественский. Участвовал в издании реферативного журнала самиздата «Сумма» (1979–1982). В 1982 году официально предупрежден органами КГБ в связи с участием в работе Российского Общественного Фонда (Фонд помощи семьям политзаключенных), уволен с работы...

...с 1988 года председатель историко-архивной комиссии, с 1989 сопредседатель Санкт-Петербургского общества «Мемориал». В 1992 создал Научно-информационный центр «Мемориал».

риал» (архив, библиотека, издательство), директор НИЦ «Мемориал» и главный редактор Издательства НИЦ «Мемориал», научный руководитель серии «Исторические сборники» и альманаха «Вестник “Мемориала”»

... в 2000 создал Просветительный центр (читальный зал, музей, дискуссионный клуб, киноцентр), с 2002 года Просветительный центр (ул. Рубинштейна, 23) носит его имя...

... умер 20 апреля 2002 на эскалаторе станции метро...

Власть и люди

XXI век, едва успев начаться, уже заставил нас снова решать проблему отношения человека к государству. Оказалось, что оснащённость национальных правительств невиданными ранее техническими силами и средствами не может обеспечить безопасность людей, и они все так же уязвимы для шаек головорезов нового времени, как это было во все времена. Самоуверенность государств, заявивших себя к середине XX века хозяевами жизни и единственными субъектами международного права, оказалась поколебленной. Тот, казалось бы, надежный способ, который был придуман правительствами для борьбы с подлинными или вымышленными злоумышленниками, – неизбирательное насилие в отношении целых категорий врагов, угаданных по национальному, социальному или географическому признаку, – привел к многомиллионным жертвам среди населения Европы, Азии и Африки и к моральной дискредитации самой идеи государства как инструмента защиты людей. XX век породил термин «преступное государство», и с этим понятием мы перешли в XXI век.

Государства, продемонстрировавшие свою бесчеловечность и неуспешность, ныне для сохранения своей значимости и поддержания своего авторитета в стране и мире испытывают настоятельную потребность в общественной реабилитации и добиваются ее разнообразными способами. На Западе моральную легитимацию действий правительства сейчас обеспечивает признание им примата прав человека и независимое существование гражданского общества, конгломерата общественных объединений, образованных в результате самостоятельной инициативы граждан, служащего для ограничения непомерных притязаний властных структур.

В России реабилитацией государства занялось само правительство, устраивая ее по меркам благоустроенных европейских стран по-российски решительными административными мерами. Единым актом собрать несколько тысяч общественных объединений под одну крышу, учредить «круглые столы» и «переговорные площадки» для контактов избранных представителей общества с назначенными переговорщиками

от правительства, назвать это все гражданским обществом – этот путь кажется обычной для России манерой устроения прекрасного будущего невиданными темпами и в невиданные сроки.

Можно ждать, что правительственные учреждения теперь обзаведутся собственными общественными советами, консультационными группами, общественными экспертизами и т.п. структурами, формируемыми по неопределенным правилам и действующими по неопределенной процедуре, целью которых будет обеспечение симфонии государства и общества. Нет сомнения, что эти структуры будут созданы и придадут европейский лоск отечественной бюрократической системе. Практически же эти новации могут лишь способствовать усугублению деспотического характера существующей власти, так как они избавляют администрацию от опасностей внешней критики со стороны независимых общественных сил, заменяя ее на внутренний диалог заинтересованных сторон в рамках расширенной официальной системы принятия решений. До сего времени только независимая позиция критиков обеспечивала эффективное влияние общества на властные решения. Их интеграция государством неизбежно должна привести к размыванию границ независимости и, следовательно, к более или менее заметному коллаборантству участников. Пока все то, что происходит в нашей стране, к сожалению, подтверждает предположение о таком развитии событий.

Не успел состояться Гражданский форум, декларировавший сотрудничество граждан с правительством, как бюрократическое наступление на людей и общество убыстрило свой ход. Это и принятие нового Земельного кодекса, отнявшего у владельцев землю, которую они уже выкупили и считали своей (разрешив, правда, оформить ее в аренду)¹, это ликвидация президентской Комиссии по помилованию с отдачей дела помилования в руки чиновников при губернаторах², это приня-

¹ На основании Земельного Кодекса РФ (принят ГД РФ 28.09.2001, одобрен СФ РФ 10.10.2001) введен новый порядок регистрации приватизированной и выкупленной земли, что фактически равносильно повторному выкупу.

² Комиссия по помилованию создана Распоряжениями Президента РФ «о комиссии по вопросам помилования» (от 12.01.1992 №17–РП), «о комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ» (от 27.02.1992 №84–РП). Упразднена на основании п.5 УП РФ «о комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов РФ» (от 28.12.2001 №1 500).

тие закона о терроризме, по которому запрещается публикация всего того, что может не понравиться «антитеррористическим органам»³, то есть попросту запрещение какой-либо критики ФСБ. И, наконец, осуждение Григория Пасько⁴ вопреки его очевидной невинности и юридической бесспорности этого дела. Зал военного суда Тихоокеанского флота можно назвать своевременно представленным примером работы «переговорной площадки» между государством и обществом, площадки, выгодно отличающейся от других наличием узаконенной процедуры диалога, но обеспечивающей при этом вполне предсказуемый результат.

Перед нами сегодня стоит вопрос – можем ли мы реабилитировать такое государственное устройство?

ПРИМЕЧАНИЯ

Первоначально идея проведения форума как организации диалога власти и общества, с целью создания постоянно действующей выборной «гражданской палаты» (май 2001), исходила от политтехнологов (Г.О.Павловский, С.А.Марков и др.). Официально объявлена президентом Путиным 12.06.2001 на встрече в Кремле с «делегатами от граждан», 11.07.2001 на пресс-конференции инициативной группы форума было объявлено о создании Оргкомитета (без участия в нем крупных сетевых организаций: «Мемориала», КОНФОП, Социально-экологического союза), тем не менее в ходе переговоров (первая встреча: Москва,

³ Здесь речь идет о принятии ГД в первом чтении (пост. №2250-III ГД от 20.12.2001) ФЗ РФ «о внесении изменений в статью 4 ЗРФ “о средствах массовой информации” и в статью 15 ФЗ “о борьбе с терроризмом”» (РФ ФЗ от 25.07.1998 №130-ФЗ). В другой редакции принят ГД во втором (пост. №3159-III ГД от 23.10.2002) и третьем чтениях (пост. №3442-III ГД от 01.11.2002), одобрен СФ РФ 13.11.2002. Отклонен Президентом РФ (письмо №ПР-2080 от 25.11.2002) с рекомендацией создания согласительной комиссии по доработке законопроекта с участием представителей СМИ (создана 17.12.2002).

⁴ Пасько Григорий Михайлович (1962 г.р.) – капитан 2 ранга. Автор ряда статей об экологической опасности Тихоокеанского флота. Арестован во Владивостоке 20.11.1997 по обвинению в шпионаже (ст.275 УК РФ). В сентябре 2001 уволен с военной службы в запас. Приговорен 25.12.2001 Тихоокеанским флотским военным судом по ст. 275 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 4 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с лишением воинского звания. Определением ВК ВС РФ от 25.06.2002 приговор оставлен в силе. До сентября 2002 в одиночной камере Владивостокского следственного изолятора, затем в исправительной колонии строгого режима (Приморский край, г.Уссурийск УЦ 267/41). Узник совести. Освобожден условно-досрочно 23.01.2003.

помещение Общества «Мемориал», 20.08.2001; вторая встреча: Кремль, 04.09.2001 и др.) в течение сентября 2001 был сформирован окончательный состав Оргкомитета с представителями власти и негосударственных организаций (81 человек). В рабочую группу оргкомитета Гражданского форума (21 человек) вошли: первый зам. нач. Главного управления внутренней политики Администрации Президента С.А.Абрамов; политтехнолог Г.О.Павловский, политолог С.А.Марков; председатель МХГ Л.М.Алексеева, президент Фонда защиты гласности А.К.Симонов, президент КОНФОП А.А.Аузан, председатель Правления Международного общества «Мемориал» А.Б.Рогинский, сопредседатель Социально-экологического Союза С.И.Забелин и др. Гражданский форум состоялся 21–22.11.2001 (Москва, Большой Кремлевский дворец), присутствовали 5 тысяч человек (представители негосударственных организаций и органов власти из всех субъектов федерации). Финансирование форума (1,5 млн. долларов) из внебюджетных средств обеспечено взносами спонсоров (Альфа-банк, группа компаний Интеррос, Сбербанк России, «Медиасоюз» и др.). Оргкомитет и рабочая группа самораспущены 28.05.2002.

Террор и мы

Террористический налет на США вызвал естественный всплеск сочувствия к пострадавшим. Но почти сразу же в отечественных средствах массовой информации стала подыматься волна более или менее откровенного злорадства по отношению к беде, постигшей Америку¹. Что живо напомнило те времена, когда в нашей стране террор был инструментом официальной государственной политики, а радио и газеты – организаторами всенародного одобрения политического терроризма. Расправы с «бывшими людьми», «кулаками», «врагами народа», «народами-изменниками», «безродными космополитами», «врачами-убийцами», «идеологическими диверсантами», афганскими «духами», чеченскими «чехами» всегда сопровождались пропагандным унижением жертв политического насилия. Как мы сегодня знаем, органы политического контроля самым внимательным образом следили за действительной, а не показной реакцией населения и с удовлетворением отмечали в своих отчетах, что такие изъятия были достаточно искренни. С этим наследием мы и перешли в новый век.

Объявляя честных людей врагами народа и по возможности избавляясь от них, советский режим разрушил национальную мораль и рухнул сам, потому что без трудовой, бытовой и боевой морали государство выстоять не может, но давняя традиция воспитания недоброжелательства в отношении успешных и благополучных или просто «других» людей и несочувствия к их бедам принесла свои плоды. Ненависть к фермерам и предпринимателям, расизм и ксенофобия сегодня стали привычными атрибутами массового сознания новой России. На этом фоне всеобщей недоброты силы зла чувствуют себя развязанными, они могут жечь фермерские усадьбы, грабить торговцев, разбойничать в чеченских селах, измываться над

¹ См. напр.: Советская Россия. 12.09.2001, Русский журнал. 12.09.2001, и др. В конце сентября по данным ВЦИОМ по России 50% опрошенных согласились с утверждением, что «американцам досталось поделом», 42% отвергли такую постановку вопроса.

людьми в казармах, тюрьмах и милицейских участках. Несчастья не вызывают человеческого сочувствия к жертвам, а лишь злорадство или в лучшем случае равнодушие. Теперь жертвой сил зла случилось стать благополучной и успешной Америке, и стало очевидным, что Россия так и осталась в понятиях своего исторического прошлого с осуждением страны-жертвы и с убеждением в оправданности коллективных кар и возмездий.

Сентябрь 2001

Мировое сообщество государств приступило к военным операциям по борьбе с террористами, которые сделали политическое убийство средством борьбы за изменение мирового порядка. Цель операции – защитить право человека на жизнь и покарать преступников, посягнувших на это право. Эту боевую задачу безусловно поддерживает все гражданское население Земли, чьей жизни все в большей степени угрожают террористические вылазки.

Несомненно, что массовый террор в отношении гражданских лиц вырос из практики политических убийств, сопровождавших всю историю человечества, и стал подлинной язвой нового времени. Переход от персональных и адресных убийств к коллективному истреблению отдельных социальных, национальных или религиозных групп, превращение террора в государственную практику в революционной Франции XVIII века, колониальных державах XIX века, советской России и нацистской Германии XX века сделало террор популярной политической идеологией нашего времени. Сегодня жертвами террора становятся просто случайные скопления гражданских лиц, и уже есть люди, которые считают право на убийство безвинных своим священным правом.

Зло терроризма не только в том, что он унес и уносит жизни тысяч своих жертв. Главное зло терроризма в том, что эта идеология порождает террористическую ментальность у своих противников и оппонентов. И даже погибая и отступая в ходе военных или полицейских операций, терроризм зачастую заражает своих победителей трупным ядом оправданности презрения к отдельной человеческой жизни и склонностью к коллективным актам возмездия. Недавний пример – Афганистан, где за жизнь 14,5 тысячи погибших советских солдат было заплачено жизнью миллиона афганцев, после чего страна превратилась в оплот мирового терроризма. Еще более близ-

кий пример – Чечня, где в борьбе с террористическими чеченскими вооруженными группами неизбежное насилие федеральных войск в первую очередь направлено против мирного гражданского населения, что грозит надолго превратить эту страну в еще одно звено мировой цепи терроризма².

Приветствуя военные операции союзников по разрушению центров мирового террористического альянса, мы выражаем свою озабоченность тем, что антитеррористическая пропаганда, по крайней мере в России, сама приобретает оттенок оправдания коллективных кар и неизбежных возмездий, тем, что лекарство может оказаться горше самой болезни и будучи побежденным военно, терроризм победит идеологически, вынудив у мирового сообщества через лукавство двойных стандартов отречение от признания права человека на жизнь.

Общество «Мемориал» считает, что фундаментальной ценностью европейской цивилизации являются права человеческой личности на жизнь и свободу и что эти права не должны подвергнуться умалению даже в самых сложных перипетиях военных и полицейских акций, иначе мировая борьба с терроризмом может потерять свой основной смысл. Напомнить об этом мы должны всем участникам акции возмездия.

Октябрь 2001

ПРИМЕЧАНИЯ

11 сентября 2001 террористы-смертники (четыре группы, около 20 человек) захватили авиалайнеры внутренних пассажирских линий США, которые были использованы для удара по двум небоскреbam One World Trade Center (ВТЦ) в Нью-Йорке и Пентагону в Вашингтоне (четвертый самолет упал на землю в штате Пенсильвания, по одной версии был сбит ВВС США, по другой пассажиры нейтрализовали террористов). Погибло более 5 тысяч человек. Организатором террористической акции объявлен Усама Бин Ладен, глава исламистской организации «Аль-Каида» (заявление Дж.Буша 20.09.2001 на Конгрессе США о виновности, заявление Бин Ладена 11.11.2001 о причастности «Аль-Каиды» к теракту), виновность Усамы Бин Ладена не доказана, расследование продолжается.

² 23.10.2002 в Москве, в Театральном центре на Дубровке, во время представления мюзикла «Норд-Ост», чеченские террористы захватили более 700 заложников с требованием прекращения военных действий в Чечне; операция по освобождению заложников с применением химического оружия привела к гибели более 100 человек.

Военная операция в Афганистане, возглавляемая США, против непризнанного правительства (движение «Талибан», отказавшееся выдать США лидеров «Аль-Каиды») «в целях устранения угрозы международного терроризма» начата 07.10.2001 после принятия резолюции «об оказании военной помощи США» на заседании совета НАТО 04.10.2001. После массированных бомбардировок Афганистана (города – Кабул, Кандагар, Желалабад; погибло более тысячи мирных жителей) в ноябре 2001 США и их союзники с помощью антиталибского Северного альянса заняли стратегические центры Афганистана, лидеры «Аль-Каиды» и движения «Талибан» не пойманы, борьба в отрядах талибов продолжается в труднодоступных горах.

Россия вступила в международную антитеррористическую коалицию (заявление Путина от 24.09.2001, назвавшего действия США в Афганистане «обоснованными и взвешенными»).

Осмысление Гулага

Проблема осознания смысла Гулага (понимая под Гулагом всю репрессивную систему советского периода истории России) помимо исторического интереса имеет еще один, крайне злободневный аспект, который требует от историков, политиков и юристов незамедлительных ответов, не оставляя им времени на академическую неспешность, это – необходимость реабилитации жертв советского политического режима. Многие из этих людей и их ближайших родственников живы, и сегодня они требуют восстановления исторической справедливости (и соответствующей моральной и материальной компенсации). Вопрос относительно легко решается в отношении лояльных советских граждан, невинных жертв полицейского произвола, – их реабилитируют по факту применения к ним необоснованной репрессии. Однако решение проблемы реабилитации в отношении противников коммунистического режима, а также репрессированных организаторов репрессий требует идеологических и правовых обоснований. Реабилитация – не просто юридический акт, отменяющий осуждение, это результат понимания государством своей истории, а потому она служит поводом для осмысления коммунистического прошлого России, и здесь просматриваются лишь две последовательные позиции.

Существует точка зрения, что власть в стране стала нелегитимной с момента отречения Николая II в пользу брата, когда был нарушен закон о престолонаследии¹, или же с разгона Учредительного Собрания², когда была проигнорирована свободно выраженная воля народа, и нынешнему государству следует объявить себя прямым наследником дореволюционной России, устроить государственное перезахоронение царской семьи, признать свою ответственность по царским долгам, вернуться к нормам дореволюционного права и собрать

¹ Отречение императора Николая II состоялось 02.03.1917 в пользу брата Михаила, с нарушением Закона Российской империи о престолонаследии («Акт, высочайше утвержденный 5 апреля 1797 года в день священной коронации императора Павла I...», включенный в состав «Основных законов Российской Империи» 1906 г.), по которому отречение могло состояться только в пользу наследника цесаревича.

² Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного Собрания от 06(19).01.1918.

Земский Собор или Учредительное Собрание. В этом случае многолетнее сопротивление (в том числе вооруженное) советскому режиму нужно считать обоснованным, а строительство и укрепление его – противоправным. Стало быть, не может быть и речи о юридической реабилитации Троцкого, Бухарина, Зиновьева (ныне реабилитированы), Ягоды, Ежова, Берии (не реабилитированы) или исторической реабилитации Ленина, Сталина, Дзержинского (до сих пор почитаются на достаточно официальном уровне) и др. И, напротив, должны быть немедленно реабилитированы все участники Сопротивления: участники кронштадтского и тамбовского восстаний, Петроградской боевой организации 1921 года, подпольных политических кружков 1920–1980-х годов (ныне реабилитированы), участники крестьянских восстаний 1930-х годов, эмиссары Савинкова, Русского Общевоинского Союза (РОВС) 1920–1930-х, Народно-трудового союза нового поколения (НТСНП, позже НТС) 1930–1950-х, бойцы Русской Освободительной Армии (РОА), руководители Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) 1960-х годов (не реабилитированы) и исторически почтены А.В.Колчак, А.И.Деникин, Н.Н.Юденич (отвергаются во многих влиятельных кругах). Как видим, никакой логики в реальности нет.

Возможна и другая политическая, а следовательно, и юридическая позиция – признать советскую власть в России исторически состоявшейся и тем самым легитимной *de facto*, по крайней мере с момента принятия советской конституции 1936 года³, которая отменила сегрегацию по социальным мотивам и уравнила всех граждан страны в их правах и обязанностях и тем самым хотя бы формально соответствовала общеевропейским понятиям государственного права своего времени. Состояние страны в предшествующий период, с 1917 по 1936 годы, признать правовым нет никакой возможности, и любая деятельность, направленная на восстановление Российской Империи или власти Учредительного Собрания или просто противодействующая узурпации власти большевиками, должна считаться юридически оправданной. Все исторические события последующего периода, начиная с 1937 года, следует оценивать с точки зрения соблюдения конституционных и юридических норм, действовавших в Советском Союзе в то время (уж какие они ни были), и тем самым считать неправовой

³ Конституция СССР принята на VII Чрезвычайном Съезде Советов 05.12.1936, действовала с небольшими изменениями до 1977 (Конституция СССР принята 07.10.1977 на внеочередной 7-й сессии ВС СССР 9-го созыва).

практику применения незаконных актов революционного самосознания, решений неконституционных органов управления, партийных постановок и телефонных звонков. Такое понимание отвечает популярному тезису диссидентов 1960–1970-х годов: «соблюдайте ваши собственные законы», юридически оно закреплено решениями Конституционного Суда РФ 1992 года⁴. Эти решения признали нарушение Конституции СССР руководящими органами ВКП(б)–КПСС, подменявшими законные органы власти преступной противоправной практикой, требующей осуждения. При таком подходе деятельность всех без исключения чинов партийного руководства страной (Сталина, Молотова, Хрущева, Брежнева, Ежова, Берии и др.) была противоправной в той степени, в какой она вела к разрушению существовавшего конституционного порядка в стране и только во вторую очередь из-за большего или меньшего объема личных злодейств. Обычно деятели советского режима после вынесения им приговоров в предсмертных обращениях в ЦК писали о том, что вся их жизнь и работа были посвящены делу укрепления власти Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина, то есть разрушению существовавшего конституционного строя, что в понятиях права означает признание в акте государственной измены. Такой формально-правовой подход дает нам основание считать любое посягательство на суверенитет страны и ее законный конституционный строй со стороны внешних сил криминальным, что отвечает распространенному представлению о легитимизации советского режима победой в Великой отечественной войне. Но внутреннее сопротивление установлению и усилению коммунистической тоталитарной диктатуры, нарушавшей собственную Конституцию, тем самым мы должны считать обоснованным, и все участники такого сопротивления (не совершившие общеуголовных преступлений) заслуживают реабилитации, потому что они были правы по существу, а не из-за формальных недостатков их следственных дел. Тот же подход может быть распространен и на граждан стран советского блока, находившихся под контролем руководства КПСС, то есть противоправной политической структуры.

⁴ Постановление КС РФ от 30.11.1992 по делу о проверке конституционности УП РФ от 23.08.1991 №79 «О приостановлении деятельности КП РСФСР», от 25.08.1991 №90 «Об имуществе КПСС и КП РСФСР», от 06.11.1991 №169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также проверке конституционности КПСС и КП РСФСР.

Тем не менее, сегодня сложилась парадоксальная ситуация, отражающая всю неосновательность современного государственного устройства России. Осужденных советской властью по политическим мотивам легко реабилитируют, по возможности не входя в рассмотрение существа обвинения, из-за отмененной ныне статьи обвинения, из-за осуждения «тройкой» или по недостаточной доказанности факта покушения на устои советской власти. Так, при рассмотрении проблемы реабилитации участника Петроградской боевой организации Н.С.Гумилева главным оказывается не вопрос о том, был ли он прав или не прав, борясь с коммунистическим режимом, а то, что его враждебность к советской власти оказалась неубедительно документирована⁵. Если же в реабилитации отказывают, то в основном по причинам личной причастности осужденного к злодеяниям в пользу советской власти, вызывающим отвращение общества (Ежов, Берия)⁶, или, напротив, из-за действительного намерения свергнуть существовавший в стране коммунистический режим, признаваемый и ныне законным (руководители ВСХСОН, осужденные в Ленинграде в 1967 году⁷). Таким образом, практика реабилитации жертв политических репрессий в России сегодня служит в первую очередь целям политической реабилитации коммунистического режима, образ которого потерпел ущерб в годы перестройки, и работает в интересах жертв тоталитаризма только в той минимальной степени, которая необходима, чтобы обеспечить их политическую лояльность.

Сегодня правоприменители РФ готовы отменять карательные акты советской юстиции, потому что те были вынесены на основании плохих законов и в рамках плохой процедуры и в тех случаях, когда можно посчитать, что «антисоветская деятельность» была неубедительно доказана. Однако их не отменяют в отношении реальных противников коммунистической диктатуры, угрожавших «государственному и общественному строю СССР» (признанному Конституционным Судом в 1992 году антиконституционным). Но главное состоит в том, что **все** судебные решения советского периода по политическим делам, в том числе и последних десятилетий его

⁵ По ходатайству академика Д.С.Лихачева Н.С.Гумилев реабилитирован «за отсутствием состава преступления» 30.09.1991 СК по уголовным делам ВС РСФСР.

⁶ Отказ в реабилитации Л.П.Берии (ВК ВС РФ 29.05.2000), Н.И.Ежова (ВК ВС РФ 04.06.1998).

⁷ Отказ в реабилитации руководителей ВСХСОН 28.12.1992 СК по уголовным делам ВС РФ (Ответ Генеральной прокуратуры РФ №13/187-67 от 02.06.1994 на запрос НИЦ «Мемориал»).

существования, так и не признаны неправосудными и подлежащими отмене из-за того, что их вынесли с нарушением законов своего времени, которые и тогда требовали от обвинителя доказательств наличия субъективного умысла на нанесение вреда своей стране в делах по обвинению в антисоветской деятельности или доказательств заведомой ложности утверждений в делах об антисоветской клевете. Никто этого никогда не доказывал, судебные процессы были незаконны, а правоприменители очевидным образом были повинны в преступлениях против правосудия. Произвол реабилитации, ныне сменявший произвол репрессий предшествующего периода, превращает российскую историю XX века в бессмысленную череду событий и погружает российское общество в морально-политический хаос, в котором состоявшаяся реабилитация Троцкого⁸, как и несостоявшаяся реабилитация Берии, не значат практически ничего.

Этот хаос в исторических, политических и моральных оценках является едва ли не сознательной дымовой завесой, которая вводит общество (и, кажется, не только российское) в долгие и бесплодные дискуссии по частным вопросам осуждений или неосуждений того или иного исторического персонажа и тем самым маскирует основную проблему – необходимость морального, правового и политического переосмысления коммунистической государственной практики во всех странах, где эта человеконенавистническая доктрина была реализована, причем в столь же бесспорных формах, какие были найдены в отношении национал-социализма. Эта оценка необходима не только для внесения в школьные учебники по истории XX века, но и для учета ее в современной юридической практике. Без такого акта вряд ли можно ожидать морального оздоровления страны – необходимого условия для ее успешного развития.

Обращаясь для этого к историческим корням русского коммунизма, следует вспомнить, что в начале XX века Россия, как и весь остальной мир, стояла на пороге перемен, в преддверии индустриальной и постиндустриальной модернизации,

⁸ Л.Д.Троцкий (Бронштейн) по запросу НИЦ «Мемориал» реабилитирован 21.05.92 Прокуратурой РФ (пост. ОС КОГПУ от 31.12.1927 о высылке на 3 года в Сибирь), реабилитирован 16.06.2002 Генеральной прокуратурой РФ (решение Политбюро ЦК ВКПб от 10.01.29 и пост. Президиума ЦИК СССР от 20.02.32 о высылке из СССР, лишении гражданства с запрещением въезда в СССР). (Справки о реаб. №13/2182-90, №13-2200-99. Архив НИЦ «Мемориал»).

и переживала столкновение с очередным вызовом времени. Новый век для своей успешной реализации требовал наличия в обществе некоторой критической массы нетрадиционно мыслящих творческих работников, людей поиска новых путей и сознательного исполнения внутреннего долга. Возможность появления таких людей и обеспечения безопасности работы и самого их существования должна была сопровождаться изменением господствующих в стране ценностных установок общественного мнения. В общественной мысли страны в это время действительно начали культивироваться идеи позитивности личного религиозного выбора и личной религиозной ответственности человека (как в виде поисков новых религий и религиозных философий, так и в виде реформистских течений внутри православия). Как отражение этой тенденции в практической жизни все большим доверием в обществе стали пользоваться идеи оправданности демократического выбора для устройства государственной власти как права и долга гражданина соучаствовать в судьбах страны. Еще более важным для такой сельскохозяйственной страны, как Россия, было признание права частного землевладения, то есть признание того, что отдельный человек может оказаться собственником части России и владельцем земли, до этого воспринимаемой исключительно как Божье и мирское достояние. Разумеется, все это противоречило системе традиционных коллективистских представлений, признававших социум только как иерархически организованный мир, церковь и царство, признававших отдельного человека органической частью коллектива, и потому оставлявших для индивидуального воплощения частному лицу только роли выпавших из архаического общества изгоев, в крайних формах это были роли разбойника, святого или страстотерпца. Поэтому, когда наступившее новое время востребовало к жизненной реализации индивидуальные ценности, народному сознанию были понятны только эти поведенческие модели в их различных сочетаниях («святого» революционера, героического разбойника и т.п.).

К началу XX века стала складываться общественная идеологическая реализация этих архетипических образов, выражавших в своих крайних проявлениях противостояние идеи безграничной воли и идеи самодисциплины внутренней свободы. С одной стороны, все больше заявляла о себе блатная идеология воровского мира, все более и более чарующего письменную литературу (от пушкинского Дубровского до «Двенадцати» Блока), с другой стороны, стало развиваться такое духовное

явление, как старчество с его высокой дисциплиной, начавшее оказывать влияние и на внемонастырский светский мир.

В практической политике идеологическая реализация этих архетипов вылилась в противостояние партии Народной воли и ее наследников, эсеров и большевиков, которая декларировала возможность устройства общественного благополучия с помощью диктатуры силы, насильственным уничтожением политических противников, и «партии народной свободы» (кадетов) и сопутствовавших ей эсдеков, считавших возможным достичь для России благополучия через написание и соблюдение ограничительных конституций, то есть с помощью диктатуры Завета и Закона. На выборах в Учредительное Собрание апологеты народной воли собрали 62,5% голосов, сторонники народной свободы – 7,6%⁹. Таким образом, народы России на самых свободных выборах в своей истории проголосовали за такой XX век, каким он и состоялся, – за век Гулага.

Дальнейшая история страны явилась реализацией этого волеизъявления. Государственная структура страны интегрировала избранную народом модель индивидуализации в качестве доминирующего модуса развития. Поддержанный народом октябрьский переворот покончил со столыпинскими реформами и частным землевладением, модернизация (в масштабах индустриализации) была обеспечена с помощью диктатуры государственной власти. Гулаг как инструмент этой диктатуры уничтожил и унизил сторонников народной свободы, признав их врагами народа, а носителей блатной идеологии, ревнителей народной воли, приблизил и назвал друзьями народа, социально близкими новому политическому режиму. В конечном счете блатной мир распространил свой язык и свои понятия на всю страну¹⁰. Это был вполне объяснимый выбор, так как блатная идеология включает в себя принцип иерархии как производной от волевого и силового авторитета, что соприродно принципу построения тоталитарного государства. Этот выбор позволил смонтировать новую государственную вертикаль и организовать экономику мобилизационного типа, что казалось ее создателям в то время успешным решением проблем, стоящих перед страной.

Свободные творческие силы страны оказались в значительной степени подавленными, что в дальней перспективе

⁹ Выборы в Учредительное Собрание (с 12–14.11.1917 по январь 1918, 715 человек): большевики собрали 22,5 % голосов, эсеры – 39,5%, меньшевики – 3,1%, кадеты – 4,5% (данные по 75 округам).

¹⁰ См. с.242–248 наст. изд..

привело Россию к моральному, идеологическому и хозяйственному кризису, требующему в начале XXI века возвращения к проблематике начала XX века. Но и сегодня носители идеи свободы представляются народу достаточно ненадежными и плохо контролируемыми государственниками. Реформирование православия к концу века также перестало представляться актуальной проблемой, и в этом смысле октябрьский переворот оказался инструментом Контрреформации (собор 1917–1918 года завершил свою работу, не приняв ожидаемых от него решений¹¹). На выборах 2000 года апологеты народной воли (сторонники уничтожения политических антагонистов насильственным путем) собрали еще большее количество голосов (75%), а сторонники народной свободы – еще меньшее (5%)¹². Страна в целом оказалась на задворках постиндустриального мира.

Индустриализация в России, как и во многих странах Запада в предыдущую эпоху, могла быть обеспечена насильственным раскрестьяниванием страны и принудительной мобилизацией рабочих масс, для постиндустриального развития этот механизм, опиравшийся на волевое конструирование государственной жизни, оказался непригодным, и дальнейшее его сохранение вело к развалу политической системы. В категориях политической истории сохранение сложившейся ценностной ориентации общества привело к безвыходному постиндустриальному тупику, в категориях политической философии поставило проблему возможности трансформации ценностных ориентаций общества, что возвращает нас к теме наследия Гулага и возможности его преодоления.

Однако эта проблема оказалась лишь частью общей мировой проблемы XX века. Более полувека назад, в 1945 году, когда победоносные армии союзников разгромили врага и завершили Вторую мировую войну, стало известно о трех ужасающих явлениях. Союзные войска, войдя на территорию Германского рейха, обнаружили лагеря уничтожения и все то, что мы называем сегодня словом «Освенцим». В 1945 году в Италии на польском языке вышла книга «Советская справедливость»¹³, которая впервые описала систему советских концлагерей на основе массового опроса поляков, побывавших в

¹¹ Всероссийский Церковно-Поместный Собор (15.08.1917–07/20.09.1918) принял решение о возобновлении Патриаршества 30.10.1917 (избрание Патриарха Тихона состоялось 05.11.1917).

¹² См. с.49–50. наст. изд

¹³ *Mora S., Zwierniak P. Sprawiedliwosc sowiecka. Wlochy, 1945.*

них, и Гулаг впервые предстал перед мировым сознанием как система тотального насилия. И, наконец, в августе все того же 1945 года были взорваны атомные бомбы в Хиросиме и Нагасаки.

Освенцим, Гулаг и Хиросима оказались символами тупика всей европейской цивилизационной модели, они воплотили итог реализации трех основных концепций государственности, существовавших в XX веке: концепции государства национальной воли, концепции государства социальной справедливости и концепции государства рациональной демократии. Все они выявили свой античеловеческий характер, и человечество попыталось преодолеть этот опыт. Создание ООН¹⁴ и принятие Декларации прав человека в 1948 году было защитной реакцией и попыткой обуздания репрессивного государственного абсолютизма. Однако в целом, и не только в нашей стране, этот опыт остался не осмысленным и не преодоленным, и мир в целом не смог изжить практику политического террора в той же полноте, с какой много ранее нашим предкам удалось изжить практику ритуального каннибализма. Мировые религии не смогли найти новых слов, и мы видим, что и в XXI веке и священники, и родители продолжают благословлять юношей на убийство неведомых им противников, а многие участники сегодняшней политической жизни искренне считают, что Гулаг лечится Освенцимом, Освенцим – Хиросимой, а Хиросима – Гулагом. Для того, чтобы выйти за пределы этого заколдованного круга, требуется глубокое изменение основных ценностных ориентаций общества.

Когда организовывался «Мемориал», основатели видели его не как ветеранскую организацию, обращенную в прошлое, а как сообщество людей, которые от имени прошлого работают ради тех, кому предстоит жить в XXI веке. Они считали, что опыт тоталитарного прошлого нашей страны должен быть преодолен и преобразован в нечто положительное, что Гулаг может стать горнилом для некоторой трансформации, и опыт этот должен быть востребован. К сожалению, время прошло, и мы видим, что обращение к истории Гулага имеет место лишь по поводу каких-то частных политических нужд, но осмысления его места в истории нашей страны так и не произошло, о чем свидетельствует в частности и вся спутанность понятий в отношении реабилитаций.

¹⁴ Всеобщая Декларация прав человека утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. День принятия декларации объявлен «Международным днем защиты прав человека».

Гулаг унес и исковеркал жизни миллионов наших соотечественников, а уходя в историю, оставил нам проблему поиска путей выхода из мира государственной воли и государственного насилия, требующего непрестанных человеческих жертв во имя исполнения идеологических догм, в пространство свободы. Здесь опыт людей, прошедших Гулаг и сохранивших себя, может оказаться значимым, как опыт и пример преодоления очередной ловушки на путях развития цивилизации. Для многих из поживших и выживших в Гулаге он оказался не просто частным опытом выхода из потустороннего царства смерти, а тем, что современная культурология называет *rite du passage*, обрядом перехода, обрядом обретения себя, и этот опыт может иметь не только личное значение. Трансформация связана с переходом через царство смерти, как правило, символической, но всегда имеющей возможность оказаться реальной. Гулаг и был таким потусторонним миром.

Почительность частного опыта преодоления Гулага состоит в том, что он демонстрирует возможность прохождения человека через тотальную бесчеловечность. В Гулаге переставали действовать традиционные для европейской цивилизации священные институты поддержки гражданского быта в виде Семьи, Церкви и Государства, которые в мире Гулага оставались фантомами прошлой жизни. Здесь царило тотальное зло, которое навязывало свои правила жизни: разрушение морали и расчеловечивание, и человек, оставшийся наедине с космосом и близким человеческим окружением, должен был сам и заново установить координаты своего бытия и собственными силами сохранить жизнь и личностную свободу. Если это оказывалось возможным, зек превращался в свободнорожденно-го, если невозможным – погибал.

Человечество в целом сейчас, в начале XXI века, находится примерно в такой же ситуации. Традиционные священные институты европейской цивилизации если и не стали фантомами, то резко понизили свой статус. Семья превратилась в хозяйственную организацию, Церковь в религиозную юрисдикцию, а Государству, доказавшему свою способность к преступлениям, осталась роль территориальной администрации. Люди и народы, как в начале времен, оказались наедине с космосом и близким человеческим окружением и должны заново выработать координаты своего бытия. Как свидетельствует опыт Гулага, это иногда получается. Или не получается.

Сентябрь 2001

XXI век. Тоталитарный соблазн

Новое тысячелетие вошло в Россию под звуки сталинского гимна¹. Бурные протесты свободолюбивых одиночек не смогли превозмочь тайных пристрастий любимцев народа. Впрочем, тем, кто под эту музыку сидел в советских лагерях, теперь под этот гимн дозвоительно просто сидеть (как в Думе С.Ковалеву и Ю.Рыбакову²), остальным надлежит вставать на проверку, хотя можно случайно выйти при исполнении. Это все по Пушкину: «На всех стихиях человек – тиран, предатель или узник».

Дальнейшее не замедлило себя ждать с неумолимой последовательностью символической логики. Не прошло и полугода, как любимый фильм Адольфа Гитлера «Триумф воли» как раз в канун 60-летия нападения Германии на нашу страну, что было апофеозом нацистской воли, стяжал все возможные лавры у кинематографической общественности города.

Почти все городские печатные издания (и И.Кацман в «Новом Петербурге», и Л.Лурье в «Коммерсанте»³) объяснили жителям блокадного Ленинграда, что высокое киноискусство алхимическим образом превращает шедевр нацистской пропаганды в акт антифашизма, по каковой причине следует не возмущаться оскорблением, наносимым памяти 700 (800?, 900?) тысяч жертв триумфа воли, погибших в блокаду, а ликовать, приветствуя госпожу Лёни Рифеншталь на стогнах Санкт-Петербурга. Это все уже по Орвеллу: ложь – это правда, война – это мир, и т.д.

Может быть, из-за публицистического задора верных ленинцев, а скорее по отсутствию внутреннего иммунитета к тоталитаризму, но протестов против гитлеровской эстетики случилось еще меньше, чем против сталинской. К Дому кино

¹ Федеральный Конституционный закон о Государственном гимне РФ (музыка А.В.Александрова, слова С.В.Михалкова) принят (№3 – ФКЗ от 25.12.2000), дополнен (№2 – ФКЗ от 22.03.2001).

² С.А.Ковалев, политзаключенный (1974–1987), депутат ВС (1990–1993), депутат ГД (1993–1995; 1995–1999; 1999–2003); Ю.А.Рыбаков, политзаключенный (1976–1982), депутат ГД (1993–1995; 1995–1999; 1999–2003).³ И.Кацман. Какие фашисты нужны Яковлеву // Новый Петербург. 21.06.2001. Л.Лурье. 22 июня в XXI веке. // Коммерсантъ. 22.06.2001

вышел одинокий пикет из «Мемориала»⁴. Шесть человек, трое бывших политзаключенных. Ни ветеранов войны, ни блокадников, ни молодых радетелей отечества...

И это самый грустный итог прошедшего. Потому что символические акты имеют тенденцию превращаться в реальные события. Как из символического триумфа воли нацистов в Нюрнберге 1934 года произросли нюрнбергские законы 1935-го, а потом и все последующее, вплоть до плана «Барбаросса».

К счастью, мы живем не в изолированном мире, а в достаточно широком, и пока еще остаемся в нем. А в широком мире иные мерки и иные критерии. Ни коммунистический, ни нацистский тоталитаризм кредитом в нем не пользуются, тоталитарная эстетика является объектом специальных интересов, но уж никак не предметом «Послания к человеку», а Лёни Рифеншталь вряд ли может рассчитывать не то что на призы, просто на сколько-нибудь благожелательный прием в странах – участницах Второй мировой войны, в том числе и в самой Германии. Случившийся вскоре действительно международный Московский кинофестиваль продемонстрировал эту ситуацию самым наглядным образом, отметив самыми высокими призами антифашистские фильмы «Фанатик» (США) и «Нечестное состязание» (Италия)⁵.

Тоталитарные идеологии рождаются и вызывают на социальных задворках цивилизации. Очень жаль, что на эти постыдные задворки мы загоняем себя сами.

Июль 2001

ПРИМЕЧАНИЯ

7 декабря (СПб., пикет перед Смольным, организаторы: СПС, Молодежный Союз «Яблоко», Мемориал, Гражданский контроль); 8 декабря (Москва, около Центрального телеграфа, акция, организаторы: СПС и РДП «Яблоко»); более 200 человек отправили телеграммы президенту России Путину против приня-

⁴ 19 июня состоялся пикет «Мемориала» перед Домом кино в знак протеста против демонстрации и премирования фашистских фильмов в рамках фестиваля документального кино «Послание к человеку» (плакаты: «Обыкновенный фашизм», «Позор», «Nazis Raus», «Schande»).

⁵ XXIII Московский международный кинофестиваль состоялся 21–30.06.2001, председатель жюри Маргарет фон Тролтга. Победители: «Фанатик» (The Believer). Реж. Генри Бин, 2001. (приз «Золотой св. Георгий»); «Нечестное состязание» (Concorenza sleale / Unfair Competition). Реж. Этторе Скола, 2001. (приз «Серебряный св. Георгий»).

тия «сталинского гимна», участники акции были разогнаны милицией; 11 декабря (СПБ., угол М.Конюшенной и Невского пр., пикет, организаторы: СПС, Молодежный Союз «Яблоко», Мемориал, Гражданский контроль, НТС, Гражданская позиция); 22 декабря (Москва, Лубянский проезд, митинг, организатор – движение «Первое свободное поколение»). Еще см.: За Глинку! Против возврата к советскому гимну // Сб. материалов / Сост.: М.О.Чудакова, А.Р.Курилкин, Е.А.Тоддес. – М.: Школа «Языки русской культуры». 2000. – 128 с

«Triumph des Willens», 1935. Reichsparteitagsfilm der L.R. Studio-Film. Der Regisseur Leni Riefenstahl, der Producer Walter Traut. Документальный фильм о 6-м съезде национал-социалистической партии Германии (Нюрнберг, 04.09.1934). Гран-при на Всемирной выставке искусств и техники (Париж, 1937); награжден премией «Синекон» за выдающийся вклад в киноискусство (Лос-Анжелес, 1997).

XI Международный кинофестиваль документальных, короткометражных игровых и анимационных фильмов «Послание к человеку» (Санкт-Петербург, Дом кино, кинотеатры «Аврора», «Свет», 15–22.06.2001), председатель жюри Томас Фрикель. «Триумф воли» демонстрировался 19.06.2001; две серии фильма «Олимпия» 20.06.2001 в Доме кино. 21.06.2001 автору этих фильмов Лёни Рифеншталь генеральный директор фестиваля М.С.Литвяков вручил специальный приз «За неоценимый вклад в развитие мирового кинематографа» (жюри во главе с председателем от награждения дистанцировалось).

Пути права

«Что же это такое – правозащитная организация?» – спросил я Бориса Павловича Пустынцева, председателя «Гражданского контроля», одной из самых известных правозащитных организаций в нашем городе. «Уже и не знаю», – ответил он. Проблема действительно существует. Общественных и полугосударственных организаций, помогающих нашим согражданам защищать их законные интересы, права, льготы или привилегии, в городе достаточно много, круг проблем, охватываемых ими, чрезвычайно широк, выражение «правозащита», используемое ими в целях самоидентификации, стало расхожим термином, смысл которого от частого употребления почти стерся. Невозможно ответить на вопрос, почему, например, «Грань», защищающая интересы людей, пользующихся креслами-колясками, или преследующее не менее достойные цели сообщество «Родители против рака», считают себя правозащитными организациями, а такие общеизвестные ассоциации, защищающие права и интересы своих членов, как общества блокадников или военных ветеранов, себя таковыми в городских списках не числят? Почему из всех профсоюзов в нашем городе только Объединение свободных профсоюзов «Справедливость» (председатель Владимир Ильич Гомельский) осознает себя правозащитной организацией и рассматривает свою работу как правозащитную? Все это вызывает желание хотя бы немного понять происходящее.

К середине XX века презрение современного государства к частной человеческой жизни было убедительно доказано. Устрашенное человечество приняло в ООН «Декларацию прав человека» инструмент, который должен был защитить людей от них самих, от порождений их собственного разума и выбора. Западная политическая философия исходила при этом из абсолютности неотъемлемых и неотчуждаемых моральных прав человека и очевидности права человека на жизнь. Западный мир, опытом своей истории совсем не будучи в этом убежденным, принял новый политический словарь, вложив в него свои собственные смыслы. В расколоте надвое послевоенном мире произошло разделение и по вопросу прав человека. 19 декабря 1966 года та же ООН приняла уже два доку-

мента: «Международный пакт о гражданских и политических правах», защищающий основные гражданские права и политические свободы (право на жизнь, личную свободу, личную неприкосновенность, свободу мысли, совести, слова и т.п.), основанные на постулатах западной ментальности, и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», декларирующий социальные гарантии выживания человека в современном мире¹.

Экономические и социальные права (право на труд, на забастовку, на социальное страхование, на оплачиваемый отпуск и т.п.) часто называют «правами второго поколения», они являются не абсолютными нормами, а лишь морально мотивированными социальными ориентирами, достижение которых и закрепление в национальных законодательствах зависит от уровня экономического развития того или иного государства. Коммунисты, для которых личная свобода человека всегда была одним из самых ненавистных понятий, обычно настаивали на том, что именно социально-экономические права являются приоритетными перед правами гражданскими, и утверждали, что только наличие материальных и социальных гарантий государства открывает человеку путь к последующим политическим и гражданским свободам.

«Будет хлеб – будет и песня» – в полном соответствии с принципами исторического материализма утверждал Л.И. Брежнев в своем бестселлере «Целина»². Западные авторы, в свою очередь, обращали внимание на то обстоятельство, что именно в странах с максимально не стесненными политическими и гражданскими свободами уровень социального обеспечения населения, как правило, оказывался намного выше, чем в странах победившего социализма, и, таким образом, законодательное закрепление социально-экономических прав нужно действительно считать констатацией достигнутого уровня прав «второго поколения». С той поры и ведется этот бесконечный спор о правомерности уравнивания двух систем ценностей, а с ним и спутанность понятий в отношении правозащитной работы.

¹ СССР подписаны 18.03.1968, ратифицированы (постановлением Президиума Верховного Совета 18.09.1973), депонированы 16.10.1973. Вступили в силу: Международный Пакт о гражданских и политических правах 23.03.1976, а Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах – 03.01.1976.

² Правильно: «Есть хлеб – будет и песня». См.: *Брежнев Л.И. Воспоминания.* – М., 1982. С.144.

Для сегодняшнего российского общества с его прагматическим национальным самосознанием, для российского государства с его нищим народным хозяйством и для населения, ощущающего себя на грани физического выживания, принципиальные аспекты правозащитного спора кажутся малоактуальными. Правозащитная идея у нас аморфна и не требует ясности, а спектр правозащитных организаций не имеет ясного членения и не нуждается в нем. С одной стороны, у нас есть «Гражданский контроль», мощная организация с профессиональным штатом и мероприятиями общероссийского масштаба, наиболее тяготеющая к классическим европейским понятиям и формам работы. «Гражданский контроль» активно взаимодействует с государственными органами, издает книги, проводит конференции, отрабатывает законодательную базу с депутатами Думы и специалистами в области государственного права, а частными делами занимается только в тех случаях, если видит в них принципиальный или прецедентный смысл. Но спросите их руководителей, Бориса Павловича Пустынцева или Юрия Иннокентьевича Вдовина, и они, подтвердив, что их система ценностей базируется на безусловном признании приоритета политических и гражданских свобод, признаются, что в наши дни отгородиться от проблем «прав второго поколения» невозможно, и поэтому действует постоянный проект «Гражданская инициатива», созданный для осуществления программ социального характера.

С другой стороны, «Независимая группа по правам человека» (Владимир Владимирович Алексеев, Марианна Абрамовна Ханукова, Леонид Борисович Лемберик и др., всего около 10 человек), организация, наиболее соответствующая по устройству и духу правозащитным организациям поздней советской эпохи, работает без официальной регистрации, без реального бюджета, без собственного помещения и держится исключительно на энтузиазме своих членов. Организация ведет открытый уличный прием посетителей, а это значит, что она ориентирована на конкретную социально-экономическую проблематику (естественно, что самый большой блок обращений – это жилищные проблемы). Она оказывает консультационную помощь и юридическую поддержку горожанам в меру своих сил и возможностей. Но спросите Леонида Борисовича Лемберика о приоритетах этой группы, и он вам скажет, что они вполне отдают себе отчет, что социальные права могут быть надежно защищены только при гарантиях соблюдения прав гражданских и политических, расширения и защиты ко-

торых нужно добиваться, но считают, что в сегодняшней ситуации в городе и в стране нужно просто защищать насущные законные интересы людей, исходя из уже сложившейся юридической и административной ситуации, и любая общественная организация, которая более или менее регулярно это делает, является безусловно правозащитной.

Тем не менее, развитие в направлении к переходу от защиты частных социально-экономических прав и интересов людей к защите основных гражданских прав и свобод человека как действенной гарантии благополучия всего социума наблюдается и в наших правозащитных организациях. Разумеется, есть такая старейшая общественная организация, как «Мемориал», с самого своего основания ставящая целью переход от защиты интересов жертв политических репрессий к созданию системы политических и правовых гарантий недопущения политического произвола и незаконного насилия в качестве инструментов политической жизни страны. «Мемориал» вводит исторический опыт прошлого в национальное самосознание России и поэтому стоит на позициях безусловного признания приоритета прав человека и основных свобод. Однако и такая правозащитная организация, как «Центр правовой помощи им. Гарольда и Сельмы Лайт (Лайт-центр)» (руководитель Леонид Абович Львов), которая начала свою деятельность в 1992 году с бесплатной правовой помощи гражданам и защиты конкретных прав национальных меньшинств, беженцев и вынужденных переселенцев, к 1998 году превратилась в регионального координатора программы Московской Хельсинкской Группы «Мониторинг прав человека в России». Сегодня Лайт-центр разрабатывает просветительные программы «Климат доверия» по формированию толерантного сознания и по профилактике экстремизма в межнациональных отношениях и организует семинары для учителей, сотрудников правоохранительных органов и общественных организаций Северо-Запада России, то есть занимается тем, что считается первоосновой понятия «права человека», – пропагандой абсолютности моральных прав и достоинства человека. В том же направлении развивается организация «Африканское единство» (председатель Тункара Алиу), на глазах совершающая эволюцию от защиты конкретных интересов африканцев, живущих в Санкт-Петербурге, и противодействия расовой и национальной дискриминации в городе к общей проблематике человеческого равенства и защите моральных ценностей общества.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что сегодня в нашем городе общественная организация исходно называет себя правозащитной, если считает, что на более или менее регулярной основе в своей работе она противодействует проявлениям дискриминации или несправедливости в отношении локальных социальных групп или просто отдельных граждан. Эти организации, как правило, считают, что устойчивое достижение свободы и справедливости в обществе может быть достигнуто путем политического и юридического нормирования (мы не рассматриваем здесь другие мнения), и медленно эволюционируют в сторону защиты фундаментальных прав и свобод человека как гарантии социального и политического благополучия всех. Правозащитные организации или расширяют свое участие в общероссийской общественной и политической проблематике, или перестают осознавать себя правозащитными и становятся обществами, обеспечивающими охрану законных интересов каких-либо социальных групп, то есть нормальными элементами развитого гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург). Создана в 1992 инициативной группой. Зарегистрирована в 1992. Цель – осуществление контроля со стороны Парламента и граждан страны над деятельностью правоохранительных органов (спецслужб, армии, милиции). Членов 12 человек. Председатель организации – Б.П.Пустынцев.

Санкт-петербургская региональная общественная организация инвалидов «Грань». Создана в 1991 инициативной группой инвалидов-колясочников. Зарегистрирована в 1998. Основное направление деятельности: защита прав и представление интересов людей с ограниченными возможностями, пользующихся креслами-колясками. Членов 20 инвалидов-колясочников. Председатель Совета Учредителей – С.А.Фильченкова, исполнительный директор А.А.Смирнова.

Региональная общественная организация «Дети и родители против рака» (Санкт-Петербург). Создана в 1994. Организация объединяет родителей детей, больных или переболевших онкологическими заболеваниями, а также родителей, которые потеряли детей. Цель – защита прав детей-инвалидов по онкологическим заболеваниям и их семей; обеспечение доступа каждого

ребенка, больного раком, к наиболее прогрессивным возможностям лечения и реабилитации. Председатель организации Р.Б.Яворский.

Объединение свободных профсоюзов «Справедливость» создано в 1987 как «Комитет демократизации профсоюзов», реорганизовано в Клуб демократизации профсоюзов, с 14.10.1990 – Объединение независимых профсоюзов «Справедливость». Объединяет независимые профсоюзы (1990 – 7, 1993–1994 – 19, с 1997 – 19). Помогает в судебных процессах по трудовым спорам, ведет консультационную работу с профсоюзами различных предприятий. Членов 6 человек. Председатель Совета В.И.Гомельский.

Независимая группа по правам человека. Создана 09.03.1993 группой лиц. Работает без гос.регистрации, частные пожертвования эпизодического характера. Около 10 человек. Руководитель группы – В.В.Алексеев, секретарь – М.А.Ханукова.

Благотворительная Автономная некоммерческая организация «Центр правовой помощи имени Гарольда и Сельмы Лайт» Создана в 1992 юридическим лицами: Американской правозащитной общественной организацией «Совет области Залива по возрождению еврейства» (Сан-Франциско) и Еврейской ассоциацией Санкт-Петербурга «Информационно-консультативный центр по репатриации и эмиграции», с 1994 – защита прав нацменьшинств, с 1996 проект «Климат доверия». Перерегистрирована в 1999. Членов 12 человек. Председатель Совета директоров и исполнительный директор Л.А.Львов

МХГ (Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР) создана в 1976 в Москве, объявлена 12.05.1976 на пресс-конференции на квартире А.Д.Сахарова (руководитель Ю.Ф.Орлов), осуществляла контроль за выполнением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. В сентябре 1982 Е.Г.Боннэр объявила о прекращении работы группы. Вновь учреждена 28.07.1989 (устав принят в 1993) с целью практического выполнения гуманитарных статей Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Председатели Л.И.Богораз (1989–1994), К.А.Любарский (1994–1996), Л.М.Алексеева (с 1996). С 1998 осуществляет мониторинг по правам человека по всей территории РФ.

Санкт-Петербургская Общественная Организация «Африканское единство» создана 08.08.1999. Совет учредите-

лей 12 человек. Зарегистрирована. 30.12.1999. Задача – защита прав африканцев в СПб., 700 членов. Председатель Правления Тункара Алиу.

«Гражданская инициатива» – проект общественной правозащитной организации «Гражданский контроль». Разработан в 1994 организациями «Немецко-Русский обмен» (Берлин) и «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург). Цель проекта – оказание методической помощи неправительственным объединениям, их юридическое просвещение, обучение их организационной работе, основам финансовой дисциплины, навыкам получения и обмена информацией. Координатор проекта Э.Ю.Пустынцева.

Май 2001

Мы сами¹

Последние годы существования СССР, начиная с середины 60-х годов, характеризуются появлением двух новых феноменов общественной жизни страны – «диссидентства» и «самиздата», которые многие историки считают уникальными. Именно эти два явления предшествовали началу самораспада некогда единого идеологического пространства советского блока, и поэтому обращение к истории этого периода является актуальной проблемой, так как может помочь нам понять смысл происходивших тогда, и, значит, и продолжающих происходить сейчас событий и процессов. Читатель настоящего сборника, посвященного ленинградскому самиздату, может убедиться, что история самиздата того времени, даже в пределах одного города, была неостановимой лавиной событий. Одни независимые и самодеятельные издания прекращали выходить, но другие, подобные им, тут же возникали, казалось бы, на пустом месте, тиражи росли, а круг авторов и, что немаловажно, читателей умножался год от года. Противостояние авторов, издателей, печатников и распространителей самиздата (то есть тех, кого стало привычно называть диссидентами) запретительной и карательной деятельности идеологической полиции во всех ее институализированных формах наполняло жизнь в городе драматическими переживаниями и пафосом борьбы, которая воспринималась как борьба общества за свою свободу.

В этом противостоянии самиздат победил. Действующее ныне законодательство не предусматривает предварительной цензуры², а изданию малотиражных текстов до 1000 экземпляров³ (а больших тиражей у самиздата и не было) не ставит

¹ Предисловие ко 2-му изданию сборника «Самиздат»: *V.V.Iofe. Wir selbst / Samizdat. S.-Pb., «Memorial», 2001.S.5–7.*

² Приказ Министерства печати и информации РФ от 22.11.1991 об упразднении органов ГУОТ (Главлит переименован в ГУОТ на основании временного положения СМ СССР от 24.08.1990; затем – Приказ Министерства информации и печати от 25.07.1991 о переименовании ГУОТ в Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации) при СМ РСФСР. На основе региональных органов созданы органы гос.инспекции по защите свободы печати в РСФСР.

³ Закон о средствах массовой информации РФ (от 27.12.1991 №2124-1 ФЗ, с изменениями и дополнениями от 04.08.2001 №107-ФЗ) ст. 12.

видимых административных ограничений. Сегодня собственные издания авторов, появление печатной продукции любых научных, общественных и политических организаций стало вполне заурядным делом. И теперь, по прошествии достаточного времени после этих страдных лет, мы можем позволить себе проявить академическую отстраненность и по-новому взглянуть и на феномен самиздата, и на смысл пережитой нами недавней истории.

Терминологически самиздат – это всего лишь не нормируемая государством издательская деятельность или, выражаясь современным языком, независимая деятельность, ставящая своей целью передачу информационного продукта неопределенному числу пользователей. Эти слова вводят нас в сердцевину сегодняшней проблематики, в проблематику интернета, который оказался высшей формой самиздата. Все сегодняшние споры вокруг интернета и возможностей злоупотребления им лишь повторяют многое из того, что говорили о самиздате в органах идеологического надзора 20–30 лет назад в желании его запрещения.

Сегодня мы видим, что самиздат оказался всего лишь предпоследним этапом на долгом пути от рабов-переписчиков античного мира до повсеместно протянутой паутины (www) информационных сетей нового тысячелетия. Процесс информационной глобализации, отвечавший потребностям человечества в самосознании, а человеческой личности в непосредственной творческой самореализации, был обеспечен нарастающими техническими возможностями XX века. Технический прогресс принес возможность окончательного преодоления информационной разрозненности старого мира. Он начал свое ускорение исторически недавно, с появления телеграфных агентств, офсетной печати и радио и практически за одно столетие подчинил себе весь мир. Этот процесс шел по законам органического развития – спонтанно, слепо и неодолимо во всех странах европейской цивилизации. И если какое-то правительство пыталось выстроить плотину на этом пути, узурпировать техническую базу и отстранить частного человека от причастности к мировому процессу, то, как только его запретительная хватка слегка ослабевала и в стене запретов обнаруживалась хотя бы самая малая щель (в СССР такой щелью оказалась невозможность тотального учета владельцев пишущих машинок), то накопившийся потенциал изменений реализовывал себя по законам цепной реакции и в конце концов сносил эту плотину (как это и случилось в СССР). Таким образом, самиздат в СССР был не столько средством борьбы общества с дес-

потическим режимом (как это виделось многим непосредственным участникам событий), сколько спонтанной взрывной реализацией потребности общества в полноте информации, отвечающей реальной эволюционной тенденции человечества.

Контрпродуктивная запретительная политика советского правительства была не случайной. Информационная глобализация была связана с процессом суверенизации человеческой личности, с признанием человека сотрудником провидения и принятием им личной ответственности за дела мира. А это означало растабуирование доселе непреложных оснований европейской культуры и критический пересмотр базовых институтов общепринятой цивилизационной модели. Так, к концу XX века считавшиеся ранее абсолютными ценности Семьи, Церкви и Государства, на которых наша цивилизация покоилась веками, в условиях достигнутой личностной свободы оказались ценностями относительными и персонализированными. Семья стала соотноситься с проблемами регистрации гражданских отношений, Церковь – с проблемами регистрации церковных юрисдикций, а Государство, доказавшее свою способность к преступлению Освенцимом, Кольмой и Хирозимой, могло претендовать лишь на роль региональной гражданской администрации и не претендовать на большее. Кризис изживаемой цивилизационной модели и был основным содержанием истории XX века. Разумеется, такая направленность изменений должна была вызвать сопротивление сил, укорененных в старом порядке вещей. Их надежды преодолеть ход времени должны были найти свое теоретическое обоснование. Эту роль сыграло коллективистское коммунистическое учение Маркса и Ленина, воскрешавшее обычаи племенного общежития и ставшее опорой и основанием новой Контрреформации.

Коммунистическая идеология, как всякое охранительное и ретроградное учение, способна была затормозить ход эволюционных процессов в стране, но лишь при условии полной изоляции населения от внешнего мира. Как только искусственная блокада страны, и в первую очередь информационная, стала размываться, собственная активность российских граждан неизбежно должна была прорваться наружу и вернуть Россию миру, от которого она была отторгнута в течение нескольких десятилетий. Инструментом внутреннего освобождения и оказался наш САМиздат, и это значило, что мы смогли стать свободными САМИ.

Январь 2001

«В мире двух диктатур» Россия и Германия в XX веке¹

Выставка «В мире двух диктатур» – это рассказ о том, как два европейских государства, Россия и Германия, в начале XX века выпали из русла мировой цивилизации и оказались ввергнутыми в состояние первобытной орды. В своей государственной практике эти страны воспроизвели всю психологию раннекаменного века: разделение мира на «своих» и «чужих», культовые обряды племенного единства, магические заклинания государственной пропаганды, обожествление племенных вождей, мистический страх перед возможными кознями тайных вражеских сил. Поиск внутренних и внешних врагов и борьба с ними составили суть политической философии и карательной политики этих диктаторских режимов. Технические средства XX века придали развязанной ими охоте на людей невиданный ранее размах, а заражение мира этими репрессивными идеологиями и их преодоление составили основное содержание мировой истории XX века.

Война государства с человеком развивались в России и Германии по-разному. В России новому строю удалось почти сразу избавиться от своих действительных и мнимых противников с помощью бессудных убийств периода «красного террора», гражданской войны и двухмиллионной эмиграции. Позже прямое уничтожение оппонентов было заменено отправкой их в концлагеря устрашения (наиболее известным из них был лагерь на Соловках), где они проходили курс разрушения человеческой личности демонстративным произволом администрации и бессмысленной дисциплинарной муштрой. В дальнейшем поиск вредителей расширился и все новые категории населения объявлялись «врагами народа» и подлежали репрессиям: либералы, социалисты, офицеры, инженеры,

¹ Выставка «В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке» открыта в Просветительном центре 27.10.2000, экспонировалась в Воронежском Государственном Педагогическом Университете (16–23.04.2001), в Национальном музее Республики Коми (Сыктывкар, 16.04–16.05.2002). Легла в основу: Дискуссия «Опыт России и Германии в XX веке» (СПб., 19.02.2001), Российско-германский семинар «Мир за колочей проволокой» (Воронеж, 16–23.04.2001), Международный симпозиум памяти В.В.Иофе «Мир после Освенцима и ГУЛАГа» (Сыктывкар, 15–16.05.2002).

священники, крестьяне, финны, поляки, немцы, эстонцы... эс-перантисты... списку этому не было конца. «Врагов народа» ждали расстрелы и лагеря, и созданный в 1931 году Гулаг за последующие десятилетия пропустил через себя миллионы безвинных жертв. Через двадцать лет после октябрьского переворота, в 1937–1938 годах террор достиг максимума, затем несколько спал в предвоенный период, но и тогда, и в последующие годы он уже существенно не снижался. В сороковые–пятидесятые врагами народа объявлялись целые народы: чеченцы, ингуши, калмыки, греки-месхетинцы, евреи, ассирийцы...

В Германии национал-социалистический режим после прихода к власти в 1933 году начал с устройства концлагерей устрашения (наиболее известным из них был лагерь в Дахау), где политические и идеологические оппоненты режима проходили курс разрушения личности (как это было на советских Соловках). В дальнейшем репрессии расширялись, врагами рейха были объявлены также целые категории населения: социал-демократы, евреи, цыгане, «Свидетели Иеговы», душевнобольные, расово неполноценные, гомосексуалисты, декаденты и т.п. С начала войны были созданы лагеря уничтожения, где врагов уничтожали промышленными способами, и счет убитых пошел на миллионы.

В первобытном мире прямое уничтожение пленных врагов племени было со временем заменено более прагматичным обращением их в рабство. Точно так же через несколько лет после становления диктаторских режимов России и Германии их правительства пришли к осознанию мысли о том, что жертвы режима могут быть использованы как рабочая сила на пользу государства, и смерть заключенного от чрезмерного труда полезнее, чем прямое убийство его как врага народа. В июле 1929 года было принято Постановление Совета Народных Комиссаров «Об использовании труда уголовно-заключенных»², которое положило начало широкому использованию труда заключенных в экономике Советской России, в начавшейся индустриализации, в «великих стройках коммунизма». Национал-социалистическая Германия пришла к тому же выводу под давлением обстоятельств военного времени в мар-

² Постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» от 11.07.1929. – ГАРФ, ф.6446, оп.1, д.48, л.210–212. Цит. по: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны: 1930-е годы. Сборник документов. – М., 1998. С.19–20.

те 1942, когда рейхсфюрер СС Гиммлер отдал распоряжение Хозяйственному управлению СС шире использовать труд заключенных в военной промышленности³. Эти административные акты не ликвидировали работу машин смерти, но способствовали тому, что лагеря массового уничтожения стали во все большей степени сменяться шахтами и каменоломнями массового уничтожения, лесозаготовками массового уничтожения, железнодорожным строительством массового уничтожения (Россия в этом преуспела, у Германии осталось мало времени). Как и в эпоху великих деспотий древности, наличие большого количества государственных рабов позволяло новым диктаторам затевать амбициозные проекты великих строек, которые должны были навсегда остаться в памяти потомков. Так были построены Беломорканал (1933 год) и Москволгоканал (1935 год), заложены железные дороги по краю Северного Ледовитого океана (1949 год, лагерь в Салехарде) и через пустыню Сахару (1942 год, лагерь в Джельфе, Алжир). Со смертью диктаторов машины смерти были остановлены, но соблазн возврата к магической реальности племенной соборности остался и находит своих поклонников в наших странах и по сей день.

Выставка «В мире двух диктатур» посвящена тем мужчинам и женщинам России и Германии, кто, живя среди торжествующей жестокости и бесправия, смог не соблазниться злом, сохранить личную внутреннюю свободу и остаться человеком в бесчеловечном мире XX века.

Октябрь 2000

³ Распоряжение Гиммлера. BA, NS 3/1080, fol. 118, Anordnung Himmlers vom 3.3.1942. Цит. по: Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Band II. S.641.

Пережить напасть (война против всех)

В те дни, когда экономика страны разваливается ради прибылей финансовых олигархов, территория раздробляется в угоду удельным воеводам, единая нация рассыпается в интересах племенных вождей, а мораль народа отравлена криминальным сознанием, мы вправе ждать от центрального правительства мер по предотвращению атомизации российского общества, по прекращению «войны всех против всех». Стране сегодня, как никогда ранее, нужна эффективная федеральная служба для защиты интересов граждан России.

Но то, что нам готовит политическое руководство страны, – это лекарство, что горше самой болезни. Нам предлагают воспользоваться опытом и традициями КГБ СССР. Казалось бы, относительно традиций «чекизма» давно уже не может быть никаких иллюзий. Система политического контроля, основанная на тотальном осведомительстве и искусственно созданных показательных судебных процессах, естественным образом привела к деморализации всего населения страны и к прогрессирующей профессиональной несостоятельности самой полицейской службы, неспособной работать в реальном правовом пространстве и потому постоянно требующей права на тайну и произвол для компенсации своей некомпетентности.

Органы безопасности СССР 70 лет были органами морального растления нации, что и оказалось действительной причиной тотального поражения страны. Была надежда, что эту традицию можно будет прервать. Но преступники против правосудия давних и недавних лет оказались не осуждены и даже не названы, урок безнаказанности преподан всем желающим, и сегодня нам опять предлагают лечиться этим ядом.

Виктор Васильевич Черкесов, профессиональный преследователь инакомыслящих, боролся с деятелями женского, профсоюзного, религиозного движений 70–80-х годов. Пока презрение к нормам права было в обычае, это получалось у него вполне удачно. В перестройку (в 1988) был назначен начальником следственного отдела ленинградского управле-

ния КГБ. Приобрел всероссийскую известность тем, что готовил последнее в СССР дело по антисоветской пропаганде и агитации, уже как акт чистого искусства, без жертв, к которым подступиться так и не смог, законность не позволила. Повышен в должности и в 1992 назначен начальником Санкт-Петербургского управления службы безопасности¹. Приобрел мировую известность тем, что готовил в 1996 году дело по обвинению эколога капитана А.Никитина в шпионаже. Повышен в должности и в августе 1998 назначен заместителем директора Службы федеральной безопасности России.

Устоит ли теперь законность в стране, вот в чем вопрос.

Август 1998

Дело Никитина окончательно провалилось в 1999 году, и в 2000 В.В.Черкесов назначен представителем президента на Северо-Западе России².

Если считать, что высшим смыслом новой административной реформы³ является ускорение бюрократического паралича государственного организма России (ничем иным переход с трехступенчатой системы управления страной к четырехступенчатой быть не может), то привлечение к высшей власти представителей самого непрофессионального и вредоносного для страны государственного ведомства (не менее 90% его деятельности официально признано браком и фальсификацией) вполне объяснимо.

¹ Назначение В.В.Черкесова (Указ Президента Ельцина от 01.10.1992) вызвало волну протестов: обращение к мэру Санкт-Петербурга А.А.Собчаку сопредседателя Общества «Мемориал» В.В.Иофе (21.10.1992), протест Председателя Комитета Верховного Совета РФ по правам человека С.А.Ковалева (от 19.11.1992), Обращение к президенту Ельцину Председателя Горсовета Санкт-Петербурга А.Н.Беляева (от 20.11.1992). По согласованию с Комитетом Верховного совета РФ по вопросам обороны и безопасности, представителем Президента России и мэром Санкт-Петербурга 23.11.1992 вступил в должность начальник Управления Министерства Безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

² В.В.Черкесов назначен полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе (УП РФ №849 от 19.05.2000).

³ Положение о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе (УП РФ №849 от 13.05.2000 «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» (СЗ РФ, 200, №20, ст.2112; №26, ст. 2748; №38, ст.3781) предусматривает разделение территории РФ на семь округов и проведение организационно-штатных мероприятий по взаимодействию между подразделениями Администрации Президента РФ.

Мы надеемся, что российское общество сохраняет в себе достаточно здоровых сил, чтобы пережить и эту напасть.

Май 2000

ПРИМЕЧАНИЯ

Черкесов Виктор Васильевич (1950 г.р.), родился в Ленинграде, окончил юридический факультет ЛГУ, с 1975 следователь УКГБ по Ленинграду, начальник следственного отдела УКГБ по Ленинграду (1988–1992), начальник УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (1992–1998), первый заместитель директора ФСБ РФ и куратор региональных УФСБ (1998–2000), полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе (с мая 2000). Генерал-лейтенант (1995), награжден орденом Красной звезды (1984).

«Послужной список» Черкесова:

Дело В.Ю.Пореша (журнал «Община», Христианский семинар): 1979, приговорен к 6 годам лагеря и 5 годам ссылки; дело Н.И.Мальцевой (журнал «Женщины и Россия»): 1980, приговорена к 2 годам лагеря условно; дело М.Б.Мейлаха: 1983, приговорен к 7 годам лагеря и 3 годам ссылки; дело Р.Б.Евдокимова–В.Э.Долинина (СМОТ): 1983, приговорены: Евдокимов к 5 годам лагеря и 3 годам ссылки, Долинин к 4 годам лагеря и 2 годам ссылки.

Дело №64 возбуждено 13.12.1988 (ст. 70 ч.1 УК РСФСР) след.отделом УКГБ ЛО в отношении Партии ДС «по факту изготовления и распространения документов, содержащих призывы к борьбе с существующим строем», прекращено 13.09.1989 в связи с новой редакцией ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда» УК РСФСР (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.09.1989: Ведомости Верховного Совета РСФСР, №37, ст.1074): предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за «Призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя».

Дело Никитина: Никитин Александр Константинович (1952 г.р.), капитан 1 ранга запаса. Консультант Экологического объединения «Беллуна» по вопросам радиационной безопасности (с 1994). Арестован 06.02.1996 в СПб. по обвинению в шпионаже (ст. 64 УК РФ), в следственном изоляторе УФСБ по СПб. и ЛО (с 06.02.1996 по 14.12.1996). 29.08.1996 провозглашен «Международной амнистией» узником совести. Освобожден 14.12.1996 под

подписку о невыезде. Лауреат международной Экологической премии им. Голдмана (присуждена 15.04.1997). Городским судом СПб. 29.10.1998 дело по ст. 275 (государственная измена) и 283 ч.2 (разглашение государственной тайны) УК РФ отправлено на следствие. Городским судом СПб. 29.12.1999 по ст. 275 и 283 ч.2 УК РФ на основании ст. 49 Конституции РФ и ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека, ратифицированной РФ, оправдан за отсутствием состава преступления.

О выборах президента¹

Хочу обратить внимание на один важный смысловой итог прошедших выборов². В ноябре 1917 года, когда в России избиралось Учредительное Собрание, за партию конституционных демократов (партию народной свободы) проголосовало 4,5% избирателей, за большевиков, обещавших скорое социальное счастье, – 22,5% и за партию социалистов-революционеров, партию бомбистов (признававшую метание бомб в неудобных сограждан допустимым инструментом политической жизни, а сопутствующую гибель посторонних людей – досадным, но извинительным обстоятельством), отдали голоса 40% избирателей. Прошло 80 с лишним лет, сменилось три поколения, в результате применения массовых репрессий (государственного терроризма, неизбирательного насилия в различных формах) погибло много миллионов жителей России. Были подорваны национальная мораль и народное хозяйство, страна оказалась на пороге катастрофы. Однако и сегодня кандидат от партии власти, которая признает метание бомб (в Чечне) законным инструментом политической борьбы, собирает более 50% голосов, за партии демократии голосуют все те же 5% избирателей, а политические наследники большевиков даже увеличили свою привлекательность в глазах населения и собирают 30% голосов избирателей³. Таким образом, становится понятным, что бомбизм – это и есть та осуществленная национальная идея России, поисками которой озабочены наши государственные идеологи. Она достаточно полно реализовала себя в XX веке, и с ней мы переходим в XXI (как мы знаем, принцип бомбизма, теперь уже термоядерного, недавно был включен и во внешнеполитическую военную док-

¹ Текст послан в газету «Известия», не опубликован.

² Выборы Президента РФ (26.03.2000), избран В.В.Путин, подполковник КГБ; инаугурация состоялась 05.07.2000, благословил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II (Ридигер А.М., агент «Дроздов»).

³ Согласно официальным данным ЦИК, результаты кандидатов были следующими: В.В.Путин (52,94%), Г.А.Зюганов (29,21%), Г.А.Явлинский (5,80%), А.М.Тулеев (2,95%), В.В.Жириновский (2,70%), К.А.Титов (1,47%), Э.А.Памфилова (1,01%), С.С.Говорухин (0,44%), Ю.И.Скуратов (0,43%), А.И.Подберезкин (0,13%), У.А.Джабраилов (0,10%). Против всех проголосовали 1,88%.

трину России)⁴. Скорее всего, это означает, что страна устойчиво голосует за окончательное прекращение своего исторического существования, и в этом свете наблюдаемое в течение последних двух лет привлечение к высшей власти представителей органов национального самоубийства выглядит вполне логичным актом.

26.03.2000

⁴ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена 10.01.2000 и.о. президента В.Путиным; введена в действие УП №706 от 21.04.2000) предусматривает применение ядерного оружия, как главного сдерживающего фактора внешней угрозы.

К забытой годовщине (10 лет со дня смерти А.Д.Сахарова)¹

Имя Андрея Дмитриевича Сахарова неразрывно связано с историей общества «Мемориал», одним из основателей которого он был и которое возглавлял в последние годы своей жизни. И надо отдать должное, действительно благодаря Андрею Дмитриевичу Сахарову, просто благодаря масштабу его личности это общество избежало опасности измельчения и не впало в два расхожих соблазна. Оно не стало еще одним ветеранским обществом жертв коммунистического режима (хотя социальная работа и помощь жертвам Гулага является неотъемлемой частью жизни «Мемориала»), и оно не стало еще одним из многочисленных обществ защиты людей (хотя правозащитная работа является также одним из приоритетных направлений деятельности «Мемориала»). Как ни важны сами по себе эти направления и эта работа, но в процессе становления и поиска собственной идентичности стало приходиться понимать, что главной задачей «Мемориала», его собственной задачей, является проблема преодоления наследия Гулага.

Если обратиться к состоянию российского общества в начале XX века, то мы увидим, что тогда страна находилась в ожидании социальной, земельной и церковной реформы и была готова к переменам. Сегодня, в конце XX века, мы можем констатировать, что ни одна из этих реформ так и не состоялась, ни эффективной системы социальной защиты, ни частного землепользования, ни реформы церковной жизни мы по существу не имеем, и все эти проблемы нерешенными оставляем нашим детям и внукам, другому веку и другому тысячелетию. Пережитый страной период советской власти оказался просто растянутой во времени контрреформацией, и только. Инструментом контрреформации был Гулаг (этим именем мы обычно называем не просто конгломерат советских тюрем и лагерей, а всю систему тотального государственного террора). Пришло время, Гулаг выполнил свою задачу и был отменен, как ранее было отменено крепостное право, граждане получили вольную – и тем самым неприятную для себя проблему свободы. Русская культурная традиция и русский язык издав-

¹ Выступление в Союзе Ученых Санкт-Петербурга 14.12.1999.

на различают эти два понятия – свободы и воли. Свободы как ответственного исполнения личного долга и воли как беспредельного человеческого своеволия. Политически в истории России эти два направления были реализованы партией Народная воля (для достижения своих целей, она бросала бомбы, проповедовала террор и породила российский большевизм), и партией народной свободы (для достижения своих целей она разрабатывала конституции, добивалась ответственного правительства, и ее сторонники оказались в эмиграции и населили Гулаг). Выражаясь фигурально, только эти две партии реально и существуют в России сегодня. Любое из нынешних фантомных политических или общественных образований состоит в разных пропорциях из членов этих партий. Узнать их довольно легко по употребляемой лексике: члены партии народной свободы обычно говорят: «Мы должны...», а члены партии народной воли предпочитают говорить: «Они должны...»

Волю можно получить в дар, но свободным человек может стать только сам лично, а потому, оставшись без Гулага, наши сограждане не стали свободными, просто теперь они несут Гулаг в себе. Сегодня наше общество живет по лагерным «понятиям», говорит блатным языком «друзей народа» и исповедует ценности мира Гулага. Как в далекие 30-е годы, российское общество приветствует массовый террор в отношении своих сограждан (теперь его называют «неизбирательным насилием»), оно преклоняется перед генералами-чекистами (теперь их называют ветеранами спецслужб), оно все так же нетерпимо к инакомыслящим (морально-политическое единство партий и народа по поводу Югославии, Чечни и американского империализма).

На фоне этой реальности миссия «Мемориала» проста – он должен говорить о необходимости преодоления наследия Гулага как условия выхода России из исторического тупика XX века, выхода из мира воли в мир свободы, как о достижимой возможности, которая доказывается опытом тех наших соотечественников, которые смогли проделать этот путь сами. И здесь в качестве жизненных ориентиров нам может послужить пример тех людей, которых покойный Револьт Иванович Пименов называл свободнорожденными. Андрей Дмитриевич Сахаров и был таким свободнорожденным, это для нас является в его наследии главным и непреходящим, это, а не те политические концепции и теории, которые он развивал и разрабатывал, как бы они ни были интересны сами по себе. Полити-

ческие теории отдают дань своему времени, и они важны, но в жизни нации есть вещи более важные, чем политика, и сама жизнь Андрея Дмитриевича Сахарова есть его главный завет России.

14 декабря 1999

ПРИМЕЧАНИЕ

А. Д. Сахаров (1921–1989) выступал на первом официальном митинге (Москва, около стадиона «Динамо», 25.06.1988) по увековечиванию памяти жертв репрессий. Участвовал в подготовительной конференции «Мемориала» (29–30.10.1988, Москва, Центральный Дом Кино), в учредительной конференции «Мемориала» (28–30.01.1989, Москва, ДК МАИ), с этого времени считается почетным председателем «Мемориала». «Мемориал» фактически провел избирательную кампанию 01–04.1989 по выдвижению А. Д. Сахарова в народные депутаты СССР. Ежегодные Дни памяти А. Д. Сахарова проходят 25 мая и 14 декабря в Москве, в Нижнем Новгороде, СПб. и других городах при участии «Мемориала» (Председатель Общественной комиссии по увековечиванию памяти А. Д. Сахарова Е. Г. Боннэр, члены – Б. Л. Альтшуллер, Э. Клайн, С. А. Ковалев).

Итоги века¹

Дорогие друзья!

Мы ехали сюда, предполагая устроить большой митинг, пригласить местную общественность, представителей власти к этому камню, который поставлен десять лет назад в память жертв Соловецкого расстрела 1929 года и всех жертв Соловков. Однако ситуация, которая здесь возникла, привела к тому, что никакого большого митинга мы собирать не стали, потому что слова, которые здесь должны прозвучать, могут оказаться поневоле немного горькими, но митинг не отменили, и даже оформили его официально². Поэтому мы здесь сейчас находимся не в качестве группы туристов, а на официально разрешенном митинге, и все слова, которые здесь будут произнесены, будут иметь статус публичного акта, а не так – что собрались какие-то люди и поговорили между собой.

Десять лет назад, в июне 1989 года, когда «Мемориал» сюда приехал в первый раз и были проведены первые дни памяти, открытие и освящение этого камня было главным событием тех дней³. Памятник – это овеществленная мысль, он говорит о своем времени, о том, как люди, общество или государство, которые ставили его, понимали и воспринимали ту жизненную реальность, которая дала им повод для этого. Десять лет назад, когда был поставлен этот камень, тема Гулага впервые стала широко обсуждаться в обществе, ее стали осмысливать и пытались понять. Знание о Гулаге было фрагментарным и неполным, а понимания не было вообще, понимания того, зачем и во имя чего погибали здесь люди. И тогда был поставлен этот памятный знак, на котором не было даже

¹ Выступление на митинге у Памятного камня. (Соловки 09.08.1999).

² Согласование по проведению митинга (ответственный – В.В.Иофе) получено от главы муниципального образования «Соловецкий район» А.Н.Бровина.

³ Первые дни памяти на Соловках состоялись 6–7 июня 1989 года, организаторы: СГИАПМЗ, Общество «Мемориал» при участии администрации пос. Соловецкий. Тогда же открыта в помещении Музея (Надвратная церковь) первая в стране постоянно действующая выставка о Гулаге «Соловецкие лагеря Особого назначения» (авторы: А.В.Баженов, А.В.Мельник, Ю.А.Бродский, А.А.Сошина), демонтирована в октябре 2002.

надписи (ее собираются сделать только в этом году)⁴, простоявшая десять лет простая каменная стела. Собственно говоря, это был лишь знак вопроса о смысле происшедшей трагедии. Мы хотели понять, если это были действительно «жертвы», то что же это за высшая ценность, которая потребовала миллионов жертвоприношений, кому или чему эти жертвы были принесены? В новое тысячелетие хотелось бы войти с ответом на этот вопрос.

У «Мемориала» подход к истории не политический и внеконфессиональный. На Соловках, как и по всей стране, погибли и оказались погребенными на этом кладбище люди разных конфессий: православные, мусульмане, иудеи, баптисты, люди, принадлежавшие к разного рода духовным сектам, и просто атеисты, все с разным отношением к общепринятым конфессиональным знакам и символам. Здесь лежат люди, которым всецельная власть при их жизни пыталась навязать и то, как надо жить, и во что верить, и какие ценности исповедовать. И поскольку эти ценности им были чужды, эти люди были уничтожены. Советская власть боролась с человеком как с личностью, с его совестью и с его убеждениями, она погубила многих и погибла сама. И мы полагали, что веротерпимость и преодоление идеологического разъединения должны были стать главным уроком, преподанным Соловками России будущего века.

Тогда, десять лет назад, «Мемориал» исходил из того, что общим памятником, объединяющим всех, должен стать обычный природный камень, который впоследствии мог бы принять и какие-то более определенные очертания, но только со временем, с приходом нового понимания. А в 1989 году эта бесформенная глыба довольно точно отражала нашу уязвленность этой проблемой и наше желание найти понимание сути произошедшей трагедии. Соловки – странное место в нашей стране, они, как вы знаете, имеют прогностическое и прообразующее значение, то, что происходит на Соловках, потом в

⁴ Открытие мемориальной доски «Соловецким заключенным» состоялось в рамках программы 60-летнего юбилея закрытия лагеря (14–15.08.1999): митинг у Соловецкого камня, православная панихида, концерт Архангельского государственного камерного оркестра, выступление хорового коллектива московских школьников с литературно-музыкальной композицией «Погибшим и выжившим на Соловках в 1920–1939 посвящается» (при участии Международного общества «Мемориал», СГИАПМЗ, администрации г.Архангельска, представителей Министерства культуры РФ, мэрии г.Москвы, Архангельской областной думы и др., при поддержке Фонда Сороса).

какой-то мере проявляется во всем историческом бытии России. Не зря люди здесь всегда устраивали свои святилища. И поэтому то, что происходит с памятниками, здесь тоже имеет свой особый смысл.

И вот через десять лет мы вернулись сюда и неожиданно нашли ответ на заданный в те годы вопрос. Наш внеконфессиональный памятник всем жертвам Соловков теперь оказался под сенью вероисповедного знака – креста, поставленного рядом с ним незадолго до нашего приезда. Каждый полдень тень от этого креста ложится на камень, посвященный памяти людей, многие из которых никак не могли бы эту символику для себя принять. Этот акт духовного насилия и даст нам нужное понимание.

У людей, поставивших и освятивших здесь этот странный вариант православного креста с проступившими на его поверхности языческими солярными знаками демонической обращенности, не было сомнений. Они действовали по наитию, а в результате здесь оказался вещественно воплощен и проявлен символ той высшей духовной данности, в жертву которой были принесены жизни народов России. Так он и выглядит сегодня, этот ответ на вопрос, заданный десять лет тому назад. Так нам это теперь и надлежит понимать.

Позволю себе сделать небольшое личное добавление. Десять лет назад на этом месте должна была состояться первая после 60-летнего перерыва православная служба⁵. Местная власть, напуганная этим обстоятельством, прежде чем выдать официальное разрешение, потребовала, чтобы кто-то взял на себя ответственность за это событие и расписался, что отвечает за этот акт возрождения православного служения на острове. Так сложилось, что эту бумагу тогда пришлось подписать мне⁶, и все эти годы я считал, что тем самым обозначил какую-то свою странную сопричастность, непонятную, но тем не менее значимую, с тем новым витком духовной жизни, который должен был здесь начаться. Личный момент заключает-

⁵ Тайные службы на Соловках были и во времена лагеря и позднее, здесь речь идет о публичном действии.

⁶ Заявка Ленинградского отделения общества «Мемориал» от 07.06.1989 на имя Председателя Соловецкого райисполкома т. Тиранова В. А. на «проведение заупокойной службы по жертвам репрессий 1923–1939 гг. на Соловках. <...> Панихиду служит священник Ленинградской епархии о. Александр Ранне (кандидат богословия, член правления Ленинградского отделения общества «Мемориал»). Ответственный за проведение службы Иофе В. В.».

ся в том, что я бы хотел сегодня эту ответственность с себя снять.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поклонный крест на Соловках

27 июня на Соловках рядом с памятником жертвам политических репрессий, погибшим на Соловках, был установлен поклонный крест. По замыслу устроителей – Ассоциации врачей-анестезиологов Северо-Запада России, он был установлен в ознаменование 60-летия закрытия Соловецкой тюрьмы⁷ и в честь святого Пантелеймона⁸. Инициаторами установки стали врачи реаниматологи. Место было указано настоятелем Соловецкого монастыря о.Иосифом⁹, он же совершил чин освящения креста¹⁰.

Дорогие отцы, братья и сестры, мы с вами сейчас воздвигли этот крест, перед которым многие православные христиане, приходя сюда, будут поминать тех людей, которые в 30-е годы оставили здесь навсегда свои кости. Но их кости, их тела, которые легли в этой земле, они явились тем благодатным семенем, которое возросло и которое дало благой плод, ибо помните предков своих, это долг каждой народности, каждого племени и всего человечества. И поэтому я сейчас приглашаю всех совершить заупокойную литию о тех христианах, о тех людях, которые оставили свою жизнь на этих Соловецких

⁷ Соловецкая тюрьма особого назначения закрыта 02.11.1939. Заключенные с Соловков были вывезены в октябре-ноябре 1939 в различные лагеря Гулага, в том числе в Норильск морским этапом – 3000 чел.

⁸ Текст таблички: «Лето 1999 г. 26 июня от рождества Христова при Великом Господине и Отце нашем АЛЕКСИИ II Святейшем патриархе Московском и Всея Руси Святыя Обители Соловецкия Священноархимандрите и всецеснем наместнике Архимандрите Иосифе и братией всей Честны и Животворящий Крест Господень на месте расстрела воздвигнут 1933 г. в честь и память 60-летия закрытия стона на Соловецком Архипелаге, а также святого великомученика целителя Пантелеймона с тщанием и во потруджанием рабов божьих Дмитрия Смирнова, Вячеслава Злобина. Чаяниями Виктора Жукова и всех анестезиологов Северо-Запада России». После исчезновения первой таблички была повешена вторая, с исправленными орфографическими ошибками. Вскоре и она была кем-то снята. Летом 2000 обе таблички переданы в Музей НИЦ «Мемориал» (анонимно).

⁹ Игумен Спасо-Преображенского Ставропигиального Соловецкого монастыря архимандрит Иосиф (Братищев Иван Алексеевич).

¹⁰ Аудиокассета с записью освящения передана П.М.Леоновым (Радио-Соловки) в архив НИЦ «Мемориал».

островах, в этом священном месте в страшные годы лихолетья нашего времени.

Вечный покой всем православным христианам, в этом месте пострадавшим. А тем, кто потрудился над изготовлением этого креста, дай, Бог, доброго здоровья.

9 августа 1999

Координаты духовного пространства

Существование независимых от государства светских объединений в странах Западной Европы имеет долгую историческую традицию. В Европе существовали ремесленные и купеческие цехи и союзы, религиозно-рыцарские ордена, аристократические и политические клубы, масонские ложи. Их постоянное присутствие обеспечило Европе более или менее плавный переход к государственности нового времени, предусматривающей существование политических и неполитических партий и организаций как составную часть устойчивого правопорядка. В отличие от стран Западной Европы в России до начала XVIII века, то есть до самых петровских реформ существование независимых общественных учреждений было невозможно, а после этих реформ образование общественных организаций, подобных европейским (клубы, ложи, гильдии) стимулировалось властной элитой для придания стране образа европейской державы, носило имитационный характер и выполняло функции, отличные от европейской практики. С той поры развитие общественных учреждений в России так и осталось сопряжено с государственной политикой, полицейским контролем и демонстрацией политической лояльности как необходимого признака легального общественного объединения. Тем не менее в России постепенно стали появляться и действительно независимые объединения, сначала среди аристократии (клубы, ложи), а затем (в основном после освобождения крестьян) и среди иных социальных страт (гильдии, научные общества, клубы).

К началу XX века Россия имела некоторое множество независимых общественных организаций, которые стали основой создания политических объединений, а позже и политических партий, делающих свои первые шаги на общественном поприще. Этот процесс роста независимого общественного самосознания страны был прерван октябрьским переворотом 1917 года. Традиция контролируемой общественной мысли и контролируемой общественной активности оказалась более действенной, она пережила императорскую власть и стала доминирующим признаком общественной жизни в СССР. Дей-

ствительно независимые общественные объединения, начавшие образовываться в России с конца XIX века, в течение 20-х годов были уничтожены полностью или подменены имитационными дубликатами (процесс вытеснения и подмены истинной общественной активности имитациями представляет одну из интереснейших страниц отечественной истории 20-х годов).

В то же время потребность в общественной активности, ставшей важным отличительным признаком цивилизационного развития нового времени, свидетельствующим о все большей эмансипации личностного начала в процессе развития европейской культуры, развивалась в России в том же русле основной мировой тенденции (может быть, с некоторым отставанием) и требовала возможностей для своей реализации. Таким образом, в стране возникла внутренне противоречивая идеологическая ситуация. С одной стороны, давление массового народного самосознания, с подозрением относящегося к любым проявлениям личностного начала (соотносимого им с индивидуальным эгоизмом), которое получило статус государственного коллективизма и стало государственной идеологией в виде инфантильной регрессии на предренессансные и предреформационные интенции российской интеллигенции. С другой стороны, появление все большего числа людей, для которых проблема личностной самоидентификации становилась актуальной, и для которых коммунистический коллективизм был не ипостасью соборности, которой он хотел казаться, а стадным нормированием социального поведения человека. Поставленные в условия выбора между тотальным подчинением или тотальным уничтожением, эти люди должны были искать собственные специальные формы социальной организации своего микрокосма, обеспечивающие возможности духовной свободы и физической безопасности. Результат таких поисков для трех поколений российских граждан и составляет бесценное наследие советской истории, тот дорого оплаченный опыт, который должен стать достоянием всего человечества. Медицинские эксперименты на людях в нацистских лагерях не могут быть никогда и никем воспроизведены, но результаты их вошли в копилку медицинских знаний человечества. Ровно так же идеологическая вивисекция, проведенная коммунистами над народами России, не должна быть воспроизведена где-либо и когда-либо, но результаты этого идеологического эксперимента должны войти в тезаурус человеческого знания.

В виде предварительной гипотезы можно сделать предположение, что наиболее устойчивой и воспроизводимой формой социальной общности в условиях тоталитарного строя и идеологически мотивированных полицейских репрессий было существование коллективов в виде братств, кружков и иных неформализованных образований, характеризующихся наличием харизматического ядра и диффузной периферии, моральной мотивацией своей активности (вне зависимости от степени политизированности употребляемого языка), отстраненностью от политической злободневности жизни страны и от юридически кодифицированных норм в пользу осознанных и вербализованных ценностей свободы и справедливости. Главной особенностью таких сообществ следует считать принятие ими на себя традиционных нормативных возможностей семьи, церкви и государства, заменой которых они в той или иной степени служили для большинства своих членов. А коммунистическое тоталитарное государство оказалось идеальным инкубатором для образования и развития замкнутых духовных сообществ в виде религиозных братств, духовно-медицинских сект, неформальных мистических групп и тому подобных форм диверсификации духовного пространства человечества.

Такой подход позволяет установить связь этих устойчиво воспроизводимых социальных форм с так называемыми «тоталитарными сектами» посткоммунистической эпохи, предшественниками которых эти братства служили, и тем самым определяет координаты духовного пространства, в котором разворачивается этот процесс сегодня и его перспективы в нашем ближайшем будущем.

Июнь 1999

Уроки Потсдама

8 мая 1945 года нацистский режим Германии капитулировал, и народы Европы получили надежду на то, что тотальное насилие как инструмент внутренней и внешней политики ушло в прошлое вместе с вождями третьего рейха, а соглашения Берлинской конференции 17 июля – 2 августа 1945 года положили основу денацификации Германии с целью возрождения страны как свободного, демократического и единого государства. Пока шли эти переговоры, в Потсдаме, неподалеку от дворца Цецилиенхоф, где заседала Большая тройка, в доме на Leistikowstrasse, 1, срочно оборудовались помещения для тюрьмы Особого отдела Советской Армии, подразделения зловещего Министерства государственной безопасности СССР¹, собрата поверженного гестапо. Тезис о том, что тоталитарное зло может быть побеждено силой оружия, о чем твердила официальная пропаганда стран-победителей и что утверждает ныне экспозиция музея во дворце Цецилиенхоф², оказался ложным. Советский режим, не менее жестокий, неправовой и беспощадный, чем гитлеровский национал-социализм, утвердился на последующие сорок лет на территории Восточной Европы. Этот очевидный факт ставит перед нами сегодня задачу выявления причин сродства национал-социалистического и коммунистического режимов и проблему сущности тоталитаризма как такового. Национал-социалистическое государство, к счастью для переживших войну немцев, было уничтожено, но яд этой гидры поразил самих победителей, уроки пре-

¹ Тюрьма КГБ в Потсдаме (Ляйстиковштрассе, 1); здание построено в начале XX века, принадлежало Евангелическому Обществу помощи, в 1945 перестроено под следственную тюрьму, здесь содержались советские и немецкие граждане по обвинению в шпионаже или антисоветской агитации, после приговора их переводили в лагеря (восточной Германии и Советского Союза). Последняя партия немецких заключенных после восстания 17.06.1953. Позднее здесь содержались советские солдаты срочной службы (военный городок №7). В начале 80-х здание использовалось как военный склад. Официально передано г.Потсдаму 15.08.1994, с весны 1995 возвращено Евангелическому Обществу, сохранено как тюремное, частично музеефицировано.

² Германия, Potsdam, Am Neuen Garten, постоянная выставка, посвященная Потсдамской конференции.

зрения к человеческой жизни ради достижения государством текущих политических выгод были усвоены всеми участниками войны. Взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки³, унесшие сотни тысяч жизней, выдача на расправу тысяч пленных российских казаков в Советский Союз правительством Великобритании⁴, многолетняя алжирская бойня, организованная правительством Франции⁵, антиеврейские процессы и разгромные кампании в науке и литературе, развернутые правительством СССР в 40-е годы⁶, и продолжение политики репрессий в отношении всего населения – все это плохо согласовалось с объявленными целями европейской войны. Принятие Объединенными Нациями Всеобщей декларации прав человека можно считать естественной реакцией человечества на тоталитарный опыт XX века и его последствия, но сами причины этих явлений требуют выяснения.

Течения правого политического экстремизма, возникшие в России и в Германии в конце XIX века, развивались в тесном контакте, взаимно дополняя друг друга. Антисемитская доктрина, разработанная в Германии в 80-х годах прошлого века, нашла благоприятный прием в России и привела к созданию в стране «Союза русского народа» и «черной сотни», поддержанных императорской властью и ставших предтечами русского фашизма. В свою очередь, «Протоколы сионских мудрецов», знаменитая фальсификация, продукция «патриотической» русской полицейской мысли, была экспортирована в Германию, где нашла благодарную почву, послужив основой для становления идеологии раннего гитлеризма.

Левый экстремизм в виде течений революционного народничества и терроризма Народной воли возник в России в качестве антитезы правому консерватизму императорской

³ Атомные бомбардировки городов Японии Хиросима (6 августа, убито и ранено свыше 140 тыс. человек) и Нагасаки (9 августа, убито и ранено около 75 тыс. человек) проведены ВВС США (приказ президента Г. Трумэна) после получения отказа на ультиматум от 28.07.1945 с требованием безоговорочной капитуляции Японии.

⁴ 28 мая – 5 июня 1945 в окрестностях Лиенца (Австрия) из британской зоны оккупации в руки советского командования правительством Британии было передано 40–45 тысяч казаков и членов их семей, отступавших с немецкими войсками; все они были репрессированы.

⁵ В ходе колониальной войны в Алжире (1954–1962) погибло 17 тысяч французских солдат, 3 тысячи колонистов и около 300 тысяч алжирцев.

⁶ Политические преследования евреев в СССР начались с 1943, с 1948 носили массовый характер (кампания борьбы с «космополитизмом», дело Еврейского антифашистского комитета (1947–1952), подготовка «дела врачей» (1952–1953).

власти. Русский большевизм соединил экстремистскую и террористическую тактику Народной воли с европейской социал-демократической доктриной, образовав, казалось бы, теоретически невозможную, специфически российскую взрывоопасную смесь. Его появление на политической сцене века исказило наступательное развитие нацистской идеи в России, а во время гражданской войны представители обоих крайних течений поначалу сошлись в схватке как политические конкуренты. Но если в стане белых были носители и иных течений политической мысли: консервативные националисты, конституционные демократы, умеренные социалисты, просто республиканцы и просто монархисты, то в стане победителей, красных, для политического разномыслия места не было. Монополия коммунистической партии на власть была объявлена абсолютной, диктатура пролетариата на деле оказалась диктатурой одной партии, затем диктатурой руководства партии, а затем диктатурой вождя этой партии. В стране сложился тиранический строй, любезный сердцам радикальных патриотов, и неудивительно, что через некоторое время сторонники русской имперской идеи потянулись в ряды попутчиков и союзников коммунистической партии как законной наследницы имперской идеи. После окончательного укрепления советского режима движение правого и левого экстремизмов навстречу друг другу стало обоюдным. Устранение инородцев из состава руководства партии и политической полиции, проведенное в 1930–1940-х годах, восстановление внешних традиций царской России (офицерского корпуса, патриотической символики и патриотической риторики), активная внешняя политика, направленная на завоевания, – все это вело к воссозданию Российской империи в формах политической диктатуры, отбросившей ограничения, наложенные на себя самодержавием конституцией 1905 года⁷. Единственным существенным расхождением оставался политический язык – идеология государства. Для правых марксизм-ленинизм даже в виде ни к чему не обязывающей декламации был неприемлем, они предпочитали пользоваться языком православно-монархической

⁷ Манифест 17 октября 1905 «Об усовершенствовании государственного порядка» подписан Николаем II; ограничивал самодержавную власть, предусматривал создание Государственной думы – избранного законодательного органа; гарантировались основные гражданские права и свободы, включая право на создание политических партий, вплоть до Февральской революции 1917 политическая жизнь страны базировалась на его положениях.

государственности. Однако со времени восстановления в 1943 году патриаршества и перехода от политики подавления Русской православной церкви к интеграции ее в качестве одного из государственных институтов (что в конечном счете уже в наше время привело к реставрации православия в роли государственной религии⁸) значение и этого существенного пункта расхождения начало ослабевать. Так что к 1945 году Советский Союз пришел сложившимся тоталитарным государством, с опытом геноцида в отношении этносов, населяющих страну (массовые депортации народов 1930–1940-х годов), готовым перенять эстафету от побежденного германского национал-социализма. Впрочем, и в самой Германии наследники национал-социалистической государственности зачастую без особых трудностей были интегрированы и использованы партийно-государственным аппаратом пролетарской ГДР.

Крушение коммунистических режимов в СССР и в Восточной Европе в 1989–1991 годах показало, что внутреннее сродство левого и правого экстремизмов имеет прочную внутреннюю основу.

Если в предшествующую эпоху мы могли наблюдать интеграцию праворадикальных элементов общества левым тоталитаризмом, то после развала коммунистической идеологии как государствообразующей системы мы видим, как леворадикальные элементы легко интегрируются в откровенно фашистские и профашистские партии и движения Германии и России. Возникшие национал-социалистические и национал-большевистские полуподпольные партии, отбросившие устарелую марксистско-ленинскую фразеологию или просто сменившие ее на язык православного или национального большевизма (как формы национал-социализма), пользуются покровительством влиятельных фигур из истеблишмента и делают свою ставку на возрастной активизм молодежи, в то время как чисто прокоммунистические партии и движения, оставшиеся верными тени Карла Маркса, привлекают в свои ряды в основном консерваторов старших поколений. В результате становится очевидным, что идеологические расхождения между левым и правым экстремизмом все это время были лишь

⁸ Патриаршество, формально не прерывавшееся, фактически восстановлено в сентябре 1943 на приеме у Сталина митрополитов Сергия (Страгородского), Николая (Ярушевича) и Алексия (Симанского) в присутствии Маленкова и Берии. 08.09.1943 на Архиерейском Соборе митрополит Сергий (Страгородский) избран Патриархом Московским и всея Руси (интронизация 12.09.1943).

внешним, хотя и немаловажным для хода исторических событий фактором, но что суть тоталитаризма XX века не сводится просто к политическим декларациям его организаторов и не может быть определена с помощью политологического дискурса.

Решение проблемы тоталитаризма следует искать, привлекая и иные научные дисциплины, и иные системы познания мира. Экспонированная в октябре 1997 года выставка «Тюрьма КГБ в Потсдаме. От Потсдама до Воркуты»⁹ совершенно независимо от замыслов ее разработчиков внесла свой особый вклад в осмысление главной трагедии XX века, трагедии тоталитаризма, тем, что ввела в рассмотрение зрительный ряд, преломив трагедию эпохи через зрительные образы и через судьбы отдельных людей. Уникальная особенность тюрьмы МГБ–КГБ в Потсдаме заключалась в том, что в ней содержались под арестом, как немецкие, так и русские (советские) молодые люди, арестованные потому, что коммунистический режим угадал в них действительную или потенциальную оппозицию и угрозу его ценностям. Центральной частью выставки естественным образом оказались противостоящие друг другу ряды портретов руководителей карательной машины СССР и жертв этой машины: немецких и русских юношей. Эта коллекция без долгих и трудных рассуждений открывает нам самую суть проблемы тоталитаризма, открытые живые лица жертв и мертвенные облики хозяев смерти свидетельствуют, что главная коллизия эпохи – это противостояние человеческого лица, человеческой личности и безликой государственной машины.

Опыт XX века доказал со всей очевидностью, что конфликт человека с государством политически неразрешим. Освенцим, Гулаг и Хиросима показали, что все основные направления европейской политической мысли зашли в тупик и разрешение конфликта человека и государства не может быть найдено на путях реформирования существующих политических систем. Выходом из этой безнадежной ситуации оказалась дефляция суверенитета государства как такового. Создание ООН и международных институтов, подписание Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и Заключительного

⁹ Выставка «Von Potsdam nach Workuta» («От Потсдама до Воркуты») подготовлена Берлинским «Мемориалом» и НИЦ «Мемориал» (СПб.) при содействии Heinrich Boell Stiftung, развернута в здании бывшей тюрьмы. Откр. 05.10–09.11.1997, 05.05.2000–11.2000, и далее ежегодно.

акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки 1 августа 1975 года, документа, объявившего права человека экстерриториальным понятием, создание Международного суда по правам человека¹⁰, признавшего право человека спорить в суде с собственным государством, – все эти акты создали правовые основы суверенитета человека как личности и как субъекта не только частного, но и международного права.

Тоталитарное сознание, в отличие от тоталитарного государства, не может быть побеждено вооруженной силой объединенных наций, как не могут быть побеждены вооруженной силой эпидемии чумы или гриппа.

Тоталитаризм является следствием инфантильной регрессии общественного самосознания, которая имеет место или в результате стагнации процесса развития общества (как это было в России) из-за отсутствия органических (исторических) внутренних предпосылок этого процесса, и этот случай, по видимому, не имеет благоприятного прогноза, или же он отражает ситуацию временного кризиса, связанного со снижением национальной самооценки вследствие военных, экономических или внешнеполитических неудач (как это было в Германии).

Постоянный или временный отказ от права личности на самоидентификацию в пользу групповой идентичности и групповой сверхценности и создает феномен тоталитаризма. Проявления индивидуализма даже в самых примитивных формах разрушают тоталитарный воздушный замок, именно поэтому тоталитарная идеология так стремится строго нормировать, унифицировать и цензуровать массовую культуру, политическое, религиозное, бытовое и сексуальное поведение своих подданных. Действительно, индивидуализм как право на жизнь в собственных интересах, заявленный даже в самых примитивных формах, разрушает тоталитарную химеру, правда, не предлагая достойной общественной альтернативы (как мы видим это в постсоветской России), но только личностное развитие, то есть принятие при этом человеком духовной ответственности за природу и социум дает возможность выхода нации из тоталитарного плена.

Насилие над личностью всегда вызывает сопротивление, и, как мы знаем из истории XX века, сопротивление тоталита-

¹⁰ Европейский суд по правам человека (Страсбург) создан в 1950 Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

ризму было всегда. Это сопротивление, в основном индивидуальное и протестное, обычно носило характер отталкивания от навязанных норм социального поведения, но зачастую оно приобретало осознанный и осмысленный характер и сопровождалось формулированием политически звучащих заявлений. В этом случае мы вправе говорить о политическом сопротивлении, хотя, как правило, заявленные политические формулировки фактически отражали лишь осознание моральной неприемлемости политического режима страны и по существу не относились к сфере Realpolitik. Тем не менее это была та основа, без которой были бы невозможны никакие политические преобразования в будущем.

Для немецких юношей восточногерманский тоталитаризм воспринимался как оккупация страны иностранным государством, Россией, для советских юношей советский тоталитаризм казался результатом оккупации России коммунистическим режимом. В обоих случаях зло воспринималось как внешнее и навязанное народу; поиск внутренних причин в идеологии сопротивления был непопулярен (кроме чисто религиозных кружков, в которых зло коммунистического режима рассматривалось как наказание за грехи народа). Прекращение оккупации в обеих странах показало, что торжество тоталитаризма не сводится только к внешним причинам, а имеет и внутренние основания, требующие работы по их преодолению. Молодые люди (немецкие и советские), бросившиеся в сражение с тоталитаризмом, как с чудовищем, не имеющим морального оправдания, не победили и не имели шансов победить, их борьба была политически безнадежной и почти самоубийственной. Значение их дела было в другом, они были хранителями политической морали нации, то есть того качества, без которого невозможно возрождение здоровой жизни социального организма после неизбежного отмирания тоталитаризма, отравленного своими собственными ядами (через самоуничтожение и деградацию тоталитарной элиты). Степень этого духовного сопротивления и определяет будущее страны, пережившей тоталитаризм, суждено ли ей переболеть и выздороветь, или, если силы сопротивления были слабы, смерть тоталитарного государства должна будет сопровождаться одновременной гибелью и распадом национального организма. Этот процесс мы наблюдаем в сегодняшней России.

Опыт сопротивления, к сожалению, оказался не усвоен ни российским, ни германским обществом, и то возрождение то-

талитарного наследия, которое мы наблюдаем спустя десять лет после, казалось бы, необратимого крушения коммунистического монстра, доказывает это. Переход от национального социализма к социально ориентированному национализму, явившийся сутью так называемой «перестройки» в России и некоторых других странах – наследниках бывшего СССР, не предполагал существенной смены правящей элиты и действительного осуждения практики политического террора предшествовавшего режима (за исключением того, что юриспруденция называет «эксцессами исполнителей» и притом давних времен). Для ряда стран Восточной Европы, ставших жертвами длительной оккупации, освобождение от режима национального коммунизма было затруднено дефицитом неангажированной национальной интеллигенции, хозяйственных и политических руководителей. Процессы люстрации, необходимость в которых казалась очевидной, были поспешными и недостаточно правовыми. Только одна страна из мира, зараженного коммунизмом, могла провести процесс очищения общества от тоталитарного наследия юридически безупречно и без оглядки на политическую злобу дня. Этой страной была Германия, и эту миссию она не выполнила. Сегодня трудно сказать, сколько жертв коммунизма в мире смотрело на Запад в тщетном ожидании нового Нюрнбергского процесса, который бы навечно осудил коммунистический режим, как первый Нюрнбергский процесс навечно осудил национал-социализм. Этого не произошло¹¹, и на время затаившиеся коммунистические функционеры и офицеры тайной полиции подняли голову и бросились снова к вершинам власти, уже ничего не стыдясь и только бравлируя своими прошлыми заслугами. Фемида просвещенной и демократической Германии не нашла оснований для осуждения палачей немецкого народа, так почему российская Фемида должна быть строже к палачам России, а югославская Фемида – к палачам Югославии?

И потому не нужно было долго ждать наступления того времени, когда мир окажется перед проблемой появления новых, уже посткоммунистических тираний, социалистическо-националистических по форме и тоталитарных по сути, теперь уже навсегда уверовавших в свою будущую безнаказанность.

¹¹ Юридическое преследование руководителей ГДР и лидеров КПГ в 1990-е носило ограниченный характер как по сути обвинения, так и по кругу привлеченных лиц (дело Эрика Хонеккера, 1990–1993; дело Эгона Кренца, 1995; и др. проведены на основании действующих законов ФРГ по обвинению в убийствах беглецов из ГДР).

История цивилизации свидетельствует, что в борьбе с тираниями, угрожающими человеческому роду, люди бывает что и позволяют тираноборцам переступить через нормы права. Стоит вспомнить, как сдержанно промолчал наш мир, когда армия коммунистического Вьетнама, далеко не самого либерального политического режима, вторглась на территорию Кампучии и уничтожила бесчеловечную власть истинно коммунистических красных кхмеров, существование которой на нашей земле не могло быть терпимо¹².

Однако суд – более эффективное и более убедительное средство, чем прямое насилие, тем более государственное. И, может быть, если бы в 1990 году были осуждены в Берлине (или в Нюрнберге) руководители ГДР, то в 1998 не нашлось бы в Западной Европе столько критиков «Черной книги коммунизма», защитников коммунистической мечты реального социализма¹³, а в 1999, может быть, и не пришлось бы той же Западной Европе бомбить наследников коммунистической идеологии и практики в Белграде¹⁶, потому что никакого Милошевича у власти могло тогда и не быть. Но суда не было, и европейское общественное сознание вернулось к заблуждению более чем полувекковой давности, к убеждению, что тоталитаризм – неизбежное зло.

¹² «Красные кхмеры» – вооруженное формирование представителей коренной народности Камбоджи маоистской ориентации под руководством Пол Пота – находились у власти с 1975, уничтожили около 2 млн. чел. В 1978 на территорию Кампучии введены войска Вьетнама при поддержке СССР, в январе 1979 установлено правительство Народной Республики Кампучия под контролем Ханоя, до 1998 продолжалась партизанская война. Национальная ассамблея Камбоджи 11.07.2001 приняла законопроект, позволивший сформировать Международный Трибунал для проведения суда над лидерами «красных кхмеров», виновными в массовых убийствах в период своего правления.

¹³ «Черная книга коммунизма» под ред. французского историка Стефана Куртуа: *Le Livre noir du communisme. Crimes, terreur et répression*. Paris, 1997; первое издание в Германии: Courtois, Stéphane (Hrsg.). *Das Schwarzbuch des Kommunismus: Unterdrückung, Verbrechen und Terror*. Piper Verlag GmbH, München, 1998., в течение 7 месяцев выдержала 10 изданий. В России: Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. – М., 1999. – итоговое исследование преступлений, совершенных во имя коммунистической идеологии. Вызвала бурную дискуссию во Франции, в Германии. В России и на Украине «Черная книга» широкой дискуссии не вызвала.

Публикации против Черной книги: *Un pave dans l'histoire: le débat français sur Le Livre noir du communisme*. Paris, 1998; *Jens Mecklenburg, Wolfgang Wippermann. «Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuchs des Kommunismus*. Hamburg, 1998; Horst Möller (Hg.). *Der rote Holocaust und die Deutschen: Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus»*. München, 1999; *Коммунизм, террор, человек: Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма»* / Пер. с нем. Киев, 2001.

литарное зло может быть побеждено силой оружия. Опыт второй мировой войны, свидетельствующий, что яд побежденного тоталитаризма поражает самих победителей, оказался не воспринят, и урок, преподанный Потсдамом, оказался невыученным. А казалось бы, это так просто. Стоит лишь войти в дом на Leistikowstrasse, 1.

Сентябрь 1998 – апрель 1999

¹⁶ См. с.73–75 наст. изд.

Заявление для печати¹

Внешнеполитический скандал, преднамеренно раздуваемый коммунистическим правительством России и его национал-шовинистическими приспешниками по поводу событий в Косово², имеет своей задачей скорейшее возвращение нашей страны за железный занавес, в то состояние полной изоляции от рода людского, в котором страна пребывала долгие 80 лет, придя в результате к тотальной моральной и хозяйственной катастрофе. Для коммунистического режима, то есть для правящей криминализованной государственной бюрократии, национальное благосостояние всегда было предметом забот лишь в той степени, в какой это обеспечивало удержание народа в состоянии бессловесного повиновения, а собственной власти – в неприкосновенности.

Сегодня, гарантировав свое безбедное существование экспортом энергоресурсов, свою внешнюю безопасность ядерными арсеналами, убедившись в исчерпанности продуктивного потенциала страны и в невозможности организации чего бы то ни было на выжженной коммунистическим правлением земле, политическая верхушка уже не нуждается в существовании населения на территориях пролегания питающих ее газо- и нефтепроводов. Отделение лишних регионов, падение жизненного уровня, снижение рождаемости, повышение смертности старших возрастов и эмиграция младших: все процессы идут в одном направлении – прогрессирующего обезлюживания страны. Лояльность же временно остающихся, как это придумано издавна, обеспечивается сплочением нации перед лицом искусственной внешней угрозы. Этому и служит далекий косовский конфликт, бряцание оружием, громкие слова, мобилизация всего пропагандистского аппарата от ностальгирующих большевиков до московского патриархата.

¹ От имени Объединения политзаключенных 1950–1980-х годов Санкт-Петербургского общества «Мемориал», подписано В.В.Иофе, Б.П.Пустынцевым, Ю.М.Шмидтом.

² Заявление Президента РФ Ельцина от 24.03.1999 с требованием немедленного прекращения военных действий.

Воззвание Патриарха Московского и всея Руси от 25.03.1999 в связи с вооруженной акцией против Югославии с осуждением действий НАТО.

Стать в оппозицию к человечеству, выпасть из мировой истории и из жизни – это единственная возможность для неоконмунистического режима продлить свой контроль за ресурсами и властью над Россией. Ничего иного коммунизм предложить стране не может. Но нам это не нужно.

27 марта 1999

Югославская война, как и любая другая, в драматической форме обнажила проблемы, которые человечество накопило к этому моменту и не смогло (или не захотело) разрешить иным путем. А потому события на Балканах и вызвали ожесточенную полемику в мировом общественном мнении, споры в атлантических столицах. О России здесь речи нет. В освобождении от собственного террористического наследия наша страна не преуспела, поэтому и не стоит ожидать чего-нибудь путного от газетного и митингового шума. Те 100–150 человек, чье мнение для мира что-то значит (т.е. те, кто выступал против актов агрессии СССР в Венгрии, Чехословакии, Афганистане), высказываются достаточно сдержанно, а протесты остальных 150 миллионов, привыкших к дирижерской палочке «Правды» или «Комсомольской правды», как и в прежние годы, вряд ли могут всерьез приниматься кем-нибудь во внимание. Давно ли московские законодатели проголосовали за установку на Лубянке памятника члену коммунистического политбюро³, организации, признанной в 1992 году Конституционным судом России антиконституционной и преступной (ответственной, кстати сказать, за авиационные налеты и разрушение бомбардировками жилого центра Ярославля в июле 1918 года), а наши питерские законодатели проголосовали за установление персональной пенсии члену той же преступной организации, но уже периода бомбардировок населенных пунктов Афганистана⁴. Любопытно, что депутатам как-то удастся сочетать эти

³ Памятник Ф.Э.Дзержинскому демонтирован в ночь 21/22.08.1991 (пост. Моссовета от 22.08.1991). Проект постановления «О восстановлении памятника Ф.Э.Дзержинскому на Лубянской площади в Москве», рассмотрен на заседании ГД 02.12.1998 («за» голосовало 237 депутатов, «против» – 69). В разное время мэр Москвы Ю.Лужков занимал последовательно противоречивую позицию (04.12.1998 на пресс-конференции категорический протест против восстановления памятника и выступление в поддержку восстановления 13.09.2002 на заседании общественного совета градостроительного совета при мэре Москвы). ГД к этому вопросу не возвращалась.

⁴ Зайков Л.Н. (1923–2002), председатель Ленгорисполкома (1976–1983), Первый секретарь Ленинградского Обкома КПСС (1983–1985), секретарь ЦК КПСС (1985–1991), Первый секретарь Московского горкома (1987–1989),

свои решения с выражением неодобрения по поводу криминализации общества.

Речь идет о другом.

Когда 10 лет назад рухнула берлинская стена и народы Восточной Европы стали освобождаться от коммунистической оккупации, необходимость нравственного возрождения после десятилетий государственного произвола требовала не просто политического избавления от системы реального социализма, но и судебного осуждения исполнителей преступной власти.

К сожалению, пораженность национальных организаций была столь высока, что практически нигде процесс очищения (люстрации) не был организован в юридически корректных формах.

Сегодня определенно можно сказать, что случись десять лет назад еще один нюрнбергский (или берлинский) процесс, иная была бы европейская история девяностых годов, не нашлось бы в 1998 году в Европе столько оппонентов «Черной книги коммунизма», готовых пренебречь памятью о десятках миллионов погубленных человеческих жизней ради сохранения светлых идеалов коммунизма. Не пришлось бы в 1999 году европейским правительствам авиационными налетами отрезать от власти очередного президента-террориста, а нам не надо бы было спорить о юридически грамотных способах избавления мира от тиранов.

2 мая 1999

ПРИМЕЧАНИЯ

К 1999 территория автономного края Косово Республики Сербия стала зоной острого этнополитического конфликта, вызванного этническими чистками албанского населения, отменой автономного статуса Косово правительством Югославии и развертыванием военной кампании против Освободительной армии Косово (с февраля 1998), – убиты тысячи этнических албанцев, сотни тысяч бежали в соседние страны и области. В феврале 1999 страны Запада предприняли попытку урегулировать конфликт, но югославская делегация отказалась подписать итоговый меморандум, предусматривающий предоставление Косово автономии и

член Политбюро ЦК КПСС (1986–1991). Назначена персональная пенсия (пост. ЗАКС Санкт-Петербурга от 21.04.1999) по представлению Администрации СПб.

ввод в Косово миротворческих сил НАТО. Операция НАТО «Эл-лайд форс» по «принуждению к миру» (на основании резолюции ООН №1244) в Югославии проведена 24.03–10.06.1999 (ракетно-бомбовые удары по югославским военным и стратегическим объектам), пострадали и гражданские объекты (центры беженцев из Боснии, Хорватии, школьные здания, ТЭЦ, мосты, железные дороги, больницы и др.). Правительство Югославии приняло международный план урегулирования сербско-албанского конфликта (09.06.1999): ввод миротворческих сил НАТО и России.

Слободан Милошевич, президент СРЮ с 1989. Международный трибунал в мае 1999 обвинил Милошевича в «преступлениях против человечества», объявил его как президента Югославии ответственным за убийства и насильственную депортацию этнических албанцев и потребовал его выдачи. Арестован 01.04.2001 в Белграде, 29.06.2001 доставлен в Гаагу и выдан Международному трибуналу по военным преступлениям (в настоящее время приговор не вынесен).

Россия, субъект и объект

В последнее время эксперты мировой экономики приходят к выводу, что стандартные рецепты оказались малопригодны для лечения больной российской финансовой системы и что рекомендации специалистов по применению обычных западных процедур принесли стране больше вреда, чем пользы. Кроме ухудшения экономического положения России, это естественным образом привело и к обострению отношений России с Западом, и к росту разрушительных тенденций внутри страны, и к внешней агрессивности, и, тем самым, к появлению очага нестабильности и политической непредсказуемости в самом центре евразийского континента. В качестве альтернативы обычно приводят пример Китая, отвергающего западные советы и добившегося при этом заметного улучшения своей экономической ситуации.

Эта неблагоприятная картина будет не полна, если не обратить внимания также на проблему влияния западных благотворительных фондов на формирование общественного сознания постсоветской России, влияния менее заметного, но не менее разрушительного, чем усилия МВФ и подобных ему организаций. Вряд ли здесь можно говорить о проявлении злой воли, большинство западных фондов пришло в Россию, чтобы помочь утвердить в ней системы ценностей, дающие на Западе благотворные результаты. Но то, что на Западе явилось результатом долгого исторического развития, привносится на российскую почву в качестве набора готовых форм и рецептов, совершенно не соответствующих с естественными условиями и историческим фоном страны.

Насаждение западных систем ценностей в России очень напоминает усилия царского правительства в XIX веке и советского в XX по внедрению кукурузы в качестве кормовой культуры в Архангельской губернии. Кукуруза замечательная и полезная культура, но в Архангельской губернии она не приживается. Написаны горы книг об историческом своеобразии России, о влиянии географического и исторического фактора на российское самосознание, но приходят новые реформаторы и новые проповедники, отмахиваются от исторического наследия, как от old stuff, и обещают немедленно создать новое небо и новую землю. У них власть, у них деньги, проти-

востоять им невыгодно и небезопасно, у страны остается одна возможность – имитировать. И в искусстве имитации Россия не знает себе равных. Поэтому адепты всех популярных западных идей: немедленных демократических преобразований, гражданского общества, феминизма, прав человека, эмансипации сексуальных меньшинств, «зеленых», любых религиозных сект и т.п., хоть бы и троцкистов, всегда могут рассчитывать на обретение своих сторонников в России. В тонком слое российского социума, причастного к этой деятельности, идет бурная жизнь – собираются форумы и конференции, издаются журналы и книги, происходят встречи и дискуссии, но вся эта деятельность не затрагивает глубинных процессов российской жизни. Речи нет о насилии, но тот, кто платит деньги, должен помнить, что в конце концов оркестр все равно будет играть музыку по его вкусу.

Каждый, кто пытается учредить в России гражданское общество, должен иметь в виду такие особенности российского миропонимания, как:

1. Низкий уровень гражданского самосознания как результат долгого исторического опыта общения бесправного подданного с всесильным государством.

2. Низкий уровень правосознания и правовой нигилизм как населения, так и государственных чиновников.

3. Низкий уровень доверия ко всем государственным и общественным институтам¹.

Значит ли это, что западным понятиям и западным фондам нечего делать в России? Отнюдь. Страна нуждается в помощи для решения своих реальных проблем. Только проблемы эти должны быть правильно сформулированы и правильно поняты.

Главная проблема России, страны европейского культурного наследия, но не имевшей собственного опыта ни Возрождения, ни Реформации, – это проблема дефицита личностного начала. Эта особенность российского менталитета, прославляемая консерваторами как общинная соборность, а прогрессистами порицаемая как колхозная стадность, накладывает отпечаток на ход всех социальных процессов в России. Западное мировоззрение, прошедшее процесс индивидуации, ценит гражданские права личности и создает системы их гарантий. В российском космосе личность – явление уникальное, поэтому в российской традиции вся общественная жизнь

¹ Подробнее см.: «Гражданское общество в России», наст. изд., с.199.

организуется вокруг редких носителей личностного начала, вокруг вождей, лидеров, проповедников и праведников. Истина в российском понимании – это не что, а кто. Поэтому все усилия западных просветителей по насаждению демократических институтов без оглядки на тех, кто эти институты реально возглавляет, оказываются в большинстве случаев построенными на песке. Формальные структуры оказываются, как правило, имитациями, служащими исключительно для блага своего персонала, а не для решения социально полезных задач.

В результате большое количество социально активной молодежи втягивается в непродуктивную имитационную деятельность. Эти молодые люди еще не лицемеры, многие из них искренне полагают, что иностранные советники не ошибаются и вся эта деятельность по производству симпозиумов и конференций, на которых вращается практически один и тот же круг грантополучателей, является общественно-полезной и нужной. С другой стороны, со стороны внешнего мира с течением времени нарастает враждебное отношение к сообществу друзей Запада (как к баловням фортуны, занимающимся непонятным, чуждым обыденному сознанию, а потому и ненужным делом) и к самим фондам, которые насаждают на российской почве деятельность, понятную и нужную только им самим, и которые все больше воспринимаются не как просветители, а как колонизаторы.

Десять лет назад, на заре перестройки, во всей стране царил благожелательное отношение к Западу, и особенно к США (во многом это была реакция отторжения идеологических клише одиозной коммунистической пропаганды). Сегодня отношение к Западу в лучшем случае скептическое, а США в целом воспринимаются как неприятель. Это изменение отношения – результат неразумной политики американских институтов, создающих недругов там, где их могло бы не быть.

Что можно было бы посоветовать западным фондам, которые действительно хотят помочь России обрести политическую стабильность и сохранить при этом приверженность к либеральным ценностям? Наверное, только одно: помогать тем, кто способен создавать вокруг себя собственное ценностное поле, тем естественным организаторам социального пространства российского общества, кто может взять на себя моральную ответственность распорядиться предоставленными средствами и сохранить при этом должную независимость,

тем, кто может вступить в отношения с западным миром и при этом развивать институции, не слишком похожие на западные образцы по структуре и формам деятельности. Людей этих мало, и их нужно долго и трудно искать (как правило, они не склонны к публичности), но только в таком поиске (или в отказе от него) может быть проявлена истинная заинтересованность западного общества в европеизации Евразии. Естественно возразить, что здесь очень мало от демократии, и это действительно так. Однако вспомним, что великая Magna Charta, прежде чем стать достоянием всей Англии, первоначально давала гарантии всего нескольким десяткам человек, а сегодняшняя Россия в духовном смысле вряд ли далеко ушла от эпохи Иоанна Безземельного, во всяком случае Ренессанс в европейском понимании ей, вероятно, еще только предстоит пережить.

Март 1999

Проблема Левашовского могильника

На заре перестройки, когда правительству понадобилось осудить наиболее одиозные стороны советской истории, а гласность и дешевая бумага дали обществу возможность высказаться, на страницы печати хлынул поток публикаций о политических репрессиях в СССР. В те годы интерес к этой тайне советской жизни был неподделен, и можно было надеяться, что обретение нового сознания позволит стране остановить тягу к саморазрушению. Тогда, десять лет назад, в городах стали складываться отделения общества «Мемориал», группы поиска мест расстрелов и захоронений, инициативные объединения по установке памятников погибшим. Защитникам политического террора в недрах КГБ и КПСС пришлось временно затаиться и отступить.

В нашем городе тайный могильник НКВД–МГБ был обнаружен ленинградским «Мемориалом» весной 1989 года в районе пригородной станции Левашово. Место называлось «Левашовская пустошь», было окружено забором, охранялось солдатами и собаками. Появились сообщения в печати¹. С точки зрения КГБ, это выглядело следующим образом: «...В последнее время со стороны определенной части общественности и работников средств массовой информации резко активизировался интерес к вопросу о наличии в Ленинграде мест захоронения жертв политических репрессий, предпринимаются инициативные попытки их поиска. Наряду с домыслами и инсинуациями проявилась осведомленность о кладбище в районе станции Левашово. Во исполнение Постановления ЦК КПСС от 5 января 1989 года² по существу изложенного нами

¹ См. напр.: Труд. 02.07.1989; 05.07.1989, 26.07.1989; Вечерний Ленинград. 04.07.1989, 08.07.1989, 27.07.1989, 30.07.1989; Комсомольская правда. 26.07.1989; Ленинградская правда. 26.07.1989 и др.

² Постановление Политбюро ЦК КПСС от 05.01.1989 «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». «...Поддержать предложения советской общественности о создании при краевых, областных и городских Советах народных депутатов, Верховных Советах автономных и союзных республик Комиссий из числа народных депутатов и представителей общественности для оказания содействия советским органам в обеспечении прав и интересов реабилитированных, создании памятников жертвам

информировался Ленинградский Обком КПСС. Имеется мнение о назревшей необходимости придать гласности приведенные выше сведения о кладбище в районе станции Левашово, что предпочтительно сделать после 14 мая с.г.³ Однако не исключено, что до указанного срока обстановка по данному вопросу может осложниться, и в этом случае потребуются, на наш взгляд, ускорить доведение до средств массовой информации имеющихся у нас данных» (из письма начальника Управления КГБ А.А.Куркова председателю КГБ СССР В.А.Крючкову 19 апреля 1989 года)⁴.

С апреля 1989 года доступ частных лиц на территорию могильника был облегчен, а 18 июля 1989 года постановлением Исполкома Ленгорсовета (№544) Левашовская пустошь была признана Левашовским мемориальным кладбищем жертв политических репрессий. 1 июня 1990 года Ленинградское Управление КГБ передало территорию кладбища городу. На деревьях кладбища стали появляться памятные знаки, фотографии, надписи, таблички, и началось его стихийное обустройство.

Необратимый процесс обретения обществом памяти стал требовать контроля и участия властных структур. В начале 1990 года из «Мемориала» была выделена Ассоциация жертв необоснованных репрессий⁵, чисто ветеранская организация, ограничившая, в отличие от «Мемориала», уставные цели социальной помощью своим членам и увековечением памяти погибших. Эта организация стала основным контактом для обкома КПСС (до прекращения его существования) и для КГБ–ФСБ (до настоящего времени). Именно этой организации передавались документы по истории репрессий в Ленинграде, в ее распоряжение было передано помещение на Левашовском кладбище для устройства музея, который должен был представить Левашовское кладбище основным местом, связанным

репрессий, а также в содержании в надлежащем порядке мест их захоронения. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу».

³ 14.05.1989 – выборы народных депутатов Верховного Совета СССР.

⁴ Архив НИЦ «Мемориал».

⁵ Общественная благотворительная организация пенсионеров, инвалидов и ветеранов «Ассоциация жертв необоснованных репрессий», создана в 1989, зарегистрирована в 1990 с целью социальной, бытовой, правовой помощи жертвам политических репрессий. Основные проекты – издание «Ленинградского мартиролога» и создание исторического музея на Левашовском кладбище (около 1000 членов, председатель Правления – Л.А.Барташевич).

с историей политических репрессий в нашем городе⁶, что, безусловно, не соответствовало действительности. Вынужденно признав существование Левашовского могильника (действовавшего с сентября 1937 года по 1964 год⁷), КГБ–ФСБ заблокировал возможности поиска остальных мест расстрелов и захоронений Петрограда–Ленинграда. Официальный ответ на запрос о местонахождении таких захоронений гласил, что документы не сохранились, но что в период 1937–1938 годов расстрелянных хоронили на Левашовском кладбище. Вы не можете назвать это ложью, ведь они не пишут, что **все** расстрелянные захоронены **только** в Левашово, а если вы поняли именно так, то надо лучше знать русский язык. В результате этой игры слов существует большое количество газетных и журнальных публикаций, авторы которых с чистым сердцем уверяют читателей, что в Левашове захоронено 40 тысяч человек, то есть **все** погибшие в годы «большого террора», не удивительно, что Левашовский могильник получил всеобщее признание и стал считаться основным и официальным местом памяти жертв политических репрессий.

Фактически дело обстоит следующим образом. По имеющейся статистике, годы «ежовщины» унесли 39488 жизней. Из них на территории Левашовского кладбища в 1937 году из 18719 человек захоронено 5700, в 1938 году из 20769 человек – не более 2500 (вероятно, намного меньше). Всего же на территории могильника лежат останки 24100 человек. Возникают естественные вопросы: где лежит остальная (основная) часть жертв «большого террора» и кого еще хоронили в Левашове? В 1965 году Левашовское кладбище было закрыто для захоронений, что по существующим нормам должно было быть документировано. С этой целью КГБ произвел опросы шоферов, которые в разные годы возили тела расстрелянных в Левашово. Составленный на основе этих опросов план – и есть тот документ, из которого взяты приведенные выше цифры. План рассекречен, но записи опросов отсутствуют. Разумеется, шо-

⁶ 30.10.1993 в бывшем помещении караульной службы на 20 кв.м открыта экспозиция о Большом терроре (автор Л.А.Барташевич). После распоряжения мэра Санкт-Петербурга А.А.Собчака (от 19.02.1996 №138-р) «о создании в Санкт-Петербурге мемориала “Левашовская пустошь” в память о жертвах политических репрессий» перед входом на кладбище установлен «Молох тоталитаризма» (подробнее см. наст. изд., с.197).

⁷ Отвод квартала 28 и части квартала 27 Парголовской дачи, Парголовского лесхоза произведен по ходатайству Комендатуры УНКВД ЛО произведен Спецгруппой Управления Лесами Особого Назначения (№20/1–10 н.о. от 25.02.1938).

феры должны были называть и другие места, куда они возили расстрелянных, и рассказывать, кого же еще они возили в Левашово. Но эти тексты недоступны⁸.

В 1990 году «Мемориал» установил на Троицкой площади, в центре нашего города, закладной камень памятника жертвам политических репрессий Петрограда–Ленинграда⁹. Имея в виду, что установление тайных могильников НКВД–МГБ – задача на долгие годы¹⁰, это место должно было стать символическим местом поминовения всех тех, чьи могилы неизвестны. Здесь должен был быть воздвигнут и сам памятник, и коллективные памятные знаки (этнические, конфессиональные, профессиональные и т.п.). Ничего этого не произошло. Памятные символические знаки (их уже восемь, и началось все с белорусского¹¹) стали относить все в то же Левашово, подальше от города и горожан. 30 октября 1998 года, в День памяти жертв политических репрессий, официальные выступления представителей городской администрации звучали уже только на Левашовском кладбище¹².

Все это очевидным образом выражает административную тенденцию к купированию памяти о политических репрессиях в СССР, к локализации и удалению ее на периферию общественного сознания. История политического террора должна была стать центральной темой в нашей попытке осознать прошлое и понять, что же происходит с нашим обществом сегодня. Вместо этого мы имеем несколько дежурных офици-

⁸ Схема «Дачи» опубликована: Ленинградский мартиролог. СПб., 1995. Т.1. Вклейка, ил. 26 (без указания архивного адреса). По словам начальника архива УФСБ по СПб. и ЛО С.В.Чернова, этот документ не имеет архивного адреса, обнаружен в архиве УФСБ случайно.

⁹ Закладной камень памятника «жертвам политических репрессий» на Троицкой площади установлен 04.09.1990 Обществом «Мемориал»; в течение 12 лет «Мемориал» и общественность обращались к Администрации города за помощью в установке памятника, но средств у города не нашлось, и 04.09.2002 в связи с 300-летием Санкт-Петербурга в дар городу от политзаключенных привезен и установлен на закладной плите Соловецкий камень «узникам Гулага», «борцам за свободу», «жертвам коммунистического террора» (распоряжение губернатора СПб. от 15.12.2002).

¹⁰ 07.07.2001 обнаружено место захоронений (1918–1921) в Ковалевском лесу (25.08.2001 установлен памятный знак), 20.08.2002 обнаружено место захоронений в урочище Койранкангас Всеволожского района Ленинградской области. Поиск мест расстрелов и захоронений продолжается поисковой группой «Мемориала».

¹¹ Белорусско-литовский памятный крест установлен 08.05.1992 (авторы А.Разумов, И.Чернякевич).

¹² С 2000 года в митинге «Мемориала» 30 октября возобновилось участие представителей городской администрации.

альных актов в году и явное стремление уйти подальше от этой политически чувствительной темы. Примирение и согласие в обществе, ради которых это, по-видимому, делается, не могут быть достигнуты лукавыми умолчаниями и прямой ложью, потому что забытое прошлое имеет свойство возвращаться. И, как мы видим, политический террор снова становится будничным событием нашей жизни.

Ноябрь 1998

Как могут Россия и россияне лучше помогать согражданам в балтийских государствах¹

Уважаемые дамы и господа!

Предложение выступить было для меня несколько неожиданным. То, что я буду говорить, – это взгляд из Санкт-Петербурга, а в нашей стране точки зрения в Санкт-Петербурге и в Москве часто разнятся. Тем не менее я позволю себе выступить экспромтом, поскольку ответ на поставленный вопрос кажется мне достаточно очевидным. Как может Россия помочь своим согражданам в балтийских государствах? Ответ прост – никак.

Для того чтобы сделать этот категорический вывод, нужно отрешиться от конкретных политических обстоятельств сегодняшней жизни и рассмотреть проблему в более широком историческом контексте, внутри которого развивается политическая жизнь наших стран. Если подойти с этой позиции – а только она и обеспечивает правильные точки отсчета – то нужно констатировать, что идет длительный процесс распада великой империи, процесс, очевидно, еще не законченный. Для данной темы это означает, что мигранты из России, живущие на территории государств, ставших независимыми при распаде Советского Союза в августе 1991 года, автоматически из инструмента колонизации (а в имперской практике всякий мигрант, независимо от личных мотивов миграции, становился инструментом колонизации) превратились в эмигрантов. Особенность ситуации заключалась в том, что с потерей подерживающего имперского центра все эти люди, вне зависимости от времени проживания в стране, стали эмигрантами первого поколения.

¹ Выступление на Втором семинаре «Интеграция через примирение в Балтийских странах – 1998». Йыхви (Эстония), 15–16.05.1998. Учредители: Эстонский Институт Прав Человека, Международная хельсинкская Федерация, Латвийский Центр по правам человека и этническим исследованиям, Гражданский контроль (СПб.), Круглый стол по проблемам национальных меньшинств при Президенте, Круглый стол национальных культурных обществ Ида-Варумаа (Эстония).

Такое понимание дает нам твердую точку опоры, поскольку для оценки ситуации с эмиграцией первого поколения из России имеются исторические прецеденты. Мы знаем о массовой русской эмиграции во Франции в 20–30-х годах (с нансеновскими паспортами и без гражданства), мы знаем о массовой эмиграции из России в США в 70–80-х годах (с «гринкартами» и без гражданства). Мы знаем о том, что у этих людей часто существовало сильное отторжение страны проживания, ее обычаев и языка, а пожилые люди предпочитали замыкаться в своих национальных анклавах. Но мы знаем также, что для второго, а тем более для третьего поколения этих проблем не существовало вообще. Они легко включались в жизнь своей новой родины (зачастую сохраняя исторический, культурный и языковой интерес к стране исхода). Страны, принявшие этих людей, стали считать их своим ценнейшим приобретением, поскольку «русская» диаспора, как правило, была социальной стратой с низкой преступностью, высоким образовательным цензом и высокой социальной мобильностью.

Оценивая сложившуюся в странах Балтии ситуацию, можно ожидать, что многие проблемы «новой» эмиграции первого поколения вряд ли найдут свое разрешение на государственном уровне. Это означает, что здесь между человеком и государством должен находиться (и поддерживаться государством) буфер из общественных организаций как граждан страны пребывания (я рад был услышать в докладе госпожи Харуоя², что такая работа ведется), так и национальных меньшинств, облегчающих жизнь этим людям и снимающих опасности возникновения социальных и политических конфликтов. Мы понимаем, что интеграция эмигрантов первого поколения – это очень сложная задача, и здесь нельзя ожидать и требовать быстрых успехов. Зато проблемы второго поколения эмиграции, по-видимому, не представляют больших сложностей, и я рад был услышать про факты, подтверждающие этот тезис. Вообще народ, как правило, достаточно здравомыслящ, и те результаты статистических опросов, которые мы здесь услышали, вполне это подтверждают. Никто не собирается уезжать из Эстонии, а народ Эстонии этого и не ждет. Проблема интеграции общества Эстонии и Латвии – это проблема Эстонии и

² Merle Haruoja (Мерле Харуоя), генеральный секретарь Эстонского института по правам человека, выступила с докладом «Интеграция и гражданство в Эстонии».

Латвии, это не проблема России и вряд ли станет таковой в ближайшей исторической перспективе.

Тем не менее я хочу обратить внимание на одно обстоятельство. Сибиряки стараются без нужды не произносить слово «медведь», чтобы, произнеся это слово, не вызвать прихода из леса страшного зверя. Так и на этой конференции в течение полутора дней все выступавшие старались не произносить слова «Россия», по-видимому, из тех же магических страхов. Тем не менее Россия существует, и процессы, идущие в ней, не обещают стабильности той территории, которую еще Тацит называл «зоной взаимного ужаса между германцами и сарматами». На нашем семинаре все стараются избежать разговоров о прошлом, тем не менее я позволю себе лишь один давний исторический пример. Ситуация, подобная сегодняшней, однажды уже была. Распавшееся к началу XIII века великое государство Киевская Русь было завоевано Золотой Ордой. И через три года после этого войско князя, ставшего вассалом и данником Золотой Орды, уже совершило набег на эстонскую территорию. Так в двери будущей Эстонии сразу же постучалась Золотая Орда, которая в это время была лишь частью великой империи Юань со столицей в городе Ханбалык, ныне именуемый Пекин. Не будем забывать, что страны Балтии находятся не только на восточном берегу Балтийского моря, но и на западном берегу океана, который называется Россия.

Я говорю об этом, потому что и Санкт-Петербург, и весь Северо-Западный регион тоже находятся на западном берегу России, и проходящий в результате распада империи процесс регионализации страны заставляет нас думать и о наших собственных региональных интересах. Мы живем в тех местах, до которых в свое время так и не доскакала конница Батыя, это позволяет надеяться, что нам удастся удержаться в мире европейской цивилизации. Поэтому для нас важны и региональные связи с Ида-Варумаа, и нахождение общего языка с Эстонией и Латвией, и это объясняет, почему мы так внимательны к проблеме реализации европейских ценностей в странах Балтии сегодня.

16 мая 1998

Краткий курс истории ВКП(б). Эпилог

Коммунисты и национал-патриоты все еще грозят стране и миру портретами И.В.Сталина, растравляя себя и нас памятью о вожде, который поманил их когда-то мечтой о мировом господстве, а вместо этого привел в сегодняшнее ничтожество. Забывая, что история партии большевиков была кончена уже полвека назад самим ее вождем. К 1950 году Сталину стало ясно, что хотя после Второй мировой войны Российская держава уже и достигла пределов своего возможного расширения, но овладение новым, чудесным оружием (испытание атомной бомбы и ракеты Р-1 в 1949 году) открыло ей новые пути для дальнейшей экспансии. Возможности ракетно-ядерных угроз позволяли рассчитывать на превращение страны в мировую сверхдержаву, а при удачном исходе неизбежной конфронтации с США – в единственную. Ожидалось новое противостояние, и нужно было озаботиться обеспечением грядущей победы, то есть решительно изменить всю внутреннюю и внешнюю политику. Прежде всего – избавиться от потенциальных союзников США среди собственного населения. Такими могли оказаться советские евреи, и кампания по выселению их из городов была подготовлена (здесь действовала та же логика, которая в предыдущей войне требовала выселения немцев и финнов без разбора на правых и виноватых из прифронтовых районов и мест компактного проживания). В новой реальности фронтовыми становились крупные города и промышленные центры.

После этого требовалось провести перенастройку действующей идеологической машины. К этому времени победивший большевизм, как и побежденный национал-социализм, получил слишком дурную славу в странах внешнего мира и потерял возможность привлекать сердца миллионов, которые предстояло завоевать. Попытка использовать во внешнеполитических целях зарубежную деятельность Московской Патриархии оказалась неудачной, советское доминирование в странах Запада православие обеспечить не могло даже с помощью экуменического движения, и интерес к этой теме был утерян. В то же время новая система ценностей, пригодная для идео-

логического завоевания мира, уже существовала. Это была принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году Декларация прав человека. Задача заключалась в том, чтобы ввести ее понятия в язык не приученной к этому страны, не утратив при этом полноты контроля за поведением населения. Опыт советско-германского идеологического сюрприза 1939 года позволял надеяться, что народ при правильном руководстве переживет еще одну смену государственного нормативного языка без особых потрясений. И наконец, необходимо было освободиться от всего того, что могло ассоциировать новую мировую державу с устаревшим и одиозным национал-большевизмом и национал-социализмом. Как обычно, убедительнее всего это можно было показать с помощью политического процесса. «Ленинградское дело»¹ с его откровенной антирусской направленностью и выполнило эту задачу, устранив национал-большевиков военного поколения, призванных в конце 30-х годов к власти в ответ на исторический вызов национал-социалистической Германии. Тогда страна должна была стать вровень со сверхдержавой 30-х годов – Германией – и победить ее, теперь была другая сверхдержава – США 50-х и другой исторический вызов. В новой военно-политической реальности русский народ переставал служить необходимым инструментом строительства мировой державы – бесстрашная русская пехота, предмет национальной гордости великороссов, вместе со своим Жуковым теряла свое значение, как потеряла его кавалерия со своим Буденным на одну войну раньше.

Национал-большевизм как идеология был подавлен, сама мысль о возможности существования русской национально-государственной идентичности была объявлена еретической и криминальной, не лучшей, чем идея космополитизма, выхо-

¹ 29–30.09.1950 выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде осудила группу из 9 высших партработников, обвинив их в «противопоставлении себя ЦК ВКП(б)» и вынашивании идеи создания компартии России («ленинградский сепаратизм»). Шестеро обвиняемых, в том числе секретарь ЦК, начальник управления кадров ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецов и председатель Госплана СССР, член политбюро Н.А.Вознесенский, считавшиеся будущими преемниками Сталина по партии и по Совету Министров, были расстреляны сразу после суда. За этим последовала серия судебных процессов и чистка ленинградской парторганизации (арестовано более 50 руководителей районов, уволено более 2000 партработников). Ленинградское дело было результатом борьбы за власть кланов Г.М.Маленкова и А.А.Жданова (умер 31.08.1948, постановление Политбюро, осудившее бывшее ленинградское руководство, – 15.02.1949).

дящего за пределы государственных границ. После необходимых для вразумления населения чисток настало время объявить о новом этапе строительства великой империи. Исходным рубежом стал XIX съезд, который исключил слово «большевизм» из названия коммунистической партии и, тем самым, из политического обихода страны. И в исторический день 14 октября 1952 года с трибуны съезда И.В.Сталин объявил миру, что высшими идеологическими ценностями отныне становятся «права личности» и «буржуазно-демократические свободы» и под этими знаменами будет отныне идти политическая переделка мира². После этого оставалось взорвать водородную бомбу и начать внешнеполитическое наступление. Он сам не дождался этого дня, умер раньше, а наследники его власти в судьбоносном августе 1953-го оказались занятыми проблемами собственного политического выживания, и страна, хотя и превратилась в сверхдержаву, но не единственную. Тем не менее, заложенный Сталиным политический импульс XIX съезда (оказавшегося кульминацией и апофеозом коммунистического режима) не пропал, он задал направление дальнейшего хода нашей истории, которая определялась впоследствии уже не стратегическим коварством исходного замысла, а объективной логикой развития заданной политической установки. Берия с его амнистией, Хрущев с откровениями XX съезда, Брежнев с Хельсинкскими соглашениями, Горбачев с общечеловеческими ценностями, и Ельцин с парламентаризмом и конституционностью – все это естественным образом развивало генеральную линию, заданную XIX съездом ВКП(б)/КПСС, и действительно привело в конце концов к задуманной перестройке идеологических декораций. И к распаду страны, потому что территориальная силовая империя классического типа, к которой тяготела Российская держава, со свободой личности и «буржуазно-демократическими свободами» по сути несовместима (это доступно только экономическому империализму при другой системе мироустройства). Новые идеологические клише, хотя бы и поверхностно усвоенные (в первую очередь самим правящим сословием), оказались сильнее, чем обаяние ядерного превосходства. Неразрешимое противоречие ситуации заключалось в том, что без признания ценности прав человека империя не могла победить, а признав их, не могла выжить. Так что академик А.Д.Сахаров

² Заключительное выступление И.В.Сталина на XIX съезде КПСС // Ленинградская правда. 1952. 15 октября.

внес свой главный вклад в саморазрушение коммунистического монстра не в те дни, когда говорил о правах человека с трибуны Верховного Совета (это уже был финал), а когда вложил в руки тирана водородную бомбу и ввел его в соблазн мирового господства, в соблазн, который привел к гибели уже не одну мировую державу.

Май 1998

Всеобщее право на убийство

Безмотивный и беспричинный расстрел двумя школьниками своих соучеников в благополучном Арканзасе¹ задел даже нашу прессу, по привычке, казалось, к разгулу насилия в России. А ведь в действительности ничего неожиданного не произошло. Просто процесс, который идет уже давно, поразил следующий участок общественного организма, и только. В традиционной европейской культурной традиции, с которой мы теперь расстаемся, право человека на убийство было закреплено за взрослыми мужчинами, нормировалось писаными и неписаными кодексами поведения и было табуировано для всех остальных членов социума. Наш век разрушил эту мораль. Сначала рухнули мужские кодексы. Государственно мотивированное убийство все реже стало ограничивать себя обычаями и правилами ведения войны, офицерскими кодексами чести и правилами обращения с военнопленными и все чаще стало реализовываться преступлениями против человечества, институтом заложничества и уничтожением мирного населения. Общество, в своем допущении гражданского убийства, отвергло дуэльный кодекс и правила кулачного боя, но зато признало право доносчика на анонимность и право государства на смертную казнь. По аналогии с этим асоциальный мир также все чаще стал переходить от воровского «закона» к уголовному «беспределу».

Следующим этапом стало изменение гендерных ролей. Женское освободительное движение сняло прежний запрет как недопустимый сексизм патриархальной культуры, и в настоящее время право женщин на убийство (в виде права единоличного решения проблемы аборта или в виде права на службу в армии) можно считать завоеванным. Криминальная статистика это подтверждает. Далее должно было идти размытие возрастных ограничений, что и стало происходить у нас

¹ 24.03.1998 в Джонсборо (штат Арканзас) два подростка: Эндрю Гольден, 11, и Митчелл Джонсон, 13 лет, – открыли беспорядочную стрельбу в толпу выходящих из школы детей. Убиты четыре школьницы и учительница, 11 человек ранены. Аналогичный сюжет: 21.05.1998 в Спрингфилде (штат Орегон): подросток Киплэнд Кинкель, 15 лет, застрелил своих родителей, после чего в школе стрелял в толпу. Два ученика убиты, 22 – ранены.

на глазах. Молодежная преступность, а с ней и молодежное убийство (и девушки здесь уже не отстают от юношей) прогрессирует, и прогрессу этому пока предел не положен. Так что переход от подросткового убийства к детскому лежит в логике происходящих событий. Этот процесс идет по всему миру или, по крайней мере, в части, находящейся под влиянием европейской культуры, и может быть определен как освоение человечеством права на убийство как неотъемлемое всеобщее право человека.

Понимание этого процесса, разумеется, чрезвычайно важно. Во-первых, потому что право на убийство умаляет безусловность права человека на жизнь, то есть ту основу, на которой базируется здание социальных и политических прав человека и вместе с тем вся политическая философия современности. Во-вторых, это неудобно чисто с практической точки зрения. Тут же нужно сказать, что возможности противостоять этой тенденции у сил мирового порядка чрезвычайно ограничены. Дело в том, что институты поддержания ценностных установок общества практически все скомпрометированы и не обладают должным моральным авторитетом. Ни государство национальной воли после опыта Освенцима, ни государство либеральной демократии после опыта Хиросимы, ни государство социальной справедливости после опыта Гулага и Колымы не смогут убедить кого-либо в том, что убийство безвинного человека недопустимо, потому что они сами стояли у истоков этой традиции, получая, принимая и требуя молитв и благословений или хотя бы попустительства у своих национальных церквей.

Вряд ли современная политическая мысль и современное христианское богословие найдут какие-нибудь новые слова, чтобы переменить опыт этой истории. Во всяком случае, в отношении арканзасского расстрела ничего разумного произнесено ими не было. Так что жизни приходится защищаться самой, и делает это она, как обычно, с помощью политических катаклизмов и природных катастроф, обеспечивающих самоуничтожение сил зла. Поэтому сегодня задача выглядит просто и одновременно сложно – сквозь плюрализм играющих на поверхности политических сил, конфессий, юрисдикций увидеть противостояние двух главных партий – партии жизни и партии смерти – и сделать свой выбор. Если мы не хотим лишиться жизни будущего века.

19 апреля 1998

За правовой нигилизм надо платить

Происшествие с выборами и арестом нижегородского мэра¹ привело к смятению в правозащитном сообществе. Всех комментаторов смутило и обеспокоило бесспорное пренебрежение российской власти к правовым нормам и принятым демократическим процедурам, что действительно не лучшим образом характеризует и наше время, и нашу действительность. Особенно если судить ее с точки зрения благополучных стран, живущих в состоянии гражданского равновесия, тех, в которых соблюдение правовых норм идет лишь на пользу людям, а нарушение – во вред. Но не следует забывать, что в нашей стране, конституционный строй которой все еще воспринимается как плохо подогнанное платье с чужого плеча, суждения должны быть более осторожны.

Мы знаем, что в нашей стране правовое творчество власти может оказаться столь же опасным для людей, как и прямое беззаконие. В пределах XX века у нас уже есть прискорбный исторический опыт воплощения и революционного правосознания, и социалистической законности, и восстановления конституционного порядка в отдельном субъекте федерации. Хорошие вещи – законность и правовое государство, но доверять им лучше с осторожностью. Соответственно, и опыты беззакония требуют оценок не только правовых.

Когда мы видим, что верховная власть выходит из правовых берегов и начинает своевольничать за границами писаного закона, это прежде всего значит, что в своей форме правления наша страна еще не определилась. Потому что для неограниченной автократии такой образ действия вообще норма-

¹ Климентьев Андрей Анатольевич, 1954 г.р., президент фирмы «Агосо». Победил на выборах на пост мэра Нижнего Новгорода 29.03.1998 (34% голосов). В период избирательной кампании уголовное дело по обвинению Климентьева в хищении валютного госкредита находилось в стадии судебного рассмотрения. Ранее имел две судимости, отбыл в заключении 9 с половиной лет. Окружная избирательная комиссия Нижнего Новгорода 01.04.1998 отменила результаты голосования ввиду «некорректного ведения избирательной кампании». Вслед за этим он был задержан в зале суда во время судебного заседания и помещен в следственный изолятор. Приговорен Нижегородским облсудом 27.05.1998 к 6 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

лен, для аристократического государства допустим и лишь для демократии совершенно неприемлем. Однако еще великий Аристотель в своей «Политике» ввел разделение форм правления на правильные (монархия, аристократия и демократия) и неправильные (тирания, олигархия и охлократия), разница между которыми в том, что правильные формы имеют целью общественное благо, а неправильные – собственные корыстные интересы. В благоустроенном государстве обычно сочетаются все эти элементы (в семье действует принцип монархический, в Академии наук – аристократический, а в артели – демократический), распределение же их зависит от исторической традиции, культуры, географии и т.п. (и вот оно-то у нас еще не отстоялось), но во всяком случае подчинено обеспечению общественного блага.

И поэтому, если мы хотим сегодня не ошибиться в отношении правительственных распоряжений по выборам и арестам, не остается ничего иного, как пользоваться этим разделением как главным критерием для суждения о действиях государственной власти. Надо сказать, что принцип примата общественного блага с древнегреческого на простой русский переводится емкой формулой «волкодав прав, а людоед – нет», которой еще долго наш народ будет руководствоваться как путеводителем в хитросплетениях российской государственной жизни. И лишь тогда, когда практика правового государства убедит нас в своей эффективности, а принцип законности – в своей безопасности, мы сможем перейти к юридическим оценочным категориям.

А пока будем судить с позиций защиты не столько прав, сколько интересов людей с риском ошибиться в каждом отдельном случае – такова неизбежная плата за правовой нигилизм и политическую невинность нашего общества.

9 апреля 1998

Сепаратизм Петербурга: дискуссия без перспектив

Удивительна дискуссия о необходимости отделения Петербурга от России в городской печати. Будто бы сообщество умных и достойных людей вдруг взялось всерьез обсуждать проблему личного отношения к смене времен года. Исторические процессы так же объективны и неотвратимы, как и природные, и если нам доводится жить в период распада Российской империи и умирания российской государственности, то это значит, что нужна трезвость оценок и осознание этого факта, а не спор с историческим процессом или спешествование ему. В гибели государств ничего доброго для современников нет, и хотя препятствовать этому процессу бессмысленно, но и способствовать безнравственно.

Когда государствообразующий ресурс исчерпан, честные люди отстраняются от соучастия в делах несправедливой власти, бесчестные ею пользуются, а результат один – страна распадается. Уместно обратить внимание на полное отсутствие в постсоветской политической жизни пассионарных участников оппозиции советского периода (любой ориентации). Люди сопротивления, которые ставили своей целью что-то исправить в государственном устройстве, чтобы починить страну, и готовые платить за это жизнью, оставили свои позиции как не имеющие смысла, ушли в историософию, журналистику, правозащиту или просто в частную жизнь – проголосовали судьбой.

С другой стороны, принудительное державоверие – это лекарство, которое горше самой болезни. Имперская судорога семнадцатого года продолжительностью в три поколения не спасла страну, только усугубила процессы распада и сделала их более драматическими. Миллионы были принесены в жертву идолу государственности, но на том мораль нации оказалась загубленной и катастрофа приблизилась еще неотвратимей. Сегодня у нас нефть еще осталась, а морали уже нет. Без морали же армия небоеспособна, а страна незащитима. Так что все последующее – лишь вопрос времени. Поэтому, возвращаясь к вопросу об оправданности петербургского сепаратизма, можно сказать так. У нас нет права распускать страну – не мы ее

собирали. Но думать о том периметре, который мы сможем удержать, когда подступят ордынцы алого или зеленого Востока со своими историческими союзниками или крестоносцы Запада, уже пора.

30 марта 1998

К месту упокоения

Политические страсти, разгоревшиеся вокруг перезахоронения останков Николая II и его семьи, стали приобретать совершенно недостойные формы, неприличные ни нашему городу, ни самому событию¹. Одни возражают против решения правительства провести акт 17 июля в Петропавловской крепости, мотивируя это тем, что для них покойный является олицетворением политического зла (за непростительный расстрел 9 января 1905 года и неудачное правление), другие тоже возражают, но мотивируют это святостью покойного и недопустимостью даже миллионных долей процента возможной ошибки.

Чтобы выйти из этого противоречия, проблему следует разделить на две части: на проблему выбора места и проблему обоснования церемониала.

¹ В августе 1995 Генеральная Прокуратура РФ вынесла заключение об идентичности останков царской семьи, и 21.09.1995 на своем заседании государственная комиссия признала этот факт установленным. Однако в октябре 1995 Синод РПЦ высказал мнение о необходимости дополнительных изысканий, нужных церкви для принятия окончательного решения. Работа следователя прокуратуры и комиссии была продолжена, результаты работы периодически публиковались. Семья Романовых в 1997 сделала заявление о том, что перезахоронение возможно только при полном подтверждении принадлежности останков и благословении Патриарха. 23.09.1997 Н.Р. Романов заявил, что Романовы не сомневаются в подлинности останков и расходятся только по вопросу места захоронения (Санкт-Петербург или Екатеринбург). В ноябре-декабре 1997 М.В. Гогенцоллерн-Романова направила обращение к Президенту и Патриарху с требованием выполнить волю Николая II и похоронить его в Петропавловском соборе. В январе 1998 было опубликовано окончательное заключение Центральной судмедэкспертизы Минздрава РФ, которая после проведения дополнительных исследований подтвердила идентичность останков. 26.02.1998 Синод РПЦ заявил, что «заключение об идентификации вызывает сомнения», и предложил захоронить останки в «символической могиле-памятнике». 27.02.1998 на внеочередном заседании Правительства РФ принято решение о захоронении 17.07.1998 в Санкт-Петербурге, в Петропавловском соборе. 13 апреля Синод принял решение о неучастии иерархов церкви в церемонии захоронения, поскольку церковь продолжает сомневаться в подлинности останков. 10 июня 1998 М.Ф. Романов выступил с заявлением об отказе большинства потомков Николая II принять участие в церемонии 17 июля.

«Мемориал», которому часто приходится решать подобные вопросы, обычно исходит из того, чтобы памятные знаки жертвам политических репрессий устанавливались по месту обнаружения останков, тревожа их не более, чем это требуется для целей идентификации захоронения. Единственное отступление – воля семьи на перезахоронение в ином, желаемом ею месте. Совершенно очевидно, что в выборе места захоронения любого человека решающее слово должно оставаться не за президентом, патриархом или общественностью, а за родными и близкими. В данном случае семья Романовых единодушно (несмотря на все свои расхождения по многим иным вопросам) сочла правильным избрать для этого Петропавловскую крепость, и с этим не должно спорить ни политикам, ни иерархам.

Другое дело – порядок проведения самой церемонии и доля государственного участия в ней. Тут, действительно, есть почва для политического несогласия. Однако и здесь можно найти корректное решение. Есть основания спорить о действительности или недействительности отречения от престола, но невозможно отрицать, что Николай II в 1916–1917 годах был главнокомандующим русской армии во время Первой мировой войны, вел эту войну, не допуская измены союзническому долгу (не соблазнился сепаратным миром), и потерял за это престол и жизнь. И поэтому, как бы ни относиться к его царствованию и к его царственности, на воинские почести как главнокомандующий русской армии он имеет неоспоримое право, а начальник петербургского гарнизона обязан их оказать по уставу. Стало быть, государственное участие в этом акте правомерно. А проблема пышности или скромности похорон и возможного превращения их в телевизионный спектакль лежит в сфере решений российского и городского правительств и должна подлежать общественному суждению и воздействию.

Три попутные справки.

Что касается гражданской скорби сегодняшних коммунистов по поводу памяти жертв «кровавого воскресенья», то хочу напомнить, что 5 января 1918 года на углу Литейного и Кировой большевиками была расстреляна демонстрация в поддержку Учредительного Собрания. Убитые были похоронены на Преображенском кладбище рядом с жертвами расстрела 1905 года ровно через 13 лет, день в день (9/22 января). В этом году 22 января 1998 года на кладбище «Памяти жертв 9 января» (Преображенском) была отслужена панихида в память

жертв расстрелов и 1905, и 1918 годов. На панихиде присутствовали 10 человек. Из «Мемориала»².

Что касается политических симпатий сегодняшней политической элиты к идее монархии и желания погреться в ее лучах, хочу напомнить, что члены царской семьи были убиты не только в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске. Четыре великих князя (Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Павел Александрович) были расстреляны в Петропавловской крепости 24 января 1919 года в отместку за убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Заявление об их реабилитации было направлено «Мемориалом» в прокуратуру Санкт-Петербурга в августе 1996, передано в Генеральную прокуратуру РФ, но до сих пор решение по нему не принято³, а для выяснения места их захоронения не предпринимается ничего.

Что касается заявлений об акте захоронения в Петропавловской крепости как об акте примирения, подводящем черту под прошлым, хочу напомнить, что Закон о ветеранах, вводимый в действие в нашем городе, не распространяется на бывших политических заключенных. Те же, кто их сажал и охранял в лагерях, благами этого закона пользуются в полной мере. Городская администрация не предусматривает в своем бюджете расходов ни на поддержание в должном виде Левашовского мемориального кладбища, ни на установку памятника жертвам политических репрессий на Троицкой площади, а Государственная Дума голосами коммунистов, либеральных демократов и многих демократических либералов (таких, как Б.Федоров, Э.Памфилова или С.Федоров) сокращает в бюджете расходы на выполнение Закона о реабилитации жертв политических репрессий⁴. Зато власти обещают, что нас больше

² См. с.110 наст. изд.

³ Из ответа Генеральной прокуратуры РФ (№13-1100-97 от 23.03.1998): «...сообщаю, что вопрос о реабилитации великих князей <...> в настоящее время не решен в связи с тем, что не завершено расследование дела об убийстве членов Императорского Дома Романовых. Наряду с этим продолжается розыск подлинников документов о расстреле великих князей Романовых». Реабилитированы Генеральной прокуратурой 09.06.1999 (справки №13/1100-97, архив НИЦ «Мемориал»).

⁴ 4 февраля 1998 ГД РФ во время обсуждения бюджета приняла решение уменьшить расходы «на защиту прав жертв политических репрессий (компенсация, возмещение конфискованного имущества, погребение, льготы)». При повторном голосовании против уменьшения расходов проголосовали менее пятидесяти депутатов («Яблоко» и сторонники «Выбора России»), за – более двухсот пятидесяти (коммунисты, ЛДПР, народовласти, часть

не будут делить на красных и белых, но это как раз не ново, потому что и советская власть так не делила никогда – и те, и другие бок о бок сидели в одних лагерях и бок о бок лежат в одних расстрельных ямах. Только одних называли «контрреволюционерами» и «белыми», а других «ревизионистами» и «троцкистами» (стало быть, «красными»), сегодня же они оказались в одинаковом небрежении у власти. Так что кто будет мириться 17 июля и с кем – остается правительственной тайной.

Но похоже, что примирения власти с народом акт похорон не предусматривает. Процедура церемонии, утвержденная государственной комиссией, опубликована⁵. Этот сценарий подчеркнуто пренебрегает памятью десятков тысяч жителей Петербурга–Петрограда–Ленинграда, уничтоженных коммунистическим режимом за годы советской власти. В память этих людей семь лет назад был положен скромный квадратный камень в центре Троицкой площади. Теперь сюда приходят наши горожане, чтобы почтить память своих близких, павших жертвой политических репрессий, тех, чьи судьбы неизвестны, а могилы не разысканы. Здесь проводят митинги и служат панихиды, кладут цветы и зажигают свечи, печалятся о прошлом и надеются на лучшее будущее. 17 июля через Троицкую площадь назначено пройти траурной процессии царских похорон, пройти мимо этого камня, посвященного памяти погубленного народа, оставив его без внимания, и во главе с руководителями церкви и правительства удалиться в закрытую для простонародья Петропавловскую крепость. Если это устроит Дом Романовых.

Май 1998

P.S.

У финишной черты

17 июля 1998 года, в день захоронения останков царской семьи в Петропавловской крепости, все средства массовой информации нашей страны были заинтересованы памятью жертв политических репрессий. Они обсуждали тему преодоления трагического прошлого, проблемы исторической спра-

аграриев), остальные воздержались (в том числе и «демократический» «Наш дом – Россия»).

⁵ Government Releases Tsar Family Burial Plan // The St.Petersburg Times. 1998. May, 26.

ведливости и исторического воздаяния участникам российской драмы XX века. По заданию правительства, инициатора государственных похорон, это событие должно было примирить противоборствующие политические силы и умиротворить политические страсти. Оно было задумано как акт расчета страны с прошлым, как явление новой государственной идеологии. Так и оказалось, только реальность увиделась не та, что мнилась изначально.

Прежде всего обнаружилось, что никакой единой государственной идеи не существует и в преследовании своих сиюминутных целей национальные вожди легко жертвуют чем угодно, включая здравый смысл и инстинкт самосохранения. Субъективные оценки достоверности генетических экспертиз, положенные в основу государственной политики, церковное стояние в Петербурге президента с Романовыми, принявшими надежность результата сердцем, а в Москве – патриарха с Гогенцоллернами, недосчитавшими в проценте надежности желательного им количества девяток после запятой, государственные мужи, срочно нашедшие в этот день более дельное занятие, – это все из обычных раздоров современной политической жизни.

В программу церемонии не было заложено ни посещение Левашовского мемориального кладбища, где лежат тысячи расстрелянных, разделивших судьбу царской семьи, о которых сегодня уже и не вспоминают, ни закладного камня Троицкой площади на траурном пути в Петропавловскую крепость. «Жертвам политических репрессий Петрограда - Ленинграда» написано на камне, то есть, и царской семье он посвящен тоже. Мимо промчался похоронный кортеж 16-го, мимо проехал президент 17-го. Не прошли они и испытание Преображенским кладбищем. Тем, где похоронены жертвы расстрела 9-го января 1905 в Петербурге, самого черного деяния династии Романовых. Тем, где лежат жертвы расстрела демонстрации в защиту Учредительного собрания 5 января 1918 года, действительно первые жертвы коммунистического режима. Положены они были там рядом ровно через 13 лет, день в день, как напоминание миру об опасности для людей самодержавного государства с любой официальной идеологией. Казалось, тут бы и вспомнить о вине власти перед народом – здесь Романовы, и здесь коммунисты (прозревшие). Об этих жертвах не вспомнили ни те, ни другие. Сценарий предусмотрел светлейшее посещение Пискаревского кладбища, крейсера «Аврора» и совместную трапезу Романовых с сегодняшней поли-

тической элитой. Так что можно считать, что 17 июля 1998 года состоялось окончательное отречение Дома Романовых от России.

Впрочем, и правительства тоже. Церемония захоронения останков царской семьи пригодилась лишь для очередных внутривнутриполитических размежеваний и поэтому использование в политической риторике темы жертв политических репрессий оказалось конъюнктурным и случайным событием. Акт похорон в Петропавловской крепости официально предназначен «провести черту под прошлым». Только тот, кто проводит черту под прошлым, проводит ее под своей историей, а конец истории – это конец нации.

Миллионы наших сограждан канули в пропасть Гулага, прокляв перед смертью нашу страну, ее власть и ее народ. Нецивилизованные народы мира обычно считают, что неискупленное проклятие предков лишает потомков благополучия и самой жизни. Мы цивилизованы и можем считать, что такие страхи необоснованы. Стоит только посмотреть вокруг и убедиться в этом.

Июль 1998

XX век: мораль и право¹

В основу нашего рассмотрения мы положим парадокс, связанный с тезисом о приоритете прав человека, тезисом, который стал одним из основных идеологических догматов политической философии современности. Как мы уже упоминали ранее, 1945 год можно считать кульминацией политической истории XX века. В 1945 году союзные войска на территориях, контролируемых Германией, обнаружили лагеря уничтожения врагов национального германского государства, в том же году в Италии на польском языке вышла книга Моря и Зверняка², описывающая систему лагерей Гулага в Советском Союзе (по свидетельствам массового опроса польских заключенных, вышедших из СССР в 1942 году с армией Андерса), лагерей, предназначенных для уничтожения врагов социалистического государства, и наконец в сентябре 1945 года атомная бомбардировка Хиросимы показала, что и для демократической Америки чужая человеческая жизнь ничего не стоит. Так был обозначен кризис всех трех основных направлений политической мысли XX века: государства социальной справедливости, государства национальной воли и государства разумной демократии. Все они оказались бесчеловечны по своей сути и все пришли к одному и тому же – к массовому уничтожению случайных людей, оказавшихся на дороге устроителей политического идеала.

В 1948 году для успокоения устрешенного человечества на Генеральной Ассамблее ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, объявившая права и интересы человека фундаментальной ценностью мирового сообщества и ставшая основой нового политического языка. С тех пор нет, пожалуй, в мире ни одного политического документа, который не декларировал бы тезис о приоритете прав человека. Однако полувекковая историческая реальность показала, что массовые политические репрессии, просто убийства в политических це-

¹ Доклад на Международной научной конференции «Богословие после Освенцима и его связь с богословием после Гулага: Следствие и выводы». Санкт-Петербург, 26–28 января 1998.

² *Mora S., Zwierniak P. Sprawliwosc sowiecka*. Wlochy, 1945.

лях остались нормой политической жизни XX века. Китай, Вьетнам, Камбоджа, Латинская Америка, Африка, европейские и арабские террористы, Афганистан, Югославия, Чечня – примеры можно множить и множить.

Очевидно, что в современном мире оказалось не обеспеченным основное право человека – право на жизнь, без которого разговор о гарантиях социальных и политических прав остается только ничем не подкрепленным заявлением о благих намерениях. Поэтому фундаментальной проблемой современного мира оказывается вопрос – а может ли вообще быть доказано и подтверждено право человека на жизнь или это просто языковая химера, призванная замаскировать общую деградацию морали и сползание человечества в войну «всех против всех». В предыдущую эпоху право человека на жизнь было декларировано религиозными заповедями, как изначальное божественное установление. В новое время отношение к заповедям изменилось, их стали воспринимать не как запись опыта внутренней религиозной жизни, а как набор рецептов гарантированного спасения, и как всякий набор рецептов – доступными критике и требующими доказательств. Мощная пропагандистская машина работает, чтобы доказать право человека на жизнь. Она апеллирует к нашим чувствам и демонстрирует горы трупов и следы катастрофических злодеяний, она апеллирует к праву, которое как бы способно ограничить действие злой воли, она апеллирует к разуму, доказывая конечную неэффективность зла. Все тщетно. Энтузиасты насилия торжествуют повсюду, и кажется, что человек проиграл свою жизнь полностью, причем самому себе.

Более внимательный взгляд на вещи, однако, показывает, что нравственная деградация не тотальна, и есть уровень, на котором мы все-таки находим позитивное понимание у людей самых разных жизненных установок. Право человека на жизнь действительно плохо доказуемо. Плохо доказуемы социальные и политические права, проистекающие из приоритета права на жизнь. Однако если мы обратимся к праву, которым располагает человек вне зависимости от того, жив он или мертв, мы оказываемся на более твердой почве общественного взаимопонимания. Мы имеем в виду право человека на имя. На фоне тотального нравственного релятивизма право человека на имя оказывается одним из немногих неоспоримых постулатов, убедительным для людей различных культур и различных жизненных ценностей. Двигаясь по следам политических катастроф, максимальное сочувствие мы обычно нахо-

дим в отношении преодоления анонимности смерти. Восстановление имен жертв является задачей, понятной всем и не требующей объяснений. Это дает основание для оптимизма, поскольку защита имени может стать первой ступенью в деле защиты человека. Имя принадлежит человеку навсегда, может быть, это единственная его настоящая собственность, и это дает нам отправную точку для нашего дальнейшего дискурса.

Реализация политической философии в виде трех смертоносных политических доктрин не является случайной. Это явление принадлежит к тому же кругу событий, что и разделение наиболее развитых вероучений и культурно-исторических традиций на три исторических вероисповедания или на три направления. Православие, католицизм и протестантизм, в которых выражает себя историческое христианство; шииты, сунниты и суфии ислама; легисты, конфуцианцы и даосы Китая; саддукеи, фарисеи и ессеи древней Иудеи – трехчастное разделение идеологий всюду заявляет себя как постоянный мотив в истории человеческого самосознания.

Для всех культур характерна реализация первичного откровения или культурно-исторического мифа в виде устойчивой триады разделенных идеологем, носителями которых становятся отдельные этносы или субэтносы. В категориях тенденций политической истории эти направления могут быть описаны как тяготеющие к государственной (цезарепапизм, шиитская модель), сверхгосударственной (папозаризм, суннитская модель) или внегосударственной (протестантская, суфийская модель) реализации. Соответствующим образом эти направления генерируют предпочтительные для них политические доктрины, однако нормирование по отношению к государству не исчерпывает и не объясняет этого явления. Интересующие нас современные политические учения, разумеется, также коррелируют с соответствующими разделенными направлениями нашей средиземноморской культуры, однако феноменальный чисто политологический подход не раскрывает ни истоков этого разделения, ни его последствий. Для выявления их смысла в контексте развития мировой истории необходимо выявление связей с ценностными установками, лежащими в основе политической картины мира.

Если считать, что в основе великих откровений человечества лежит сопряжение учения о высших мировых ценностях с учением о принципах человеческого жизнеустройства (имен-

но поэтому любое великое откровение в самом сжатом виде не может быть сформулировано в виде одного тезиса, а только в виде двух³), то разделенные идеологемы могут быть описаны в терминах трех возможных акцентуаций: как учение, акцентирующее высшие сверхценности откровения (в категориях личной истины), учение, акцентирующее ценности человеческого мироустройства (в категориях всемирности), и как учение, акцентирующее ценность и спасительность самой принадлежности к исповеданию как таковому (в категориях ортодоксальной верности). Здесь, по-видимому, мы подошли к самым основам наблюдаемого и достаточно устойчивого феномена, осталось только понять причинный механизм этого явления. Причины эти коренятся в самих основах человеческой связи с миром, в человеческой психике.

Современная психология нам сообщает, что эволюция человека от первобытного состояния к современному сопровождалась дифференциацией ранее единого первобытного сознания, которое она называет пралогическим, на эмоциональную, волевою и интеллектуальную сферы. Эти сферы, ранее составлявшие некое нерасчлененное единство, в процессе культурной эволюции породили многообразие психологических форм, ощущений, представлений, сделав человеческую жизнь богаче и многогранней. Наука, искусство, упорядоченная социальная жизнь стали возможны как следствие этой дифференциации. Мир расширил свои пределы, человек стал участником событий микро- и макромира и создал современную глобальную техническую цивилизацию. Платой за психологический прогресс стало прогрессирующее расхождение эмоциональной, волевой и интеллектуальной сфер, находящихся со временем все меньше точек соприкосновения и гордых своей самодостаточностью (их пароль – «профессионализм»). В рамках общественного самосознания эмоциональная компонента, помимо мира искусства, нашла свое выражение в создании систем социальной защиты (в политике – идеи государства социальной справедливости); волевая компонента, помимо мира права, нашла свое выражение в создании культа и культуры войны (в политике – идеи государства национальной

³ Так, для христианства: «И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф., 22: 35–44) (*Прим. автора*).

воли), интеллектуальная компонента, помимо мира науки, нашла свое выражение в создании культа разума (в политике – идеи государства представительной демократии). Колыма, Освенцим и Хиросима явились логическим следствием этой исторической тенденции.

Вряд ли возможен возврат к некоей критической точке исторического прошлого человечества, где произошло искажение правильного пути, к чему нас призывают многие ненавистники настоящего. Да вряд ли такая точка и существовала когда-то. Жизнь развивается по своим непостижимым законам, и сухое дерево назад не пятится. Невозможно и не нужно отказываться от того, что было создано и накоплено веками. Изменяться вынуждены мы сами, здесь и сейчас. То, что психологи называют пралогическим сознанием, которое создает достоверное ощущение сопричастности человека миру в его полноте, то ощущение неразделенности человека и мира, которое делало откровения очевидными и не требующими доказательств, может быть доступным для современного человека развитого интеллекта, чувства и воли не меньше, чем для его далекого предка, для которого право человека на жизнь было столь же естественным, сколько право на жизнь земли и неба. Это состояние сознания уподобляет микрокосм человека макрокосмосу Вселенной, оно придает смысл человеческому имени как главной связи человека и мира, оно не отменяет ни логики, ни науки, ни даже политики, оно просто тяготеет к Единому. Поэтому сегодня, если в каких-то событиях мы угадываем проявления того, что принято называть планетарным сознанием, или замечаем просто тенденцию к соединению ранее несоединимых сфер общественного бытия в едином взаимодействии, это означает, что сквозь руины XX века прорастает мир, каким он должен стать после Освенцима, Гулага и Хиросимы.

В.Иофе,
благотворительное,
правозащитное,
историко-
просветительное
общество «Мемориал»

Памяти жертв расстрела демонстрации в поддержку Учредительного Собрания (5/18 января 1918)¹

Здесь, на углу Литейного и Кирочной, 80 лет назад была расстреляна мирная безоружная демонстрация петербургских граждан, направлявшихся к Таврическому дворцу в поддержку Учредительного собрания, о котором так много говорили и писали все политики России, включая большевиков, которого весь 1917 год ждали граждане нашей страны. Эта кровь была пролита сознательным решением большевистской партии, которая готова была допустить Учредительное собрание только в том случае, если оно поддержит ее власть и ее политику. А поскольку граждане России в то время уже сомневались в благодетельности власти коммунистической партии, то эта демонстрация и была расстреляна. Всем было известно, что принято решение о том, что люди будут безоружны и только продемонстрируют свою поддержку Учредительному собранию. Тем не менее они были безжалостно расстреляны. Убитые, о количестве которых до сих пор спорят историки, были перенесены в Мариинскую больницу и похоронены 9 января, в День памяти жертв расстрела 9 января 1905 года, на том же кладбище и рядом с теми же могилами.

Так была сохранена преемственность державности, сохранена традиция российской власти уничтожать собственных граждан за нелояльность правительству вне зависимости от того, кто это правительство возглавляет. Как мы знаем, война российского правительства с народом продолжилась и далее, дошла и до наших дней. Начавшись с употребления стрелкового оружия, впоследствии (к 1993 году) эта война включила в свой арсенал артиллерию, танки и авиацию.

Основа этого была заложена здесь. В октябре 1917 к власти пришла партия, которая считала, что ей все позволено, и оттеснила от власти всех тех, кто считал, что у власти должны быть хоть какие-то ограничения. Власть была завоевана, рас-

¹ Выступление на митинге «Мемориала» (угол Литейного пр. и ул. Салтыкова-Щедрина), 18.01.1998.

платой за это стало моральное растрепание нации. Сегодня эта партия потеряла власть, может быть, только временно, но моральное растрепание осталось. И когда мы возмущенно говорим об уголовном беспределе, криминальном сознании в современной России, мы должны понимать, что основа этого заложена здесь, на этом углу, где 80 лет назад правительство, которое считало, что ему все позволено, начало безнаказанно уничтожать свой народ, демонстративно презрев его политическую волю.

Давайте будем помнить об этом. Единственное, что мы можем делать, – это помнить и говорить правительству, что мы это помним, всегда это помним и будем помнить – эти жертвы, эту кровь, эти события². Это единственное, что мы можем сделать, чтобы и мы, и та власть, которую мы себе позволяем, переменялись хотя бы чуть-чуть.

18 января 1998

ПРИМЕЧАНИЕ

О созыве Учредительного Собрания заявлено Временным Правительством 15.03.1917, затем Вторым съездом Советов 25.10.1917. «Положение о выборах во Всероссийское Учредительное собрание» (// Вестник Временного правительства. от 22.07.1917) определило проведение выборов делегатов с 12.11.1917 и дату созыва УС на 28.11.1917. Несмотря на состоявшиеся в большей части губерний выборы делегатов (12–14.11.1917) созыв УС оказался под угрозой срыва. Был создан «Союз защиты Учредительного Собрания» (созд. 23.11.1917, рук. В.Н.Филипповский), прошли массовые демонстрации под лозунгом «Вся власть Учредительному Собранию!». Утром 5 января из разных районов города демонстранты шли к Таврическому дворцу, на углу Кирочной и Литейного погибло 12 человек и более 20

² На Преображенском кладбище производились безымянные захоронения заключенных, умерших в тюремных больницах и погибших во время следствия. В настоящее время этот участок представляет собой пустырь, примыкающий к территории кладбища (выведен из его состава в 1969), в 1997–1998 администрация кладбища «Памяти жертв 9-го января» при поддержке Общества «Мемориал» проводила подготовительные работы по мемориализации этого участка и установке памятного знака памяти жертв политических репрессий Ленинграда (передача этого участка в ведение администрации кладбища не состоялась). И 5 сентября 2001, в годовщину памяти жертв красного террора, на Преображенском кладбище Обществом «Мемориал» совместно с администрацией кладбища установлен памятник «жертвам политических репрессий».

ранены. Первое заседание состоялось 5 января 1918 в Таврическом Дворце (410 депутатов), собрание отказалось принять ультимативное требование большевиков о признании декретов съездов Советов, было закрыто 6 января в 4.40 утра, второе заседание, назначенное на 6 января, не состоялось. Декрет ВЦИК о роспуске УС от 06.01.1918.

Знать свое место

Город стали украшать новыми памятниками. Оказывается, есть и средства, и возможности – прекрасная эпоха уже началась. Конкурсов не устраивают, или они потасовки, обсуждений нет – что нам поставят, с тем и живем.

В конце концов, начальство демонстрирует нам свое собственное видение мира, и если власть для него – воплощение бесчеловечности, то не стоит удивляться появлению медного сидня в Петропавловской крепости, ангелов смерти – сфинксов¹ на набережной Робеспьера (и название кстати) и молоха тоталитаризма² под стенами левашовского кладбища расстрелянных ленинградцев. Все это – зрительный ряд новой политической реальности. Впрочем, историчность трагизма российской жизни утверждают памятники Достоевскому и Гоголю.

Теперь, видимо, пришла пора найти должное место и для Анны Ахматовой. Уже прошел скоростной конкурс, как-то отобраны призеры, и мы можем увидеть, что нам предлагают. Девять проектов, и все не там, где завещала Ахматова в своем «Реквиеме», – не у «Крестов».

Ее завещание оспорено по следующим основаниям. Во-первых, образ Анны Ахматовой для Петербурга означает больше, чем просто память о конкретных политических репрессиях (о которых, видимо, пора уже и забыть). Это она недопонимала, и ее ошибку надо поправить и памятник сделать общегородским, а ее трагизм общероссийским (в проектах – страдающая душа Петербурга). Во-вторых, ставить памятник поэту у стен, за которыми сидят не благородные политические, а презренные уголовники, а набережную заполняют их грешные подруги, среди которых ей придется коротать вечность, как-то и неприлично для петербургской дамы. Впрочем, причуду гения можно учесть, пусть смотрит на свои Кресты через Неву.

Все эти рассуждения хорошо укладываются в отечественную традицию исправления прошлого (сколько литераторов

¹ См. с.213 наст. изд.

² См. с.197 наст. изд.

позволили себя похоронить не на Волковом кладбище, а Пушкин даже стрелялся в неправильном месте, и всех их советской власти пришлось поправлять, вопрос же о том, куда перезахоронить царя, а куда Ленина, вообще превратился в национальную проблему). На все это лучше всего ответить словами самой Анны Андреевны:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

<...>

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать громыхание черных марушь.

Памятник на набережной Робеспьера неуместен не только потому, что нарушает завещание поэта и служит украшением крыши подземного гаража (так называемой площади), и тем более не потому, что стоит под «новорусским» домом, что уже отметили многие. В конце концов, этих жильцов, как и любых других, судьба тоже может переселить через реку.

Лукавство этого конкурса в том, что ни в одном из проектов не прорисованы шемякинские сфинксы, которые стоят на набережной и должны будут фланкировать памятник поэту, авторы делают вид, что их не замечают.

Место задано, а потому они как бы не несут ответственность за тот ансамбль, который образуется при осуществлении проектов. А ансамбль должен получиться примечательный.

В жизни Анна Ахматова избежала физического ареста, более того, она стала символом возможности человеческой победы в противостоянии империи зла.

В посмертии ей это не удастся. Ордер выписан.

Под бдительным присмотром двух мифологических охранников ей будет позволено с уместной трагичностью глядеть через Неву на переполненный ковчег человеческого горя, на сегодняшние Кресты. Ей не будет дано стоять у этих стен, напоминая несчастным о мире духа и мире культуры, ей не будет дано напоминать нам о сострадании, ей не будет дано призывать милость к падшим, в чем видел свое служение столь чтимый ею А.С.Пушкин. Ей будет дано под вечным конвоем украшать набережную имени Максимилиана Робеспьера³.

Декабрь 1997 – январь 1998

³ После протестов общественности города и проведения публичных общественных обсуждений проектов памятника А.А.Ахматовой Комитет по архитектуре и градостроительству мэрии С.-Петербурга принял решение о проведении дополнительного конкурса.

К десятилетию «Мемориала» Письмо членам рабочей коллегии международного общества «Мемориал»

Десятилетие «Мемориала»¹ – прекрасный и своевременный повод задать себе некоторые вопросы. Что же это такое – «Мемориал»? Куда мы пришли со времени громокипящих восьмидесятых? Что мы поняли о себе самих за эти десять лет?

Пойдем от противного – чем мы не являемся. «Мемориал» сегодня много занимается делами бывших узников Гулага, их реабилитацией, их медицинскими и социальными проблемами. При обществе стали создаваться медицинские центры и социальные станции. Но само общество с самого начала было задумано (спасибо отцам-основателям) и сохранило себя по сей день, безусловно, не в виде ветеранской организации в классическом смысле слова, такой, как различные ассоциации жертв советской власти (чернобыльцы, ветераны подразделений особого риска, военные ветеранские организации), ставящие своей исключительной целью поддержание материального благополучия своих членов и установку памятников. Самый драматический эпизод в истории «Мемориала» – отделение от него Ассоциации жертв необоснованных репрессий (декабрь 1989) – был связан именно с отказом «Мемориала» стать рядовой ветеранской организацией с ограниченной сферой деятельности.

«Мемориал» много занимается правозащитной деятельностью и включает в свой состав подразделения, некоторые из которых стали вполне профессиональными в своей области. Зачастую весь «Мемориал» относят к правозащитным организациям, но это, безусловно, неверно, так как специфически правозащитная работа привлекает лишь небольшую часть его членов. Это же можно отнести и к исторической работе «Ме-

¹ Датой основания Всесоюзного благотворительного, правозащитного, историко-просветительного общества «Мемориал» принято считать 14 ноября 1987, когда на улицы Москвы были выведены первые пикеты по сбору подписей за установку памятника жертвам политических репрессий. Подготовительная конференция Всесоюзного общества «Мемориал» состоялась в Москве 29–30.10.1988 (338 делегатов из 59 городов).

мориала», которая ведется также специализированными структурными подразделениями. Несмотря на расхождение реальной работы по таким несхожим направлениям, как социальная опека, правовая защита и историография, и появление специальных функциональных органов, «Мемориал» не распадается на части, а сохраняет свое единство под громоздким названием «благотворительной, правозащитной, историко-просветительской организации». Общие акции, проводимые «Мемориалом», легко собирают всех его членов и работников под общие знамена. В биологическом организме жизнь обеспечивает ток крови, который изнутри омывает все органы, в общественном организме имеет место нечто подобное. Наша задача определить, что же является невидимым внутренним флюидом, который обеспечивает жизнеспособность «Мемориала» и его единство живого организма.

Попытку определить в качестве главной и объединяющей функции «Мемориала» просветительскую деятельность следует признать крайне неудачной. Разумеется, такая постановка вопроса удобна, так как она позволяет демонстрировать результаты работы общества в виде конкретных дел: публикаций, выставок, конференций, – но она автоматически переводит общество в разряд просветительских организаций (типа общества «Знание»), т.е. в круг общественных организаций третьего эшелона. Можно из практических соображений (например, из удобства финансовой отчетности, или применяясь к пониманию сути дела грантодателем) принять такую позицию, но не следует тогда обижаться, что общество начинает рассматривать нас как третьеразрядную организацию.

Поясним. Третий уровень – это уровень популяризации на основе сложившейся и устоявшейся в обществе идеологии. Ему предшествуют: уровень второй – научная и правовая разработка исторической и современной реальности (чем «Мемориал» в лице своих вспомогательных структур занимается) в свете принятых ценностных установок; и уровень первый, где идет выработка этих ценностных установок общества и где формулируются гражданские приоритеты. Иногда, но не всегда, в этой роли выступают религиозные институты, в любом случае это уровень, на котором формируется самосознание общества.

Именно для работы в этой сфере был создан «Мемориал» – как организация, чья миссия – вывести Россию из мира Гулага, в котором она пребывает и по сей день, говоря его языком, живя по его нормам, принимая его ценности.

Основная задача «Мемориала» – на основании уникального исторического опыта России XX века найти выход из идеологического тупика XX века, в котором слова-символы «Кольма», «Освенцим» и «Хиросима» означают кризис основных направлений мировой политической мысли: государства социальной справедливости, государства национального единства и государства рациональной демократии. Причастность к этой миссии и создает то высокое напряжение служения, которое придает смысл и значение всей мемориальной работе. Разницу между просветительной деятельностью и служением можно проиллюстрировать на простом гипотетическом примере (к сожалению, недалеком от реальности). При отсутствии публики лекцию или кинофильм отменяют, а церковную службу (любой религии) и, соответственно, мемориальскую акцию – нет. Именно это наше общественное первородство доброжелатели пытаются продать за чечевичную похлебку просветительной или демократической функции.

Ни демократизация страны, ни строительство гражданского общества не являются миссией «Мемориала». Устройство демократии как институализированной власти большинства не может быть нашей задачей, так как в России власть, какими бы институтами она себя ни оформляла, всегда принимала во внимание мнение большинства, и ни к чему хорошему это не вело. Тратя колоссальные средства на то, чтобы заткнуть рот народу (цензура, репрессивный аппарат), государство расходовало не меньшие силы и средства (аппарат политического контроля) на то, чтобы узнать, что же народ на самом деле думает, и учитывало это в своей повседневной политике. А народ тогда (как и сейчас) был в своей массе за поиски врагов, за репрессии, за автаркию, за монополию на истину, за полицейское государство, против личностного начала во всех его проявлениях (как это сейчас артикулирует большинство Государственной Думы, избранной вполне демократично и стоящей стране примерно столько же). Впрочем, опыт Хиросимы свидетельствует, что это не только российская проблема.

Можно, разумеется, сказать, что нас интересует демократия как институт защиты прав меньшинства. Можно, но, во-первых, как показывает опыт функционирования демократических механизмов в нашей стране, меньшинства не остаются защищенными даже законодательно (закон о религиозных объединениях, аграрные законы и т.п.), не говоря уже о реальной практике, где подавление их обеспечивается подзаконны-

ми актами (прописка!), во-вторых, сами подавляемые меньшинства, как правило, несут в себе семена той же нетерпимости и агрессии, что и их гонители, и в большинстве случаев вряд ли могут претендовать на роль ячеек гражданского общества. Устроение гражданского общества предполагает наличие гражданского и правового самосознания у какой-то заметной части населения, чего в настоящее время в нашей стране нет и предполагать появление чего в ближайшее время не приходится. Как мы знаем даже из древней истории, освобождение от рабства не порождает автоматически свободных граждан, а зачастую создает мстителей и новых насильников, в чем отдаст себе отчет народное сознание, скептически относящееся к идеям правозащиты, видя в ней в первую очередь не защиту идеи права, а защиту интересов той или иной группы с использованием инструмента права. Каждый при этом знает, что договориться с начальником эффективнее, чем ввязываться в юридический процесс. Поэтому бесспорно необходимую работу по защите меньшинств разного рода следует не связывать с формулами права, демократии и гражданского общества, а в соответствии с реально действующими ценностными предпочтениями возводить... к чему? По-видимому, только к личностям, как защищаемым, так и к защищающим. При той слабости правосознания, которая нам исторически досталась, юридическая норма – это не аргумент, а человеческая личность – доказательство. Впрочем, это совпадает с новозаветным тезисом, что истина – это не что, а кто. Так что и здесь очень мало от демократии.

Все это не к тому, что демократия или гражданское общество – такие уж плохие вещи. Это к тому, что язык этот не наш. «Мемориалу» следует искать собственный язык для достижения своих целей (защиты людей), а не пользоваться заемным языком расхожих политических доктрин и не связывать себя альянсами с политическими силами (как бы симпатичны по целям и задачам они нам ни были), говорящими на приблизительном языке практической политики (как это было с вхождением в «ДемРоссию»²). Наш тезис, что «Мемориал» не политическая организация, не просто дань вынужденной необходимости (поскольку мы объединяем бывших зеков вне

² Коллективное членство Санкт-Петербургского общества «Мемориал» в «ДемРоссии» с 1991, фактически закончилось (неуплата регистрационных взносов) в январе 1993, юридически – в январе 1994 (решение Правления от 10. 01.1994).

зависимости от их политических взглядов), а следствие иной общественной функции. Мы должны создавать и поддерживать то ценностное поле, внутри которого должны действовать политические организации. Кстати, во многом слабость нашей политической жизни объясняется и тем, что действующие в ней политические силы со своей стороны также смешивают язык практической политики с языком морального максимализма, то есть вторгаются в функции, приличествующие именно «Мемориалу», обрекая себя на неуспех.

Подводя итог сказанному, уточним, что задачей нашей является не формирование общественного мнения – это задача средств массовой информации. Наша задача и наша миссия – выявление ценностных ориентиров в нашей истории и в нашей современности, по которым можно нормировать современную политическую и общественную жизнь.

Октябрь 1997

Идеология политического протеста. 1930–1960 годы¹

Политическая программа либеральной модификации реального социализма, то есть то, что позже стало называться идеологией «шестидесятничества», родилась в самом начале 30-х годов. Шок коллективизации вызвал сначала новые оппозиционные течения в самой правящей партии с их требованиями внутрипартийной демократии (известные ныне всем группы Рютина, Сырцова–Ломинадзе¹), а потом и за пределами партии среди новой пореволюционной молодежи. Общим для них было то, что социалистический выбор и советская власть, в отличие от 20-х годов, воспринимались уже как безальтернативная данность¹¹.

История оппозиционных групп 30-х годов может быть воссоздана лишь с большим трудом. Большой террор и практика массовой фальсификации политических дел – плохой фон для исторического анализа, но идеологический анализ они не затрудняют. Следователи НКВД, дотягивая своих подопечных до «посадочного» качества и выявляя их враждебные умыслы, записывали и приписывали им тот политически криминальный образ мыслей, который воспринимался ими самими и их политическим начальством, как достоверно оппозиционный. Поэтому можно не задаваться вопросом, была ли в действительности у данной группы приписываемая ей политическая программа, а нужно рассматривать эту программу как идеологическую альтернативу политике компартии данного периода, с учетом того, что некоторые тезисы выражали не столько реальные политические требования, сколько психологические комплексы сознающей себя нелегитимной и, как следствие, склонной к насилию власти. К тезисам такого рода можно отнести: злоумышления на убийство вождей (что отражало их истинное отношение к себе и друг к другу – вожди считали терроризм естественным); расчеты на военное поражение страны (реликт собственной тактики большевиков во время Первой мировой войны, оказавшейся успешной для за-

¹ Доклад на международной научной конференции 29th National AAASS Convention. Seattle, 20–23 ноября 1997.

хвата власти) и реставрация капитализма в чистом виде (т.е. полное отрицание существующей власти, что шло дальше действительных устремлений этих групп, ограничивающихся, как правило, требованиями улучшенного социализма). С учетом этих обстоятельств для середины 30-х годов мы получим достаточно стандартный набор «шестидесятнических» требований. Приведем как типическую «программу» группы студентов Ленинградского университета (арестованы в 1938, программа датирована 1933) «молодежной организации интернационалистов – коммунистов – социалистов» (из протокола допроса Ю.Батия, обвинявшегося в авторстве текста):

1. Объединение всех политически недовольных советской властью течений в одну единую организацию, которая противопоставила бы себя ВЛКСМ и ВКП(б).

2. Все спорные вопросы должны выясняться мирным путем без всяких репрессий со стороны правительства.

3. Улучшение материального положения крестьянства путем ликвидации колхозов, которые, по моему клеветническому утверждению, завели сельское хозяйство страны в тупик, а крестьянство разорили.

4. Средства, которые советская власть тратит на строительство Домов культуры, Дворцов Советов и т.д., употребить на покупку текстильных и других необходимых товаров, чем улучшить материальные условия населения и смягчить товарный кризис. Строительство же Дворца Советов, Домов Культуры и проч. признать ненужным.

5. Ввиду того, что СТАЛИН своей неверной политикой в области коллективизации привел к упадку и разорению сельского хозяйства, то необходимо изменить политику ВКП(б) и Советского правительства в отношении крестьянства, предоставив им свободное развитие крестьянского хозяйства.

6. Так как во всем виноват СТАЛИН, то считать необходимым устранение СТАЛИНА от руководства ВКП(б) и страной.

7. Если будет вооруженное столкновение между СССР с капиталистическими странами, то придерживаться пораженческих позиций в отношении СССР, т.к. поражение СССР и восстановление капитализма дадут более широкую демократию народам Советского Союза, чем демократия, существующая в настоящее время^{III}.

В реальных листовках 30-х годов политический радикализм требований также сочетается с принятием социалистического выбора^{IV}. Для 30–40-х и начала 50-х молодежные «марксистские» антисталинские группы с подобными программа-

ми стали основной формой реализации политически осмысленного недовольства. Разумеется, в течение всего рассматриваемого периода существовали группы и прокламации, реализовавшие иные ценностные политические установки, в первую очередь антикоммунистические национал-патриотические (с обвинениями советской власти в антинациональном характере (частью юдофобские)^V, а также те, которые можно условно назвать демократическими (требовавшие демократизации жизни страны). Однако в тех случаях, когда можно выявить социальную компоненту их требований, они были также ориентированы на принципы социальной справедливости и в лучшем случае требовали возвращения к нэпу и частного землевладения. Среди известных реальных подпольных групп этого периода, для которых возможно определить политические программные установки, можно назвать: Истинные коммунисты (Джелал-Абад, 1940)^{VI}, Союз революционной борьбы (Тайшет, 1941)^{VII}, Союз спасения революции (Москва, 1941–1944)^{VIII}, Организация юных революционеров (Саратов, 1944)^{IX}, Коммунистическая идейная молодежь (Челябинск, 1945)^X, Коммунистическая партия молодежи (Воронеж, 1947)^{XI}, Демократический Союз (Москва, 1948)^{XII}, Молодежная рабочая партия коммунистов (Ленинград, 1950)^{XIII}, Союз борьбы за дело революции (Москва, 1952)^{XIV}, Демократическая партия России (Магадан, 1955)^{XV}, названия которых говорят сами за себя, и другие аналогичные.

XX съезд дал основания для надежд на эволюцию социализма в сторону либерального потепления режима. Март 1956 года был временем, когда «шестидесятнические» ожидания вдруг стали восприниматься, как реальный прогноз. Разочарование ноября 1956 года после ввода войск в Венгрию и разгрома венгерской революции было отрезвляющим. Резкий рост числа подпольных оппозиционеров зимой 1957 года отражал болезненную реакцию на разрушение политических надежд (из наиболее крупных дел этого времени: группы Краснопевцева и Машкова в Москве, Пименова и Трофимова в Ленинграде)^{XVI}. Однако и протест, и, соответственно, репрессия в последующие годы стали стремительно сокращаться, работа подпольной политической мысли в течение всего хрущевского десятилетия была направлена на постепенное изживание социалистического либерального утопизма и поиск иных форм самовыражения.

К середине 60-х этот процесс был в целом закончен. 2 февраля 1964 года была принята программа Всероссийского

социал-христианского союза, составленная лидером ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа) И.Огурцовым и начальником идеологического отдела ВСХСОН Е.Вагиным^{XVII}, а летом 1964 года был изготовлены первые экземпляры брошюры «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» В.Ронкина и С.Хахаева^{XVIII}, ставшей программным документом группы «Колокол» (по названию издаваемого группой журнала). Оба этих документа, исходя из совершенно противоположных идеологических предпосылок (ВСХСОН был ориентирован на труды Бердяева и Ильина и базировал свою идеологию на христианском персонализме, а «Колокол» основывался на марксистской теории и был ориентирован на работы Плеханова и Грамши), давали достаточно сходную оценку существующего положения вещей, и были чрезвычайно близки по выводам. Огурцов и Вагин были знакомы с книгой Милована Джиласа «Новый класс», Ронкин и Хахаев – нет, тем не менее в обоих текстах советское общество оценивалось как бюрократическое и неререформируемое. Обе программы предусматривали свержение существующего строя путем народной революции типа венгерской. Обе программы делали ставку на самоуправляющиеся производственные коллективы как на вариант социального устройства, позволяющий избежать негативных сторон капитализма и бюрократизма. Огурцов и Вагин называли это персоналистической собственностью («самоуправляющиеся персоналистические коллективы, организованные в национальные корпорации, станут решающей силой в хозяйственной жизни страны»), а Ронкин и Хахаев – диктатурой пролетариата («фабрично-заводской совет как самостоятельная организация производителей создает условия, при которых общество, разделенное на классы, уничтожается, и становится материально невозможным всякое новое разделение на классы»).

На следующий год после создания этих программных документов, в 1965 году, по обвинению в антисоветской пропаганде в СССР было арестовано всего 20 человек^{XIX}, что отражало ситуацию реального спада чисто политического активизма. Это означало, что политически мыслящая оппозиция стала осознавать невозможность реализации позитивных политических изменений в стране с помощью мирного внешнего воздействия на систему (в силу ее неререформируемости), при очевидной непопулярности в стране идеи организации насильственных воздействий (свержения существующего строя). Оставалось надеяться на спонтанное внутреннее перерожде-

ние самой системы (в это время было написано «Письмо вождем» А.Солженицына, аналогичные ожидания высказывали Огурцов и Ронкин). Для тех же, кто не мог и не хотел солидаризоваться с системой, оставалось два пути: внесистемная идеологическая оппозиция, т.е. поиск выхода из исторического тупика во внеполитических категориях (что привело к появлению богословского, историософского, культурологического сам- и тамиздата) или правозащитная оппозиция, т.е. снижение объема требований к системе до уровней, формально признаваемых государственной идеологией, но по сути противоречащих ей и ведущих к ее разрушению (так называемое диссидентское движение), что не давало цельной политической перспективы, но позволяло формулировать проблемы и защищать права и интересы различных социальных групп (и что, несмотря на юридическую корректность правозащитных текстов, повело к новому витку репрессий).

С середины 60-х годов оппозиция в СССР приняла устойчивый диссидентский характер^{XX}.

Для диссидентского периода характерны следующие особенности. В программных установках – отказ от конструирования общих схем общественного переустройства. Его заменяет выдвижение конкретных частных требований некоторых социальных слоев, появляются группы профсоюзные, национальные, женские и т.п., а также выражающие общегражданские требования на свободу информации, на право эмиграции и добивающиеся реализации этих прав. В организации движения характерен отказ от создания структурированных подпольных групп с уставами и писаными программами – их заменяют неформальные объединения единомышленников. В тактике – максимальная ориентация на открытые действия, открытые письма, обращения, демонстрации (это не исключает подпольного распространения самиздата, анонимных и псевдонимных текстов, но создает установку на открытость). В гражданской позиции – отказ от апелляции исключительно к советскому праву, его все чаще заменяет ссылка на международно признанные права человека, формально признаваемые советской идеологией. Как следствие этих установок, диссидентские группы начали свободно обращаться к международной общественности и западным средствам массовой информации, что было совершенно невозможным для групп предшествующего периода. Диссидентский период с его взлетами и падениями продолжался до самого начала перестройки.

С конца 50-х годов идеи либерализации социализма (демократического социализма, социализма с человеческим лицом) стали ограниченно допускаться официальной идеологией в произведениях искусства и подцензурных литературных текстах. Это должно было снизить уровень оппозиционного протеста (судебная репрессия при этом действительно снижалась), открывая возможности контролируемого их распространения.

Изживаемые оппозицией как политически бесперспективные (что после «пражской весны» 1968 года стало совершенно очевидным), они постепенно стали входить в официальный идеологический свод (наряду с безрелигиозным почвенничеством), а в середине 1980-х составили идеологическую базу «перестройки», став известными как «шестидесятничество», по названию того десятилетия, в котором они изжили себя как возможный инструмент реальной политики и начиная с которого продолжали свое существование только в области литературы.

Когда действительно началось внутреннее перерождение системы, руководство КПСС само взялось проводить в жизнь программные установки оппозиции 30-х – 60-х годов, чтобы к 1991 году убедиться, что перестройка социализма невозможна, о чем писали ВСХСОН и «Колокол» еще в 1963 году. Но запретные тексты эти оказались не прочтены. Тем не менее вклад либерально-социалистической идеологии в процесс эмансипации человека от тоталитарных установок морально-политического единства советского народа и последующее отчуждение человека от государства (диссидентство) был несомненен.

Октябрь 1997

ПРИМЕЧАНИЕ

^I *Старков Б.* Из истории сопротивления режиму личной власти (30-е годы) // Вестник высшей школы. 1990. №5. С.54–62; «Союз марксистов-ленинцев» // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. С.92–104; Московская контрреволюционная организация – группа «рабочей оппозиции» // Там же. С.104–122.

^{II} Например, обращение рабочих московских и подольских заводов, адресованное М.Калинину и А.Рыкову и принятое на собрании 19.09.1930, с требованиями социального равенства, демократизации политической жизни и устранения Сталина от участия в делах управления страной (ГАРФ, ф.5325, оп.3, д.806,

л.105–106). Опубликовано: *Богданова О., Станиславский А.* Сопротивление // *Огонек*. 1989. №23. С.10–11.

^{III} Архив УФСБ СПб., фонд арх.-след. дел, д.П-19928, л.10–12.

^{IV} Например, листовка, распространенная 12–13.05.1938 в центральных районах Ленинграда.

ТОВАРИЩИ

Не прекращается режим неслыханного террора. Новые сотни тысяч арестованных, сосланных, убитых. Арестованы «неприкосновенные» депутаты: Постышев, Заковский, Егоров, Дыбенко, Ушаков и другие. Убит герой гражданской войны Дыбенко. С жестокостью, далеко превосходящей царских палачей, преследуются семьи мнимых «врагов народа». Без разбора арестовываются немцы, поляки, латыши и другие...

Подавлено свободное слово. Процвetaют подхалимы и фальсификаторы, вроде А.Толстого. Сплошная реакция и фальсификация истории в культурной жизни в школе. «Высший орган власти» торжественно собрался. «Избранныкам народа» позволили тысячу раз прокричать «ура» в честь «вождя» и его приспешников. Их не удостоили даже обычного доклада правительства. Почти полгода социалистическое государство живет без утвержденного плана и бюджета. Так выглядит на деле сталинская конституция. В результате такого хозяйничества резко упала продукция промышленности. Катастрофично положение транспорта. Голод царствует в городе и деревне. Везде очереди за продуктами питания. Резко упал престиж Союза за границей, Гитлер, Муссолини и Чемберлен получили возможность совершать свободно разбой и насилие только потому, что кровавый террор в СССР отталкивает от нас народные массы во всем мире.

ТОВАРИЩИ

Советский свободный народ не может и не [хочет] остаться в рабстве у клики насильников и врагов народа. Чем больше арестов и насилий, тем больше врагов кровавого режима, защитников свободы. Везде и всюду протестуйте против террора. Требуйте действительной свободы слова, неприкосновенности личности. Используйте предстоящее голосование. Уже при выборах 12 декабря в Ленин-

граде свыше 5% избирателей голосовало против режима насилия и крови.

При выборах в Верховный Совет РСФСР вычеркнуть из списка все фамилии. Это будет удар по ненавистному для всего народа режиму.

Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Долой кровавую диктатуру. Да здравствует свободный Советский Союз.

(ЦГАИПД, ф.24, оп.2в, д.3023, л.8–9).

^v Партия «Викинг». Манифест. 25.11.1941 // Родина. 1993. №11; *Сулейманов Г.* Тайное общество «Русь» // Пульс-89. Пермь, 1989.

^{vi} Дело джелалабадских школьников: К истории молодежных антисталинских организаций // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.530–534.

^{vii} *Селезнев Е.* Антисоветская группа – девять мальчишек // 58-ая (Москва). 1991. С.4.

^{viii} *Поздняев М.* Где мои семнадцать лет? // Семья. 1988. №44. С.12–17.

^{ix} *Бирюкова М.* Скажем спасибо и этой судьбе // Саратов (Саратов). 1993. 18 декабря. С.2; *Шварц С.* Устное сообщение // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

^x *Шеваров Д.* Оптимисты у нас вымирают, как мамонты // Комсомольская правда. 1991. 27 июня; *Динабург И.С.* Личный архив // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

^{xi} *Жигулин А.* Черные камни: Автобиографическая повесть // Знамя. 1988. №7–8. Выход в свет повести А.Жигулина вызвал острую дискуссию в периодической печати. Основные публикации: *Огрызко В.* Трудная тема, а надо писать // Книжное обозрение. 1988. 19 августа (№34); *Яковлева Е.* Борьба и победа // Комсомольская правда. 1988. 31 августа; *Яковлева Е., Муратов Д.* Вторая попытка // Комсомольская правда. 1988. 25 октября; *Кондаков В., Пятунин А.* Дело «КПМ» // Советская Россия. 1988. 16 декабря; Еще раз о «деле КПМ» // Комсомольская правда. 1989. 1 января; *Тимофеев Л.* «Я тоже ведь почти роман»: Бывшие лагерники: судьбы, герои, нравственные принципы // Родник (Рига). 1989. №10; *Жигулин А.* Жертвы и палачи // Литературная газета. 1990. 20 июня. С.11; Был наконец-то задан вопрос // Литературная

Россия. 1990. 19 октября; *Жигулин А.* Обыкновенный подлог? // Литературная газета. 1991. 15 мая; *Ивлев В.* Кто же предал КПМ? // Радонезж. 1992. №1.

^{xii} *Мазус И.* Анкета. 1990 // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

^{xiii} *Левин А.* Устное сообщение. 1989 // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

^{xiv} Дело Слуцкого, Фурмана, Гуревича и др. // Вестник РСХД. 1973. №1(107). С.212–240; *Снитковский В.* Безумство храбрых // Горизонт (Алма-Ата). 1990. 31 марта (№13). С.9; *Румер-Зараев М.* До оттепели пять лет: Неизвестная страница антисталинского сопротивления // Независимая газета. 1996. 28 августа. С.8.

^{xv} Программа (краткая) ДПР // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

^{xvi} *С.Д.Рождественский* [Иофе В.В.] Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.226–283; *Iofe V.* Leningrad. Geschichte des Widerstandes im Spiegel der Repression. 1956–1987 // Halbjahresschrift für sudosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik. Berlin, 1996. October, №1a, (Sonderheft). S.79–85.

^{xvii} ВСХСОН: Программа: Суд: В тюрьмах и лагерях. Париж: YMCA-Press, 1975.

^{xviii} *Ронкин В., Хахаев С.* От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата // Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.); *С.Песков* [Иофе В.] Дело «Колокола» // Память: Исторический сборник. Вып.1. М., 1976 – Нью-Йорк, 1978. С.269–284.

^{xix} Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 год // АПРФ, ф.3, оп.108, д.523, л.27–34; опубликовано: Источник. 1995. №6. С.153.

^{xx} *Иофе В.* Политическая оппозиция в Ленинграде 50–60-х // Звезда. 1997. №7. С.212–215.

Нас не будут больше делить на красных и белых...¹

Дорогие друзья!

В это день, 30 октября, начиная с 1974 года, а официально с 1991², мы вспоминаем всех тех, кто погиб в результате политических репрессий в нашей стране начиная с 1917 года. Репрессии шли волнами, захватывая то большее, то меньшее количество жертв, но не было года в истории нашей страны без жертв коммунистического режима.

Нынешний, 1997 год, – особенный. Это год 80-й годовщины революции, установившей в стране режим террора и беззакония, и это 60-я годовщина «большого террора», «ежовщины», пика политических репрессий, когда за два года (1937 и 1938) одних расстрелянных в нашем городе оказалось около сорока тысяч человек. Этот год наше правительство предложило именовать годом «согласия и примирения», и мы с большим интересом отнеслись к этой инициативе. Мы подумали, что, может быть, вспомнят о нас, о наших отцах и дедах, мы подумали, что, может быть, будет проявлено какое-то уважение к людям, ставшим жертвами террора. Но, как вы знаете, оказалось все иначе. Примирение означало установление согласия между правительственной администрацией и коммунистической партией, развязавшей политический террор в стране. Сегодня пышно и празднично отмечается 80-я годовщина октябрьского переворота, стоившего стране десятков миллионов жизней, как будто никакой трагедии и не произошло. Говорить об исторической случайности коммунистического террора не приходится – нет ни одной страны в мире, где бы приход коммунистов к власти не означал планового

¹ Выступление на митинге в День политзаключенного. 30.10.1997, СПб., Троицкая площадь.

² 30 октября 1974 А.Д.Сахаров на пресс-конференции перед иностранными журналистами сделал заявление, в котором сообщил о голодовке с требованием признания статуса политзаключенного, объявленной одновременно во всех политзонах, и объявил этот день Днем политзаключенного. Ежегодный День памяти жертв политических репрессий – 30 октября – установлен Постановлением ВС РСФСР (№1431 от 18.10.1991).

уничтожения собственного народа. Теперь нам предлагают об этом забыть.

А что же остается для нас? А нас не будут больше делить на красных и белых и, полагают, мы должны считать это каким-то благодеянием. Для кого-то, может быть, это звучит убедительно, но мы-то знаем, что советская власть и коммунистическая партия своих жертв не делили на красных и белых уже со времени окончания гражданской войны. В одни лагеря шли и белые (их называли контрреволюционерами и белогвардейцами), и красные (их называли оппозиционерами и ревизионистами), но и тех, и других одинаково клеймили именем врагов народа. И белые, и красные отбывали свои сроки в одних лагерях и находили свою смерть в одних и тех же расстрельных ямах. И сегодня нас, их потомков, власть не делит на белых и красных, она одинаково отвергает и тех, и других. Тоталитарной власти не нужны ни белые, ни красные, ни зеленые, ей не нужно многоцветие и разнообразие человеческого общества – ей нужны бесцветные. Потому что истинным врагом тоталитарной власти является человеческая личность, вне зависимости от разделяемых ею политических и религиозных взглядов, и войну на уничтожение власть вела и ведет с теми, у кого она угадала человеческое лицо. Война с людьми была сутью советского режима, продолжается она и сейчас.

Нынешняя городская администрация гордится, что с 1 января 1998 года в городе будет введен в действие Закон о ветеранах. Вы, конечно, не будете удивлены, узнав, что он не будет распространяться на ветеранов-репрессированных, ни на красных, ни на белых. Потому что это в логике нынешнего режима – они нас не делят, мы не нужны им все, потому что и мы разные, и разными были наши отцы и деды.

Поэтому вся надежда на вас. Пока мы приходим сюда, пока мы ездим в Левашово, пока мы кладем эти цветы, пока мы исполняем долг памяти в отношении тех людей, которые у нас в сердце, надежда на возрождение страны еще существует. Потому что возродить страну могут только люди, ее не возрождают бесцветные, которые привели страну к краху однажды, приведут и еще. Будем помнить – это наш вклад в будущее. Спасибо.

30 октября 1997

Первая кровь (Петроград, 1918–1921)

Расстрелы в Петрограде 1918–1921 годов шли волнами, из которых самыми значительными были казни периода осени 1918 («красный террор»), лета 1919 (под наступление Юденича на Петроград), весны 1921 (расстрел моряков восставшего Кронштадта) и осени 1921 (расстрелы по «делу Петроградской боевой организации»). Всего по имеющейся в доступности официальной статистике расстреляно в Петрограде в 1918 году 1169 человек (из них непосредственно за контрреволюционную деятельность 754 человека, в ходе «красного террора» 457 человек)ⁱ; в 1919 году 677 человек (за контрреволюцию 226 человек)ⁱ. По 1920 году официальных сведений нет. В 1921 году по делу Кронштадтского восстания было приговорено к расстрелу 2103 человекаⁱⁱ. Разумеется, эта статистика не учитывает бессудных казней, проводимых местными советами и чрезвычайками на основе революционного правосознания (когда топили бывших офицеров и вообще контрреволюционеров в Финском заливе в 1918 и 1919 годах, местили за смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург расстрелами великих князей в Петропавловской крепости в январе 1919 и т.п.). Этим людям казнили небольшими группами в самых разных местах, выявить которые пока не представляется возможным. Но даже если ограничить задачу поиском мест исполнения казней по официальным приговорам и постановлениям (здесь обращение к официальной статистике представляется уместным), то мы оказываемся в достаточно сложной ситуации, так как сегодняшние хранители документов на вопрос о расстрелах 1918–1921 годов отзываются полным незнаниемⁱⁱⁱ.

По этой причине поиск места казней 1918–1921 годов приходится вести, опираясь исключительно на воспоминания и свидетельства современников и доступный картографический материал. Особую окраску этой проблеме придает тема смерти поэта. В августе 1921 вместе со своими однодельцами по делу ПБО был расстрелян Николай Степанович Гумилев, и нахождение места его казни является отдельной общенациональной задачей.

Собранные свидетельства по месту проведения расстрелов того времени в Петрограде разбиваются на несколько групп. Во-первых, это свидетельства, современные событиям. Их много, они рассеяны по многочисленным эмигрантским источникам, но, как правило, непротиворечивы.

Ночью разбудили его [фельдшера И.Н.Роптина], посадили в автомобиль и повезли на полигон по Ириновской железной дороге и заставили его, в качестве «медицинского персонала», присутствовать при расстрелах. «Понимаете ли, одних расстреливают, а другие уже голые у костра жмутся... женщины, мужчины, все вместе. Женщины еще мужчин “утешают”»^{IV}.

Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской ж.д. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться... Часть обреченных была насильно столкнута в яму, и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей.

В три часа ночи из гаража Чрезвычайки во двор Гороховой, 2, подается пятитонный грузовик... по списку скованных попарно выводят во двор и сажают в автомобиль¹. На закрытые борта грузового автомобиля тесным кольцом садятся вооруженные коммунары, машина трогается и катит на артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге. Две легковые машины сопровождают грузовик с арестованными... следователь... в последний момент, когда приговоренный стоит уже на краю ямы, задает последние вопросы, связанные с выдачей новых лиц... Тут же помещаются всегда два или три спеца по расстрелам, которые

¹ Сегодня мы знаем, что посадочная норма на одну машину при индивидуальном связывании осужденных составляла 15 человек, при попарном, очевидно, – 16 человек, что хорошо согласуется с записью на стене камеры ДПЗ (ноябрь 1921), сохраненной тюремным дневником Г.Блюмквиста: «Вчера налево провели шестнадцать человек» (См.: Час Пик, 1992. 1 июня). По 25 человек на машину стали сажать только в 1937 году (См.: Архив УФСБ Республики Карелия. №11602, арх.-след. дело на М.Р.Матвеева). М.Р.Матвеев – исполнитель приговоров ПЧК–ОГПУ (1918–1923 и 1927–1933, в 1937 году командирован в Карелию для ускоренного исполнения приговоров. В литературе встречаются упоминания о проведении расстрелов непосредственно во дворе Гороховой, 2, вероятно, такие случаи имели место, однако обычная практика исполнителей ЧК–ОГПУ сводилась к доставке осужденных к месту казни живыми. Это избавляло их от забот по переноске, погрузке и разгрузке трупов и было удобней, хотя и грозило опасностью расконспиривания операции, так как в пути отдельные несознательные осужденные могли производить антисоветские и даже «террористические» (так в документе) выкрики. (*Прим. автора*).

выстрелом в затылок из винтовки отправляют на тот свет. Кроме них пять-шесть человек, присутствующих при казни со специальными обязанностями снимать наручники, верхнее белье, платье, сапоги и белье и подводить жертву к стрелку-палачу...

...Зимой в 1921 г. расстрелы на артиллерийском полигоне Ириновской железной дороги прекратились и арестованных стали отправлять на полигон Царского Села. На первом полигоне по Таганцевскому делу были расстреляны две крупные партии, одна в 61 человек, другая в 17 человек. На втором – восемь человек.

С.^{VI}

В этой группе свидетельств место расстрела описывается устойчивым словосочетанием как «артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге». Процедура казни включает перевозку осужденных на автомашинах до места расстрела, раздевание на месте казни и расстрел у выкопанных там ям.

В интересующее нас время пути Ириновской железной дороги действительно проходили вдоль Рябовского шоссе, служащего (как и сегодня) южной границей полигона. К территории полигона прилегали дистанции пути между платформами Военная и Полигон и далее между станциями Ковалево и Приютино (затем дорога поворачивала на восток и шла в направлении нынешней станции Бернгардовка), причем между платформой Военная (8-я верста) и станцией Ковалево железнодорожный путь шел через застроенную территорию, а на участке между Ковалево (10-я верста) и Приютино (12-я верста) – вдоль кромки леса. После 1928 года железнодорожные пути Ириновской железной дороги на участке Ржевка–Бернгардовка были перенесены на 2 километра южнее, а узкая колея была заменена на широкую. К 1941 году пути Ириновской железной дороги были соединены с Финляндской железной дорогой (перегоном Пискаревка–Ржевка), вокзал Ириновской железной дороги (станция Охта) прекратил свое существование, а по участку, соединявшему вокзал со станцией Ржевка, был проложен трамвайный маршрут. Таким образом, описываемой источниками территории «артиллерийского полигона на Ириновской железной дороге» в наибольшей степени соответствует пустынный лесной участок Ржевского артиллерийского полигона, прилегающий к Рябовскому шоссе между бывшими станциями Ковалево и Приютино. Этот лес представляется тем более вероятным местом проведения казней, что он не только отделен от внешнего мира охраняемой внешней границей полигона, но и от самой территории полигона

изолирован долиной реки Лубьи (Луппы), пересекающей Рябовское шоссе у Ковалева и у Приютина и на этом участке протекающей по территории полигона.

Пустынность и изолированность этого леса в свое время привлекла внимание руководства полигона, и в центре участка примерно в 300 метрах от Рябовского шоссе близ берега Лубьи был построен обвалованный двухэтажный кирпичный пороховой погреб с караульным помещением перед ним и подъездной дорогой. Исходя из имеющихся описаний процедуры проведения расстрелов можно достаточно обоснованно предположить наличие в районе проведения казней какого-то центрального стационарного помещения (для хранения инвентаря, складирования снятой одежды и возможного использования в качестве накопителя для временного размещения осужденных), а также подъездной дороги, ведущей в глубь расстрельной территории. Всему этому идеально отвечают по месторасположению как сам уединенный пороховой погреб, так и караульное помещение перед ним.

Вторая группа имеющихся свидетельств – это свидетельства, собранные современными краеведами. Здесь прежде всего следует отметить публикации А.Голева и Н.Солохина^{VI}. По мнению А.Голева, расстрелы производились в районе железнодорожных платформ Корнево и Проба, куда осужденных привозили по железной дороге. Не исключая возможности эпизодических расстрелов в районе этих станций (весь район находился в то время вблизи финской границы, и здесь располагалось много воинских частей со своими особыми отделами), использование этих мест для проведения регулярных расстрелов ПетроЧК следует считать маловероятным. В отношении конспирации расстрелов (а мы знаем по позднейшим документам, что это было одно из необходимых условий в выборе места казни) участки, расположенные рядом с жилыми поселками, не имели никаких преимуществ по сравнению с охраняемой и пустынной территорией полигона. Использование для транспортировки осужденных железной дороги также не имело никаких преимуществ по сравнению с автотранспортом, так как требовало промежуточной пересадки вывезенных из тюрем заключенных из грузовиков в вагоны на одной из станций Ириновской железной дороги, что, очевидно, не имело никакого смысла при возможности доехать на машинах до самого места расстрела. Н.Солохин считает утверждение А.Голева спорным и склонен считать наиболее достоверным местом расстрелов «место в пойме реки Лубьи за Приютино».

Неопубликованные разыскания краеведа В.Фудалея^{VIII} суммируют собранные им свидетельства старожилов Ковалева и Ржевки. По собранным В.Фудалеем свидетельствам, места расстрелов были: «в оврагах и на болотах между Ковалево и Приютино». Заслуживает упоминания и свидетельство В.Т.Будько: «Говорили старики о пороховом погребе у Приютина, что он был накопителем, т.е. туда привезут, а потом выводят на расстрел. Так он стоит до сих пор, это точно. Но ввязываться я в это дело не хочу».

По свидетельству А.А.Богущкой^{IX} (со слов ее отца А.М.Чиркова, служившего в 1920-х на полигоне), осужденных кронштадтских моряков привозили на машинах на артиллерийский полигон, затем их снова грузили на машины и увозили к месту расстрела, «вблизи Старого Ковалева». В данном случае местом расстрела служила территория, лежащая южнее Рябовского шоссе, в настоящее время отошедшая под Ковалевское кладбище. Тем не менее тяготение к району Старого Ковалева можно считать уже сложившейся практикой.

Третья группа источников – это источники, связанные с поиском места захоронения Н.С.Гумилева, опирающиеся на свидетельства Анны Ахматовой.

Их расстреляли близ Бернгардовки, по Ириновской дороге. У одних знакомых была прачка, а у той дочь – следователь. Она, то есть прачка, им рассказала и даже место указала со слов дочери. Туда пошли сразу, и была видна земля, утоптанная сапогами. А я узнала через 9 лет и туда поехала. Поляна, кривая маленькая сосна^X.

С районом станции Бернгардовка, также со ссылкой на Ахматову, соотносит предполагаемое место расстрела Гумилева А.С.Федоров^{XI}. Однако И.Н.Пунина, вспоминая совместную поездку с Ахматовой на автомобиле, указывает совершенно иное место – район Пороховых.

А.А. всегда четко говорила о смерти Николая Степановича 25 августа и считала, что место казни было на окраине города в стороне Пороховых. Она искала и помнила это направление, но точно и она не могла знать. Ей рассказал рабочий^{XII}.

И наконец, свидетельство Л.В.Бермана, записанное В.Сажиним в 1974 году, контаминирует эти две версии самым фантастическим образом.

По словам Бермана, через некоторое время ему передали просьбу Ахматовой помочь отыскать место казни: связи Лазаря Васильевича с автомобилистами-военными

были известны, и надеялись, что он отыщет человека, который вел машину с приговоренными. Эти расчеты оправдались. Нашли шофера, он указал на так называемый Охтинский пустырь (признанный сейчас наиболее вероятным местом казни район деревни Бернгардовка примыкает к Охте)^{xiii}.

Как мы видим, эти версии, восходящие к безымянному следователю, безымянному рабочему и безымянному шоферу, соотносят искомое место казни с началом и концом отрезка Ириновской железной дороги, лежащего между станциями Охта и Бернгардовка (расстояние между которыми составляет 15 км), исключая его среднюю часть, примыкающую к Ржевскому артиллерийскому полигону, наиболее вероятному месту расстрела. Единственное разумное предположение, которое можно сделать при анализе свидетельств этой группы, – то, что они отражают усилия ПЧК по дезинформационному обеспечению именно этой казни (дезинформация касалась также и даты расстрела).

В то же время истинное место расстрела осужденных по делу ПБО вполне могло быть выявлено, прежде всего, потому что оно должно было находиться в районе обычного исполнения казней. И, по мнению многих, был человек, который это место знал. Это – специалист по творчеству Н.С.Гумилева и его почитатель, писатель П.Н.Лукницкий. Приведем одно из таких мнений. «Я уверен, что точную дату и место гибели Гумилева знал П.Н.Лукницкий, который, по убеждению Льва Николаевича Гумилева, занимался жизнью и творчеством поэта по заданию ЧК и лично знал тех, кто приводил в исполнение приговоры»^{xiv}.

С учетом этих сведений можно приступить к анализу широко известного документа «План места, где был расстрелян Н.С.Гумилев. Записан П.Н.Лукницким по рассказам А.А.Ахматовой»^{xv}. При первом взгляде на этот документ он поражает своей неконкретностью. Развилка дорог, где от шоссе Ленинград–Бернгардовка ответвляется дорога на Сестрорецк (!?), уже известная ссылка на дочку прачки как на источник информации с указанием, что Ирина С. (Фитингоф), которой это было рассказано, уже умерла, помета о посещении А.Ахматовой этого места в 1941 году. Все это придает рисунку крайне недостоверный характер, плохо вяжущийся с тем значением, которое придавалось этому документу. Однако если признать, что местом расстрела Н.С.Гумилева был Ржевский артиллерийский полигон, то несообразности нарисован-

ного плана становятся легко объяснимыми. Фактически рисунок П. Лукницкого изображает план участка территории охраняемого военного объекта, то есть, по логике органов безопасности, раскрывает военную тайну. Какими бы ни были отношения П. Лукницкого с органами НКВД–МГБ, хранить такой рисунок означало подвергать себя серьезной опасности. Но в существующем виде его невозможно соотнести с реальной картой, а если бы это органам и удалось, то невозможно кому-нибудь инкриминировать (Ирина С. умерла, и дочка прачки недостижима). Поэтому можно сделать разумное предположение, что план фиксирует реальную топографическую ситуацию, выявленную П. Лукницким известными лишь ему способами, а надписи служат для обеспечения возможности безопасного хранения рисунка. О дезинформационном обеспечении казни он вполне мог быть осведомлен. У плана Лукницкого есть один действительно серьезный недостаток – топографические привязки к таким плохо сохраняемым географическим реалиям, как «граница леса», «лужайка» и т.п., что чрезвычайно затрудняет задачу соотнесения его с современным состоянием этой местности (если принять, что план фиксирует ситуацию по приведенной дате на 1941 год). Единственная возможность соотнести план Лукницкого с картой местности – это наложить его на аэрофотоснимок данного района, сделанный в близкие годы. В качестве такой картосновы нами был использован разведывательный аэрофотоснимок германских Люфтваффе, снятый 30 мая 1943 года^{XVI}. Данный снимок исполнен весной, что позволяет выявить границы лесных массивов, а также уверенно отличить хвойные деревья от лиственных. При совмещении масштабов обоих изображений (плана Лукницкого и аэрофотоснимка) с использованием в виде центральной точки ответвления дороги (идущей, разумеется, не на Сестрорецк, а через полигон), выявляется совпадение изображения прямого участка реки с руслом Лубьи на местности, а в излучине реки в конце этого участка действительно хорошо просматривается отдельно стоящее хвойное дерево. Стоит отметить, что тропа вдоль опушки леса, обозначенная на рисунке Лукницкого, проложена не по открытой местности, а за деревьями, что делает идущего по ней человека незаметным со стороны поста охраны (существующего и по сей день) у развилки дорог.

Таким образом, точка, которую П. Лукницкий обозначил как место расстрела и захоронения Н.С. Гумилева, достаточно точно может быть нанесена на карту Ржевского артиллерий-

ского полигона. Если сегодня пройти по маршруту, нанесенному на план, то при сопоставлении снимка 1943 года с современной географической ситуацией следует отметить следующие изменения. Все пустые пространства и лужайки в настоящее время заросли смешанным лесом, а по тропе Лукницкого, идущей к реке, сегодня вообще проходит трасса газопровода. Тем не менее излучины реки в целом сохранили свои очертания, и прямой участок Лубьи сохранился (его конфигурация определена высоким берегом). Сама точка Лукницкого представляет собой низкую излучину, заросшую деревьями. И хотя размещение захоронения на низком берегу у самой воды, вообще говоря, вызывает сомнения, то поднимающийся в десятке метров от края воды высокий покатый берег образует обычный расстрельный ландшафт, известный нам по другим регионам (предпочтение обычно отдавалось песчаным склонам, более удобным для выкапывания траншейных ям и для последующей их засыпки). Если же подняться на самый верх, то мы оказываемся на достаточно плоской вершине холма, по которой проходят неглубокие ложбины, а в 100–150 метрах западнее мы увидим сквозь деревья красно-кирпичные стены порохового погреба, с обнаружения которого мы и начали наш поиск. И тут уместно добавить, что старый пороховой погреб хорошо известен среди местных жителей под необъяснимым, с их точки зрения, названием. Со слов своих отцов они называют это здание – «торьма».

Поселок Старое Ковалево, от которого вверх по Лубье идет расстрельный лес полигона, не сохранился, после войны жители переселились ближе к новой линии железной дороги (к станции и посту Ковалево). Место бывшего поселка теперь отмечено лишь развилкой, где от Рябовского шоссе отходит дорога на Ковалевское кладбище. Здесь близко к шоссе подходит и долина Лубьи. Судьба распорядилась так, что в этом живописном месте в честь детей блокадного Ленинграда был установлен «Цветок жизни», который, с учетом всего вышеизложенного, мы вполне можем считать памятником и тем нашим согражданам, которых молодая советская власть сочла необходимым привезти в эти места, в ковалевский лес, чтобы убить первыми.

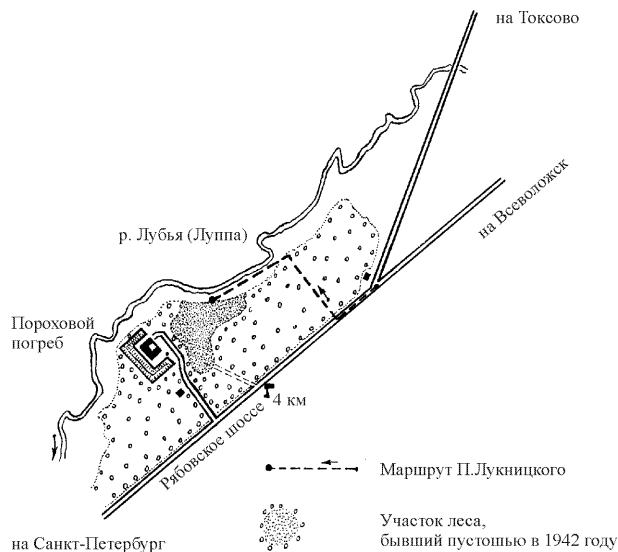
Июнь 1997

P.S.

Летом 2001 года в результате многолетних экспедиционных работ поисковой группой НИЦ «Мемориал» в Ковалевском лесу было обнаружено место массовых захоронений.

25 августа открыт памятный знак «жертвам красного террора».

Ржевский артиллерийский полигон (участок Ст. Ковалево–Приютино)

ПРИМЕЧАНИЕ

^I Статсведения о деятельности Петрогубчека по борьбе с контрреволюцией и саботажем за 1919–1920 годы // Архив УФСБ СПб. и обл.

^{II} Наумов В.П., Коссаковский А.А. Кронштадтская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. №4. С.10.

^{III} Из письма УФСБ по СПб. и обл. (№10/16–15944 от 19.12.1994): «Сведениями о местах расстрелов и захоронений граждан, осужденных к ВМН в период с 1917 по 1937 год, Управление не располагает. Зам. нач. Управления В.Л.Шульц». Из письма УФСБ по СПб. и обл. (б/н от 17.08.1995): «На ваш запрос сообщаем, что в архиве Управления ФСБ РФ по СПб. и области документов переписки органов ЧК–ГПУ с особым отделом

и командованием Ржевского артиллерийского полигона не имеется. Зам. нач. Управления А.А.Григорьев». Из письма РГВА (№55/и от 28.09.1995): «Сообщаем, что документами Ржевского артполигона Петроградского ВО РГВА не располагает. В просмотренных документах штаба Петроградского ВО за 1918–1922 годы переписки с Петроградской губернской и городской ЧК об использовании территории полигона не выявлено. Зам. директора Л.В.Двойных».

^{IV} *Варшер Т.С.* Виденное и пережитое (В Советской России). Берлин: Труд. 1923. С.31–32.

^V *Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918–1923. Нью-Йорк. 1989. С.141.

^{VI} Последние новости (Париж). 1992. 10 октября (цит. по: Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.472–473). По предположению Ф.Перченка и Д.Зубарева, под псевдонимом «С.» скрывался Б.П.Сильверсван (1883–1934), филолог-германист, эмигрировавший в конце 1921. См.: *Перченко Ф., Зубарев Д.* На полпути от полуправд // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб. 1995. С.362–370.

^{VII} *Голев А.* О расстреле Николая Гумилева и других // Мызы и музы (Всеволожск). 1992. №1. С.42–43; *Солохин Н.Д.* Всеволожские расстрелы // Вестник «Мемориала». 1994. №3. С.12–14.

^{VIII} Архив НИЦ «Мемориал».

^{IX} Там же.

^X *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т.2. 1952–1962 // Нева. 1993. №9. С.46–47.

^{XI} См. например: *Западалов И.* Найдет ли поэт утешение? // Привет, Петербург. 1993. 8 декабря.

^{XII} *Пунина И.Н.* Еще раз о месте расстрела Н.С.Гумилева // Н.Гумилев и Русский Парнас. СПб. 1992. С.132.

^{XIII} *Сажин В.* Предыстория гибели Гумилева // Даугава (Рига). 1990. №11. С.92–93.

^{XIV} *Эльзон М.* Где погиб Николай Гумилев? // Новый Петербург. 1996. 15 марта.

^{XV} Опубл.: *Лукницкая В.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат. 1990.

^{XVI} NARA, Record Group 373, Records of the Defence Intelligence Agency, №GX3214F690SD, кадр №017.

Женщины Гулага¹

Даже поверхностное обращение к истории человечества обнаруживает в ней два ряда явлений. Есть документированные хроники событий, образующих частные истории отдельных социальных и политических организмов, и есть исторические процессы, идущие подспудно, медленно и незаметно, но по сути определяющие течение событийной жизни. И то и другое история, но – разная. В первом случае мы находимся на твердой почве исторического знания, которое опирается на документальную базу, требующую, разумеется, критики, но оставляющую нас наедине с непреложными фактами. Во втором случае мы сталкиваемся с проблемой понимания происходящего, и здесь зачастую даже обильная фактография не гарантирует успеха. Советский период истории России демонстрирует эту разницу самым драматическим образом. Открытие (хотя и частичное) государственных архивов обрушило на нас лавину фактов, скрытых ранее от современников, сделав возможным подробные исследования закулисной стороны советской истории. Однако для понимания происходившего в стране все это прибавило очень мало. Истинные побуждения субъектов исторического процесса, ценностные установки, реально существовавшие в обществе, лишь в неявном виде скрыты в этих гималаях информации. Информационные выборки политического контроля, суммирующие частные мнения населения, выраженные в разговорах и письмах, являются ценным подспорьем в решении этой задачи понимания, но, как всякий полицейский анализ, они отфильтрованы под нормативный оценочный идеологический стандарт. Поэтому все, что могут нам дать государственные источники, – это вариации на тему государственного понимания государственной политики.

И мы опять остаемся с человеком как с мерой всех вещей. Для того чтобы понять и осмыслить то, что произошло в советском обществе XX века, а значит, наследие, с которым оно

¹ Предисловие к американскому изданию антологии женского лагерного мемуара: *Remembering the Darkness: Women in Soviet Prisons*. Lanham Rowman and Littlefield, 2001.

переходит в XXI век, мы снова должны погрузиться в мир мемуаристики, как приходилось это делать и ранее, но теперь уже не столько для извлечения исторических фактов (архивные источники здесь точнее и достоверней), сколько для понимания и анализа феномена общественного сознания и связанных с ним эволюционных процессов. Это не значит, конечно, что мы можем рассчитывать на помощь со стороны наших мемуаристов, их понимание идеологической ситуации ограничено, и сами они живут внутри собственных мифологических систем, но зато созданные ими тексты с их суждениями, пафосом, осуждениями, умолчаниями и предрассудками – бесценный материал для анализа общественного самосознания и для понимания того «течения мысли», которое, по мнению Б.Пастернака, и есть основа для управления страной. Более того, зачастую для нас как для сторонних наблюдателей важными оказываются те детали, которые не имеют большого значения для авторов и могли быть ими отброшены при сколько-нибудь придирчивом редактировании.

Лагерная мемуаристика на этом фоне вообще стоит особняком. Лагерь раскрывает в резкой и драматической форме то, что составляет суть современных проблем, но скрыто за суетой быденной жизни, те процессы, которые на воле идут медленно и незаметно, а в зоне развиваются бурно и с опережением эволюционных часов общества. Поэтому лагерная мемуаристика (не беллетризованная под литературный стандарт своего времени, а желателно незамысловатая и повествовательная) дает нам возможность прикоснуться к болевым точкам эпохи и понять направления социального процесса и духовного развития страны.

Например, развитие женского самосознания в XX веке. Россия вошла в революцию патриархальной крестьянской страной с коллективистски-общинными установками деревенского большинства страны и с идеями европейского Просвещения, воспринятыми городским меньшинством. Самосознанию российской женщины, оторванной революцией, коллективизацией и урбанизацией от исполнения традиционно нормированного жизненного сценария и годового трудового цикла, пришлось за два поколения пройти путь от психологического младенчества к самоидентификации, к осознанию себя индивидуальным человеческим существом со своими собственными устремлениями и интересами.

Это еще не было реализацией личностного начала, требующего большой внутренней работы и внутренней сосредото-

точности, а всего лишь готовность заявить о себе внешним действием. Эта стадия характерна возникновением поведенческого конфликта с отказом женщины от роли носительницы коллективной идентичности социальной страты и появлением стремления к совершению собственного маркирующего поступка, несущего в себе личный вызов. Как известно, в традиционной народной культуре заложены механизмы трансформации в категориях прохождения этапов жизненного цикла, но отсутствуют механизмы личной индивидуации. Единственная возможность выхода из общинного мира – путь нарушителя закона, отверженного, разбойника, «блатного». И разбойник действительно исполняет роль индивидуального героя, человека «с именем» в народной культуре (касается ли это русских Степана Разина, Соньки Золотой Ручки, песенной Мурки или англичанина Робина Гуда). Альтернативные сценарные планы героического развития были предложены христианской традицией (религиозный подвиг) и позитивистской традицией Просвещения (подвиг общественного служения), исповедовавшийся российской интеллигенцией. Все эти три варианта построения жизненного пути развиваются синхронно, все дают нам своих протагонистов и своих героинь. В нашем собрании текстов эти сценарии в наиболее чистом и ярком виде реализовали в своих судьбах три блестящие представительницы российской интеллигенции 20-х годов: Евгения Ярославская, Юлия Данзас и Анна Скрипникова. Проблема этой фазы становления женского самосознания в том, что женская героиня так или иначе нормирована по отношению к своей исторической предшественнице – к героической мужской традиции. Подражает ли она ей или же состязается с ней же, все равно здесь остается легкий привкус генетической зависимости.

Однако хотя Ярославская, Данзас и Скрипникова были героинями-одиночками, уже и для них была важна проблема создания среды, нахождения соратниц и соратников, что и было импульсом их литературной деятельности. Для большинства же женщин, вырвавшихся из недр патриархального мира и патриархальной идеологии, создание новых общностей вокруг новых жизненных ценностей становилось главным делом жизни.

Именно в осознанной задаче создания новых общин могли проявить они себя и свой талант устроения живых связей и интеграции своих единомышленников и поделельников в общее течение жизни. «Ты – моя религия», – пел в более поздние

времена Булат Окуджава, потому что корень слова «религия» – общий с латинским «religare» (связывать). Наверное, правильно сказать, что эта малозаметная на фоне мужской и женской героики работа была проекцией «пути любви», как его понимают восточные учения.

К середине 30-х годов консолидирующееся тоталитарное государство обнаружило, что его антагонистами, требующими неустанныго подавления, являются не только мужчины (и идущие по этому пути женщины) с их самореализацией через совершение поступков, требующие свободы как необходимого условия развития, но те малопроявленные политически женщины, которые незаметно формировали независимые социальные общности. Мы можем обнаружить отражение этой работы в воспоминаниях Натальи Зеленовой, Розы Ветухновской, Екатерины Александровой. Реакция властей была адекватна угрозе – они стали карать женщин просто за принадлежность к определенной среде. Были предусмотрены и новые формулировки преступного статуса: член семьи врага народа (ЧСВН), член семьи изменника родины (ЧСИР), социально-опасный элемент (СОЭ), социально-вредный элемент (СВЭ), связи, ведущие к подозрению в шпионаже (СВПШ), и т.п. Все они позволяли отправлять женщин в лагеря и ссылки без необходимости доказывания какой-либо личной вины. То, что в действительности женщин подавляли как носителей эффективного социального формообразующего начала, плохо осознавалось как властью (она действовала на уровне патриархального инстинкта), так и самими женщинами, поскольку идеология личного героического действия была доминирующей (во всех трех сценариях), и не спровоцированная поступком кара воспринималась многими как незаслуженная обида (но, что характерно, не всеми жертвами этих репрессий). Фактически же это было признание победы женщин как независимой социально-динамической силы в постпатриархальном российском обществе. Эта новая социальная роль женщин не была осмыслена и не нашла должного концептуального отражения в соответствующих текстах. Однако в эволюции женского самосознания это должно было стать лишь промежуточным этапом.

К сожалению, даже большая волна – а революция подняла большую волну – может уйти в песок. Наши героини, вырвавшись из пут патриархальной общинной конформности и не найдя новых возможностей самореализации, оказались перед соблазном отказа от дальнейших поисков личной иден-

тичности в пользу самоидентификации групповой, клановой, кружковой. Это, с одной стороны, подтверждало опасения властей о роковой роли женщин в складывании независимых сообществ, а с другой стороны, означало стагнацию женского духовного развития, а значит, и стагнацию общественного развития в целом, несущим началом которого женщины и являлись. Действительно, большинство наших героинь – женщины бессемейные и, как правило, бездетные. Для многих лагерниц рождение детей – достаточно случайный факт биографии, во всяком случае, мы не видим в представленных текстах большой послелагерной озабоченности судьбой своих детей и, тем более, следующих поколений (это не относится к культуре детей в лагере). Что, разумеется, и есть ключевой момент нашей истории.

Для женщин, прошедших Гулаг, то есть ускоренный курс эволюционного процесса, оказываются характерными или регрессия в патриархальный семейный мир, или продолжение битвы с жизнью в роли воинствующей девы, или замыкание в верности своей групповой (в том числе новой семейной) идентичности. Сохранение знамени в бою (а даже простая ежедневная жизнь маркированного лагерем диссидента в Советской России была «вечным боем») является подвигом благородства и вызывает безусловное уважение, но передача этого знамени дальше зависит не от усилий хранителя, а исключительно от оценки будущего. Подвиг хранения может оказаться востребован (стихи О.Мандельштама, выученные наизусть его вдовой Н.Мандельштам), или не востребован (завещание Н.Бухарина, выученное наизусть его вдовой А.Лариной), но к истории эволюции женского самосознания это уже не относится.

Для самих наших героинь последующий переход к сочетанию ответственного материнства с сохранением поиска личной идентичности не нашел явного выражения. Единственная из всех персонажей сборника, у которой мы угадываем продолженную духовную эволюцию в интересующем нас смысле, Ирина Цуркова со всеми своими детьми оказалась в эмиграции. Означает ли это, что в России в принципе нет почвы для женского саморазвития и ее ждет эволюционный тупик, покажет ближайшее будущее.

Однако все это относится к женщинам, попадавшим в лагерь не случайно, к тем, жизненный путь которых строился в соответствии со сценариями, заданными религиозной или просветительской традициями, что укрывало их в устойчивых

психологических нишах, но, как мы видим, не давало убеждающей жизненной перспективы их окружению. Большинство обитательниц советских лагерей, вне зависимости от предъявленных им обвинений, были одиночками, вырванными из прагматической повседневности, не имевшими устойчивых жизненных основ, поскольку традиционные формы жизни были уже разрушены, а новые традиции еще не сложились. Естественно, что наиболее родственной их состоянию оказалась идеология изгоев. Это не значило, разумеется, что они немедленно становились воровками (как это проповедовала Евгения Ярославская), это значило, что они принимали эгоцентрическую систему ценностей.

Лагерь как место лишения свободы первоначально был придуман мужчинами и для мужчин с целью подавления возможности совершения социально неприемлемых поступков. Лагерник, если у него отсутствовала возможность обретения внутренней свободы в рамках той или иной культуры, что требовало предварительного воспитания и подготовки, превращал себя в центр мироздания, а свое тело в сверхценность и инструмент своеволия. Отсюда культ гедонизма, культ насилия, эстетика и символика татуировок и т.п. Даже не быв на воле реальным преступником, человек начинал исповедовать систему ценностей преступного мира: «умри ты сегодня, а я завтра», – становился, говоря на лагерном языке, «блатным». Но для женщин, попавших в заключение, лагерь становился не столько инструментом лишения свободы (сверхценности больше мужской, чем женской), сколько инструментом разрушения жизненных связей, инструментом лишения объектов любви (сверхценности больше женской, чем мужской). Поэтому женщина в лагере, если у нее отсутствовала возможность интеграции в культурный микросоциум, компенсировала дефицит эмоциональной близости с помощью того же единственно доступного инструмента – собственного тела. Отсюда легкость лагерного секса с мужчинами (ограниченно лишь техническими трудностями жизни в зоне) как имитатора любви и дружбы и аффектированная дружба с подругами (переходящая или не переходящая в лесбийские отношения), отсюда идейный эгоцентризм и культ удовольствия («живем только раз», «молодость проходит» и т.п.). Этот поведенческий паттерн на лагерном (впрочем, и общерусском) жаргоне назывался «блядством».

Нам приходится говорить об этих малоинтеллигентных материях подробно по той причине, что лагерный мир оказал-

ся моделирующим и продуцированными Гулагом ценностные системы в конце концов стали достоянием всего российского общества: и воинствующее политическое амазончество, и культурные анклавы религиозных и просветительских традиций, и «блатная» и «блядская» компоненты поп-культуры (в песенной традиции 70–90-х годов, например, выраженные стилистикой В.Высоцкого и А.Пугачевой). Гулаг оказался механизмом идеологической трансформации традиционной патриархальной культуры в современное ее деидеологизированное состояние. Поэтому если мы задаемся вопросом, почему Россия сегодня способна экспортировать такое большое число бойцов мафии и проституток, то ответ надо искать среди причин неудач героинь нашего сборника создать убедительную культурную альтернативу блатной стихии, окружавшей их в Гулаге в далекие 20-е и 30-е годы. Публикуемые тексты предоставляют такую возможность.

Май 1997

ПРИЛОЖЕНИЕ

В антологию вошло более двадцати фрагментов воспоминаний заключенных. Приведем краткие биографии авторов, упомянутых в тексте предисловия.

Александрова Екатерина Николаевна (в замужестве Михайлова), 1915 г.р. Родилась в Москве в семье настоятеля католической общины восточного обряда о. Николая Александрова. После ареста отца воспитывалась в Абрикосовской общине. Арестована 08.10.1933 в Москве по делу восточных католиков, постановлением КОГПУ от 10.01.1934 приговорена к 3 годам лагеря. В заключении в Бамлаге, работала чертежницей, копировщицей в Управлении Бамлага (г. Свободный), затем начальником фаланги на строительстве дороги. Освобождена 05.08.1936. С 1946 живет в Москве.

Ветухновская Роза Зельмановна (1904–1993). Родилась в г. Александрия Кировоградской обл. Член партии социал-демократов. Арестована в Киеве в 1924, приговорена к 3 годам концлагеря и 2 годам ссылки. Срок отбывала в политизоляторе на Соловках. Летом 1925 отправлена в Верхне-Уральский политизолятор. После освобождения в 1927 отбывала ссылку в Сургуте. Затем жила в Казани (1930–1932), в Саратове, с 1936 в Минусинске – по месту ссылки мужа, после освобождения из ссылки в 1937 жила в Александрии, где была вторич-

но арестована. В заключении в Джезказгане. После освобождения в 1954 жила в Норильске, вернулась в Ленинград.

Данзас Юлия Николаевна (1879–1942). Родилась в Афинах в семье русского дипломата. С 1888 жила в России в Харьковской губернии, затем в Петербурге. Член-корреспондент Лондонского общества психологических исследований. Фрейлина императрицы Александры Федоровны. С февраля 1917 в Петрограде, библиотекарь Публичной библиотеки. Профессор английской и французской истории Петроградского университета. Член Религиозно-Философского Общества в Петербурге; заведующая Петроградским Домом ученых (с марта 1920). Приняла католичество по восточному обряду (03.11.1920); организовала (01.09.1921) монашескую общину Св. Духа вместе с экзархом о. Леонидом Федоровым. Пострижена в монашество с именем Иустина (25.03.1922). Арестована 11 ноября 1923 в Петрограде, приговорена к 10 годам тюремного заключения. В заключении в Иркутской тюрьме, с сентября 1928 – на Соловках, работала счетоводом и библиотекарем в Соловецком музее. В сентябре 1931 – на ст. Медвежья Гора, работала в отделе статистики. В январе 1932 освобождена. Эмигрировала, жила во Франции. Вступила терциаркой в доминиканский орден; с осени 1935 работала в доминиканском центре изучения России «Истина», с 1939 – в Риме.

Зеленова (урожд. Чехихина) *Наталья Васильевна* (1905–1997). Родилась в Нижнем Новгороде. Вступила во отряд герл-скаутов нижегородской дружины «Арго» (1918), патрульная. В Москве с 1920, вступила в ОПСО (весна 1921), начальница отделения герл-скаутов ОПСО (1923–1926). Арестована в Москве 23.04.1926 по делу скаутов. Постановлением КОГПУ (от 23.08.1926) приговорена к 3 годам лагеря. В заключении в Соловецком лагере, работала машинисткой, по пост. КОГПУ (от 22.10.1928) приговорена к 3 годам ссылки. В ссылке в Вятке с мужем Б.И.Зеленовым, родила дочь. В Москве с 1934, работала техническим секретарем в средней школе (1946–1960).

Скрипникова Анна Петровна (1896–1974). Родилась в Майкопе в семье рабочего. Окончила историко-философский факультет Высших женских курсов в Москве (1918), преподаватель психологии и философии в Майкопском институте народного образования (1918–1921). В 1920 арестована за выступление на городском митинге, приговорена к расстрелу.

Освобождена благодаря ходатайствам местной интеллигенции. С 1922 – научный сотрудник Московского психоневрологического института. В 1927 арестована, приговорена к 5 годам лагеря. В заключении на Соловках (1927–1931) и на ст. Медвежья Гора (1931–1932). Освобождена в 1932. С 1935 жила в Осетии. Работала заведующей консультационным пунктом по надзору Московского института Совправа при Северо-Кавказском крайсуде, преподавателем истории, ассистентом кафедры психологии педагогического института. В 1948 уволена, не работала, давала частные уроки (1948–1951). Преподаватель психологии и педагогики в г. Орджоникидзе (01.09.1951–20.05.1952). В июне 1952 арестована и осуждена на 10 лет. В заключении в Сиблаге (Суслово) и в Дубравлаге (Потьма), писала письма протеста, составляла для заключенных жалобы по пересмотру дел и заявления о реабилитации. В 1958 переведена во Владимирскую тюрьму. Освобождена 18 июля 1959. Жила в г. Орджоникидзе, научный сотрудник педагогического института. Автор романа «Соловки», а также нескольких документальных повестей, посвященных судьбам женщин-заключенных.

Цуркова (урожд. Лопотухина) *Ирина Залмановна*, 1959 г.р. Окончила школу в Ленинграде (1976), работала машинисткой. Машинистка самиздата, участвовала в издании нелегального журнала «Перспектива», проходила свидетелем по делу А.С.Цуркова, в октябре 1979 приговорена Дзержинским районным судом Ленинграда по ст. 182 УК РСФСР (за отказ от дачи показаний) к 3 мес. исправительных работ по месту работы. Участвовала в работе Русского Общественного фонда (фонда помощи политзаключенным и их семьям). Арестована 20 декабря 1982 в Ленинграде. Приговорена 15.03.1983 Ленгорсудом по ст. 190-1 УК РСФСР к 3 годам общего режима. В заключении в пос. Бозой, пос. Плишкино Иркутской области. После освобождения (20.12.1985) жила по месту ссылки мужа, А.С.Цуркова, в Троицко-Печорске, с 1987 – в Ленинграде. С 1990 живет в Израиле с мужем и четырьмя детьми.

Ярославская-Маркон *Евгения Исааковна* (1902–1931). Родилась в Москве в семье профессора-филолога. Окончила философский факультет Петроградского университета (1922), вышла замуж за поэта А.Б.Ярославского, попала под поезд, лишилась обеих ног (1923). Вместе с мужем в Германии, Франции (1926–1928), после возвращения в СССР и арес-

та мужа (май 1928) бродяжничала, продавала газеты. С 1929 начала воровать, осуждена за воровство, в ссылке в Устюжне, осуждена за грабёж, сослана в окрестности Красноярска. Бежала из ссылки, зарабатывала гаданием. 17.07.1930 арестована в Кеми за побег с места ссылки и подготовку побега мужа из лагеря, осуждена выездной сессией КОГПУ от 06.09.1930 на 3 года лагеря, отправлена на Соловки в штрафизолятор (Заяцкие острова), где, узнав о расстреле А.Ярославского, бросила камень в начальника лагеря Д.В.Успенского (11.11.1930). Находясь в штрафизоляторе под следствием по обвинению в терроре, написала автобиографию (48 страниц). Приговорена Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО (от 10.04.1931) к ВМН. Расстреляна 16 июня 1931 на Соловках.

Двадцатый век: кризис идеологии¹

Данное выступление посвящено проблеме очевидной непопулярности темы антифашизма в российском обществе. Как мы все хорошо знаем, даже в среде самой образованной, либерально мыслящей и уважаемой части нашей интеллигенции необходимость антифашистской деятельности не вызывает большой заинтересованности. Все признают наличие проблемы фашистских проявлений, все согласны с необходимостью противодействия фашизму, но никто не хочет лично в этом участвовать. И такая позиция вполне понятна и резонна.

Антифашистская контрпропаганда занимается разоблачением лживых текстов, опровержением псевдоисторических построений, квазирелигиозных догматов, околонуучных теорий, выраженных косноязычно на низком интеллектуальном уровне. Полемика или диалог с фашистским идеологом, ставящие своей целью установление взаимопонимания, с неизбежностью опускают практикующего антифашиста на ту же ступень интеллектуального и духовного примитивизма, на которой находится его оппонент, и эта перспектива не может вдохновлять образованного человека. Эта проблема того же рода, что и проблема антикоммунизма, антисоветизма, антимилитаризма и иных контрпропагандных идеологий. Диалог сближает оппонентов, но долгая полемика зачастую опускает всех участников до уровня, слишком низкого по сравнению со средним уровнем окружающего общества. Это напоминает проблему преодоления детских фобий – нужно объяснять ребенку, что не надо бояться темной комнаты, но с идеями о черном волке лучше разбираться детским психологам, а взрослым людям нужно жить взрослой жизнью, не погружаясь всерьез в мир детских фантазий.

Все это очевидно и убедительно, но действительность оказывается сложнее, чем это представляется на первый взгляд. Во-первых, антифашистское движение не уходит на обочину общественной жизни, став делом группы профессио-

¹ Доклад прочитан на II Международном симпозиуме «Уроки Холокоста и современная Россия» (Москва, 4–7 мая 1997). Соучредители: Российский научно-просветительный центр «Холокост», Центр имени Марка Блока при РГГУ, Международное общество «Мемориал».

нальных специалистов по патологии общественного сознания, а все-таки остается в сфере внимания всего общества, во вторых, в антифашистском движении принимает участие молодежь, и оно остается привлекательным для молодых людей. Это свидетельствует о том, что в фашистско-антифашистской риторике скрыто некоторое актуальное содержание, которое не находит себе иного, более адекватного выражения.

Чтобы выявить эту действительно существенную компоненту антифашистского дискурса, нам придется обратиться к идеологическим основам общественного самосознания XX века. Эта задача облегчается тем, что говорить о глобальных проблемах истории сегодня неизмеримо легче, чем раньше. На пороге нового века и нового тысячелетия мы становимся более восприимчивы к проблемам истории человечества.

Начало XX века принято отсчитывать с 1914 года, с года начала Первой мировой войны. Это оправдано тем соображением, что с этого времени история человечества перестала быть региональной, мировая война положила начало общемировой истории, в XX веке появилось понятие глобальных проблем и глобальных кризисов, таких, как мировой экономический, колониальный, энергетический или экологический, затрагивающих интересы населения всего земного шара. Создание Лиги Наций (1919), а затем ООН (1945) было ответом на это изменение исторической реальности. Появление соглашений об обычаях и правилах ведения войн или документов о положении военнопленных было первыми попытками регулировать новую историческую ситуацию. Вторая мировая война, а затем холодная война лишь подтвердили, что политика региональных интересов способна ввергнуть мир в глобальную катастрофу и поставить под вопрос выживание человечества в целом. В связи с этим проблема мотивов социального и политического поведения людей и наций перестала быть частным предметом психологии и социологии, а превратилась в центральную проблему нашего времени.

Если 1914 год можно посчитать годом начала XX века, то 1945 год, бесспорно, был его кульминацией. Союзные державы разгромили «империю зла» и установили новый мировой порядок, продержавшийся почти полвека. Но в этом же победоносном году человечество оказалось лицом к лицу с тремя катастрофическими событиями, которые определили самосознание мира на ближайшие десятилетия. Весной 1945 союзные войска, войдя на территорию Германии, узнали о лагерях уничтожения, о геноциде как государственной политике гит-

леровской Германии. В августе 1945 года США сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки, уничтожив сотни тысяч человек мирного населения для достижения военной победы. Осенью того же 1945 года в Италии на польском языке была опубликована книга Моры и Зверняка «Справедливость советская»², которая на основе проведенных авторами массовых опросов поляков, вышедших из советских лагерей с армией Андерса, впервые открыла подлинные масштабы советского Гулага – грандиозной машины политических репрессий коммунистической России. В 1945 году все основные политические идеи XIX века: государства национальных интересов, государства социальной справедливости и государства либеральной демократии – оказались скомпрометированными. Их символами стали Освенцим, Колыма и Хиросима. И хотя и по сию пору нам предлагают лечить Хиросиму Колымой, Колыму Освенцимом, а Освенцим Хиросимой, ясно, что это замкнутый порочный круг, который не даст выхода из этактестского тупика. Авторитет государства как гаранта безопасности человека и гражданина рухнул, а вместе с ним рухнуло и признание приоритета интересов государства по отношению к личности.

Ответом на этот вызов стала глобализация мирового самосознания. Безумие мировых войн сопровождалось появлением учений о мировой одухотворенности, о единстве мира, направленных на поиски единого и общего. Появление и распространение учения о Софии русского космизма, церковно-униатских течений внутри христианской традиции, возникновение теософии и антропософии, популярность восточных религий и попытки интеграции их в западный духовный опыт, экуменическое движение, появление учения о ноосфере Вернадского и Тейяра де Шардена, всемирные экологические движения – все это свидетельства глобализации идеологий. Можно считать, что с конца XIX века развитие общественной мысли шло в направлении осознания единства мира и единства человечества. XX век актуализировал живую связь микрокосмоса человеческой личности с макрокосмосом и заново поставил вопрос о личной ответственности человека за человечество.

На политическом языке это развитие мирового самосознания отмечено провозглашением Декларации прав человека 1948 года и Хельсинкскими соглашениями 1976 года, впервые

² *Mora S., Zwierniak P. Sprawliwosc sowiecka. Wlochy, 1945.*

объявившими отдельного человека объектом заботы международного права. Впервые за долгие века мировой истории человек был уравнен в правах с государством. Это стало возможным вследствие появления новой, более фундаментальной точки отсчета – блага человечества (что, разумеется, не случайно совпало с появлением и новой формы злодеяния – «преступлений против человечества»), в то время, как ранее международное право не знало ничего выше, чем благо государства. Это означало, что процесс глобализации мирового общественного сознания стал реализовываться в практических формах.

Фашизм как идеологическое течение стал отрицанием этой мировой тенденции развития человечества в направлении глобализации сознания, мировой интеграции и соборного миропорядка. Фашизм стал отрицанием всех этих всемирных ценностей во имя консервации частных интересов региональных групп и сообществ. Если сопоставить процесс эволюции мирового самосознания со стадиями развития индивидуально-жизненного цикла (как его видит современная психология), то принятие фашистской идеологии соответствует стагнации на стадии перехода к взрослости (7-я стадия по Э.Эриксону³), на которой ключевым является разрешение конфликта общечеловечности (генеративности) против самопоглощенности. Под общечеловечностью психология понимает появление чувства сопричастности к человечеству, интереса к устройству общества и заботы о судьбе будущих поколений (что, собственно говоря, и является взрослостью), под самопоглощенностью – удовлетворение собственных потребностей.

Таким образом, исповедание антифашистской идеологии означает на психологическом уровне принятие установки на переход к взрослости с принятием на себя заботы о будущих поколениях; исповедание фашистской идеологии означает инфантильную регрессию с принятием установки на производственную и генетическую непродуктивность (что часто хорошо фиксируется по выраженной ненависти к молодежи и отсутствию интереса к проблемам творчества и созидания – это вытесняется интересом к темам распределения благ). Если же сформулировать проблему на формально философском

³ Эрик Эриксон (1902–1994), известный американский психолог, автор теории эпигенетического стадийного развития личности, ввел понятие идентичности (личной тождественности и целостности), распространил его применение в области социальных групп. 7-я стадия психосоциальной идентичности соответствует кризису «генеративность–стагнация».

языке, то можно сказать, что антифашизм не является оппозицией фашизму и голым его отрицанием, антифашизм является отрицанием отрицания тезиса духовного единства мира и соборности человечества и тем самым, продолжая традиции русского космизма, несет в себе потенциал духовного развития, что и следует иметь в виду, оценивая место антифашизма в идеологическом спектре современного общества.

Апрель 1997

История репрессий в Советском Союзе.

Современное состояние историографии¹

В 1988 году на страницы печати в Советском Союзе хлынул поток публикаций по истории политических репрессий в СССР. Отмена цензуры привела к тому, что публикации в отношении так называемых «белых пятен истории» или «черных пятен истории» (название зависело от вкуса автора) стали орудием политической борьбы с коммунистическим режимом. Основные архивы, в которых содержались необходимые документы, еще были почти полностью закрыты, но и то малое, что удавалось из них добыть, сразу попадало на газетные страницы, так как у авторов не было ни времени, ни возможности для скрупулезной академической работы. Все определялось политической конъюнктурой, которая требовала этих материалов немедленно. Основные публикации носили журналистский характер, большей частью они имели источником воспоминания, письма, дневники, документы личных архивов. Часто это были мало достоверные, практически фольклорные источники, но зато они несли большой эмоциональный заряд и создавали картину мира ГУЛАГа такой, какой она входила в народное самосознание, что само было новым фактором осмысления советского периода истории России.

Параллельно с этим под патронажем правящей партии шла работа по архивному изучению проблемы репрессий. КПСС хотела перехватить инициативу пересмотра прошлого и взять его под свой контроль и, поскольку она обладала монополией на источники, имела для этого все возможности. Появившийся в это время журнал «Известия ЦК КПСС» вел постоянную рубрику по истории политических процессов в связи с работой партийной комиссии, занимавшейся партийной реабилитацией. То же происходило на региональном уровне. В Ленинграде этим занимался журнал «Диалог» (бывший «Блокнот агитатора»). Эта работа проводилась институтами истории партии и в первую очередь касалась истории репрес-

¹ Лекция в Доме демократии. Берлин, 15.03.1997.

сий советского партийного и государственного аппарата. Для этого периода характерна попытка героизации жертв внутрипартийной борьбы: правой оппозиции (Бухарина), «ленинградского дела» (Кузнецов, Вознесенский и др.)

В тот же период появились фундаментальные работы исследователей (прежде всего В.Н.Земскова) по статистике Гулага. Цифры по численности заключенных Гулага, опубликованные Земсковым по периоду 1921–1953 годов (осуждено по политическим обвинениям 3,8 млн. чел., из них приговорено к расстрелу 850 тыс. чел., умерло в заключении всех категорий 960 тыс. чел.), оказались ненужными обеим сторонам политической борьбы. Антикommунистические авторы продолжали писать о десятках миллионов погибших, прокоммунистические авторы – о нескольких тысячах справедливо осужденных коллаборационистов. Эта ситуация невостребованности истинной картины продолжает сохраняться и сегодня.

В этот период «Мемориал» начал работу по сбору документов и материалов личных архивов, записи устной истории, сбору воспоминаний и свидетельств. Проводились «Недели совести», посвященные памяти погибших, создавались временные выставки по истории репрессий. Все это приводило к аккумулярованию архивами «Мемориала» большого количества ценных и важных материалов и спасало их от распыления.

Одновременно с партийной историографией стали появляться работы независимых авторов (уже под эгидой «Мемориала») по региональной истории Гулага, базирующиеся на материалах местных партийных и государственных архивов и массе собранных документов личных архивов). Это были работы И.Чухина по истории Белбалтлага, А.Каневой по истории Ухтпечлага, О.Еланцевой по истории лагерей Дальнего Востока.

После событий августа 1991 года, распада СССР и запрета коммунистической партии указом президента партийные архивы и архивы КГБ должны были быть открыты, и они частично стали открываться. Стали доступны документы партийных архивов. И хотя документы секретных решений политбюро ЦК КПСС перешли в Архив Президента РФ (допуск к ним по сей день индивидуализирован), возможности по ознакомлению с обстоятельствами истории СССР расширились чрезвычайно. В государственном архиве (ГАРФ) был открыт фонд Гулага и фонд НКВД, в архивах карательных органов стал возможен ограниченный доступ к отдельным следственным

делам и к документам местных учреждений Гулага. С этого времени материалы по истории политических репрессий в СССР стали регулярно появляться на страницах исторических журналов. Несмотря на то, что уже начиная с 1993 года (т.е. с года первых успехов коммунистической оппозиции) архивная ситуация стала ухудшаться и доступ к материалам ограничиваться, за это время появилось большое количество публикаций, сложилась целая школа молодых историков («Ассоциация историков российского общества XX века»), издающая квалифицированные работы по темам политических репрессий¹.

В настоящее время в области архивного дела в Санкт-Петербурге ситуация сводится к практически полному закрытию материалов партийного архива. Мотивировкой этого является «защита прав человека» и «защита персональных данных» в связи с тем, что большинство документов партийных архивов содержат компрометирующие данные. Причем понятие компрометирующих данных руководство архива понимает достаточно широко, относя к ним и сведения о жертвах партийных проработок и «персональных дел» (компрометация в понятиях коммунистической эры), так и сведения об организаторах партийных проработок (компрометация в понятиях посткоммунистической эры). Назначения на должности в руководстве КГБ, утверждаемые партией, и сейчас относят к закрытым сведениям.

Архивы НКВД–КГБ (ныне ФСБ), по установившейся до последнего времени общей практике, были доступны только в части архивно-следственных дел для бывших репрессированных и их родственников (или по их доверенности) и «только в части документов, лично их касающихся». Бывших репрессированных, в свое время в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом имевших право на прочтение всего дела, теперь знакомят только с частью, касающейся их лично.

Закон об архивах ограничивает закрытость дел 75-летним сроком, после которого все дела открыты для исследователей. Однако в рамках общего закрытия архивов на основании своих внутренних «методических указаний», эта категория дел тоже закрыта на основании того, что там имеются фамилии официальных лиц, производивших репрессии, а их права человека должны быть защищены от гласности.

Архивы НКВД и Гулага (московские) в настоящее время засекречиваются снова, а местные информационные центры МВД перестали выдавать даже архивные справки по факту

пребывания в лагерях (что необходимо для розыска арестованных) по запросам любых организаций и отвечают только родственникам.

Однако, минуя общие правила, все эти архивы допускают к работе исследователей по своему усмотрению (как это, впрочем, было и раньше), причем на законных основаниях, поскольку существование категории «доверенных лиц» действительно предусмотрено законом об оперативной деятельности.

Несмотря на неблагоприятную общую архивную ситуацию, в научный оборот введено большое количество ценных документов, осуществлено значительное число публикаций по темам истории политических репрессий в СССР и по истории ГУЛАГа.

Появляющиеся в настоящее время работы по истории политических репрессий можно подразделить на следующие группы.

1. Публикации архивных документов и групп документов партийных или репрессивных органов директивного или отчетного характера^{II}. Эти документы, как правило, хорошо откомментированы и вводят в научный оборот новый материал.

2. Сводные обзорные работы по статистике репрессий, опирающиеся на отчетные документы репрессивных органов и их переписку^{III}. Кроме работ по общей статистике ГУЛАГа, здесь нужно отметить появление большого количества региональных исследований, особенно по проблеме спецпереселенцев в различных регионах^{IV} и по проблемам раскулачивания^V. Эти издания, как правило, характеризует обширный аппарат и часто скрупулезная фактография.

3. Публикации наиболее значительных архивно-следственных дел и книг на их основе^{VI}. Это наиболее слабая категория изданий, поскольку здесь требуется мотивированная критика источников, к которой авторы не готовы. Как правило, эти материалы публикуются или вообще без критики и без каких-либо комментариев (публикация «дела академиков»^{VII}) или с гиперкритикой, т.е. с утверждением о полной и стопроцентной фальсификации данного дела следствием (дело «Петроградской боевой организации»), что часто сопровождается чисто публицистическим обличением следствия. Этим подходом грешат прежде всего авторы из правоохранительных органов, которые, в связи с родом их службы, имеют привилегированный доступ к архивно-следственным делам и приори-

тетные возможности для публикаций, но не имеют собственной позиции для исторических оценок. Попытки провести анализ источника и выявить достоверную компоненту дела чрезвычайно редки.

С другой стороны, это же относится к публикациям мемуаристики бывших жертв политических репрессий, выходящим в свет малыми тиражами в провинциальных и столичных издательствах под эгидой различных организаций бывших репрессированных^{VII}. Как правило, они публикуются также без необходимого комментария, справочного аппарата и должной критики, а редакторское вмешательство исходит из соображений художественной и публицистической ценности этих текстов, что создаст затруднения при использовании их в качестве возможного исторического источника. Публикации архивных официальных документов и личных документов жертв репрессий являются лишь первыми приближениями к установлению истинного смысла исторических событий, который может быть установлен только при сопоставлении обоих видов источников.

4. Собственно исследования политических репрессий. В последнее время стали появляться работы по изучению репрессивной политики советского государства научного характера, вводящие в оборот большое количество новых источников. Эти работы обладают большой ценностью для восстановления хода событий советской истории, однако страдают двумя основными недостатками.

Во-первых – отсутствием самостоятельного концептуального подхода. В качестве такового до сих пор используются установки XX и XXII съездов КПСС, оценившие политические репрессии в СССР как извращение в целом безупречного социализма.

Разумеется, в 90-х годах это звучит анахронизмом, но в действительности в российской исторической науке спор либеральных историков, принимающих решения этих съездов со всей их ограниченностью, с теми, кто их отвергает, остается актуальным до сего дня. Прежде всего, в этих работах отсутствуют вообще такие термины, как «социалистическое государство» и «коммунистическая идеология», их заменяют эвфемизмы перестроечной эпохи «административно-командная система» и «сложившийся в стране тоталитарный режим». В качестве примера можно привести выводы диссертационной работы В.Н. Уйманова^{IX} (одного из наиболее добросовестных публикаторов документов по истории политических репрес-

сий в своем регионе), в которой осмысление российской истории сводится к осуждению «злого гения Сталина», что вряд ли можно назвать научным подходом².

Причина этого состояния дел в том, что, хотя обязательная официальная идеология в современной России еще отсутствует (о необходимости ее разработки только объявлено), но официальная точка зрения на российскую историю уже существует. Она определяется двумя актами: решением Конституционного суда 1992 года, осудившего годы правления КПСС, но объявившего преступной лишь деятельность управляющей верхушки, но не режим в целом; и заявления российского правительства о том, что Россия является правопреемником СССР в полном объеме, т.е. тем самым принимает на себя полноту ответственности за отечественную историю советского периода. В результате этих ограничений автор, желающий оставаться в пределах российского официоза, имеет свободу идеологического выбора лишь внутри концепции о большей или меньшей вине руководства партии и советского правительства и преступности принятой системы управления и принятия решений и не должен касаться проблем органичности пороков всей системы в целом. Внутри этих пределов и разделяются либералы и консерваторы российской историографии.

Те авторы, которым оказывается тесно внутри официальной идеологической схемы, предпочитают чисто академический подход, избегая каких-либо оценочных суждений. Они основывают свои работы на анализе и комментировании официальных правительственных документов. Однако, базируясь на источниках в основном официального происхождения, они волей-неволей идут на поводу у этих источников в понимании происходивших процессов и сводят исследование жизни страны к выявлению цепочек событий, связанных причинными связями, что чрезвычайно интересно, но в условиях тоталитарного общества опять-таки зачастую оказывается историей интриг внутри верхнего эшелона власти, а не выявлением органических процессов развития.

В качестве примера ограниченности такого подхода приведем историю известного разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году³. Изучение архивных источников приводит к убедительному выводу, что история появления постановления ЦК ВКП(б) восходит к противостоянию двух

² Подробнее см. с.206 наст. изд.

³ См. с190 наст. изд.

могущественных кланов в руководстве страны: клана Маленков–Берия и клана Жданов–Вознесенский, и разгром ленинградских журналов является ударом, нанесенным по клановой территории Жданова. При такой точке зрения, вполне обоснованной, цель речи Жданова состоит в защите ленинградского партийного аппарата, а критикуемые Зощенко и Ахматова просто должны были принять удар вместо тех, на кого он в действительности был направлен (действительно, через четыре года в 1950 году после смерти Жданова ленинградских партработников, фигурировавших в этом деле, расстреляли). Таким образом, Жданов и Маленков оказываются действительными участниками конфликта, а Зощенко и Ахматова – случайными. Но мы прекрасно отдаем себе отчет, что правомерен и иной подход, исходящий из того, что гуманистический мир ценностей Зощенко и Ахматовой не имеет ничего общего с антигуманизмом коммунистического режима и не может с ним сосуществовать. С этой точки зрения конфликт художника с тоталитарным государством неизбежен, и Зощенко и Ахматова являются действительными участниками конфликта (который мог случиться в другое время и в другой форме), а Жданов и Маленков – случайными (спусковым крючком неизбежного события). И чем дальше мы отходим от 1946 года по времени, тем более мы склоняемся к этой, второй точке зрения. Но и в 1946 году, когда партийная подоплека была скрыта, такое понимание было очевидным, что говорит о том, что исследование путей реализации партийно-государственных решений в СССР открывает возможности для увлекательного чисто исторического поиска, но изучение советского общества и его эволюции требует иных, более широких концептуальных подходов.

Наша позиция в отношении изучения советского периода истории сводится к тому, что хотя знание событийной стороны исторического процесса необходимо безусловно основывать на тщательном изучении архивных материалов официального происхождения (решений партийных инстанций, архивно-следственных дел и т.п.), понимание эволюции советского общества может быть достигнуто лишь за счет привлечения документов неофициального происхождения и частных свидетельств, несущих в себе бесценные свидетельства очевидцев эпохи.

Тоталитарная практика игнорирования народного мнения имеет своей оборотной стороной отрыв руководства страны от истинных оснований народной жизни, что в историографии

советского периода истории России выявляется как разрыв между историческим знанием и историческим пониманием происходящих исторических процессов.

Апрель 1997

^I Хлевнюк О., Бабиченко Д. и др.

^{II} Публикации в журналах «Известия ЦК КПСС», «Отечественные архивы», «Источник», «Исторический архив».

^{III} Прежде всего, работы В.Земскова в журнале «Социологические исследования» в 1989–1991.

^{IV} Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1939–1945: Сборник. Новосибирск, 1996; Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Элиста, 1993; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М., 1995; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск, 1995; Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 12: Депортация народов СССР. Ч.2: Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942). М., 1995; работы Н.Ф.Бугая.

^V Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 в деревне Поволжья. Автореферат дисс. к.и.н. М., 1991; Батура А.И. Коллективизация в забайкальской деревне (1927–1934). Автореф. дисс. к.и.н. Иркутск, 1995; Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России (1917–1956). Сыктывкар, 1993.; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994.

^{VI} Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991; Ашнин Ф.Д., Алтатов В.М. Дело славистов. М., 1994; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. СПб.: Изд. БАН. 1993; Ленинградское дело. Л., 1990; Миронов Г. Начальник террора (Дело ПБО). М., 1993; Муранов А., Звягинцев В. Досье на маршала. М., 1996; серия «Возвращение к правде» издательства «Юридическая литература» и др.

^{VII} Академическое дело 1929–1931 гг. Указ. изд.

^{VIII} Издания общества «Возвращение» (Москва), серия «Уроки гнева и любви» (Санкт-Петербург).

^{IX} Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг. Указ. изд.

Судьба революций¹

Уважаемые друзья и коллеги!

Я должен сразу признаться, что не разделяю оптимизма Егора Тимуровича Гайдара по поводу неизбежности победы либерализма в нашей стране. Дело в том, что сегодняшние политические события происходят на фоне больших циклических процессов русской истории, что полностью меняет понимание наблюдаемой картины. Со времен Макса Вебера известно, что политический либерализм и промышленная революция соотносятся с духом Реформации. Россия не пережила Реформации, как не пережила и Возрождения. В XV веке она прошла через эпоху Предвозрождения, не реализовавшуюся в российском Ренессансе, а в конце XIX – начале XX века оказалась в ситуации Предреформации.

Религиозная философия разрабатывала проблемы христианской концепции личности, земство пыталось реализовать местное самоуправление, а столыпинские реформы взрывали крестьянскую общину и утверждали частное землевладение (что прямо связано с проблемой религиозной ответственности человека). Внутри Православной церкви назревали требования обновления и перемен. Но затем последовала цепь известных событий, и сегодня мы можем подвести итоги прошедшему восьмидесятилетию. Если говорить коротко, то все эти начинания не свершились, что дает нам право утверждать, что религиозным смыслом русской революции (февральской и октябрьской) оказалась победа Контрреформации, что означало тупик развития российской государственности. Ни о каком обновлении православия речь, похоже, уже не идет, а проблема частного землевладения оказалась в худшем состоянии по сравнению с 1910 годом.

А как сегодня звучат основные тезисы патриотической оппозиции? Их два. Первый – «Октябрьскую революцию нам

¹ Выступление на конференции «Либерализм в России: Февраль 1917 года и современность». Санкт-Петербург, 23.02.1997. Учредители: Коалиция либеральных и правоцентристских партий и движений: «Демократическая Россия», «Демократический выбор России», «Всероссийский союз Народных домов»; Конгресс национальных объединений России; Крестьянская партия России; Молодежный альянс либералов и правоцентристов «Общее дело»; Партия социальной демократии.

принесли иудомасоны, и мы никому не позволим посягнуть на ее завоевания». Второй – «Наш лучший государственный деятель – Петр Аркадьевич Столыпин, и мы никому не позволим провести его реформы». Победа Контрреформации естественно влечет за собой и остановку эволюционных процессов в обществе. Поэтому жалобы на неуспешный ход российских реформ, которые были бы оправданы в случае поступательного развития российского общества, не имеют смысла в условиях стагнации. Остальной мир шел в противоположном направлении, усиливался суверенитет человека по отношению к государству, развивались новые формы экономических и политических связей (и политического доминирования) преобладающие абсолютность государственных границ. Распад империи – это еще один исторический фактор, который меняет весь смысл политической жизни России и делает малопривлекательным мировой опыт развития стабильных национальных государств. Сегодня перед нами стоит проблема судьбы постсоветского сообщества.

Можно обозначить три основных варианта развития событий. Первый, наиболее любезный сердцам наших этактистов, но и наименее вероятный – это вариант Золотой Орды или, более интеллигентно, евразийства. Здесь следует напомнить, во-первых, остроумное замечание П.Н.Милюкова, что Россия по своим пропорциям не столь Евразия, сколь Азеопа, и, во-вторых, что государство Золотая Орда было отдаленной провинцией великой империи Юань со столицей в Ханбалыке, ныне Пекине, а Четвертому Риму, хотя бы и китайскому, – видимому уже не состояться. Второй, тоже крайний вариант, – это превращение страны в пространство, которое Тацит называл «зоной взаимного ужаса между германцами и сарматами». Будем надеяться, что это нас тоже минует. И наконец, третий, промежуточный, самый вероятный вариант – судьба Священной Римской империи германской нации, на несколько сот лет распавшейся на конгломерат «субъектов конфедерации» с совершенно разной исторической и политической судьбой.

Я бы хотел закончить это выступление на ноте осторожного регионального оптимизма. Как известно, кости ломаются по старым разломам. И поскольку мы здесь, в Питере, живем много дальше Игнач-Креста, до которого в свое время доскакала конница Батые, то у нас еще остается шанс устоять и у себя на берегах Балтики защитить либеральные ценности от видимых посягательств алеющего и зеленеющего Востока.

23 февраля 1997

О примирении и согласии в России¹

Уважаемая комиссия!

Указ Президента с объявлением 1997 года «Годом согласия и примирения»² привлекает внимание общества к необходимости решения проблем российской истории XX века. К сожалению, Конституционный Суд России, у которого была в свое время уникальная возможность вынести оценочное суждение в отношении политического режима СССР и должного отношения к нему, по существу уклонился от этого и, осудив многочисленные преступления советского режима, оставил вопрос о легитимности советской власти фактически открытым³. Объявив Российскую Федерацию полноправным наследником СССР и признавая тем самым законность советского режима, правительство страны таким решением поставило под сомнение правомерность сопротивления коммунистическому режиму в СССР во все периоды его существования, и Указ Президента теперь предлагает снять эту двусмысленность предложением взаимного примирения.

Тезис о взаимном прощении, безусловно, может быть принят в отношении событий гражданской войны, в которой небывалые жестокости сопровождали действия обеих сторон, а красный и белый террор свирепствовали на территории России, провоцируя друг друга. Это предложение, безусловно, не может быть принято в отношении участников политической борьбы, сотрудничавших с национал-социалистической партией Германии, войсками СС и гестапо – организациями, признанными преступными международным трибуналом в Нюрн-

¹ Выступление на заседании Комиссии по примирению и согласию (Смольный, 19.02.1997). На последующие заседания Комиссии В.Июфе приглашен не был.

² УП РФ №1537 от 07.11.1996 «О Дне согласия и примирения» (днем согласия и примирения объявлен день 7 ноября); в тексте этого указа 1997 год, год 80-летия Октябрьской революции, объявлен «Годом согласия и примирения». Далее последовал Указ Президента РФ №196 от 10.03.1997 «О Государственной комиссии по проведению Года согласия и примирения», утвердивший Положение о Государственной комиссии и ее состав.

³ Постановление КС РФ №9-П от 30.11.1992: «В связи с тем, что в августе-сентябре 1991 года КПСС фактически распалась... производство по ходатайству и проверке конституционности КПСС и КП РСФСР прекратить».

берге. Но остальная история страны никак не укладывается в эти простые схемы.

Сразу после захвата власти коммунистическое правительство страны приступило к систематическому террору в отношении населения России, не просто искореня политическую оппозицию, какой бы мирной она ни была, но уничтожая самый дух гражданской независимости.

Исторические факты политических репрессий по признакам социальной принадлежности, вероисповедания, национальности общеизвестны. Массовые репрессии, депортации, принудительный рабский труд узников Гулага, крепостное право в отношении остального населения страны – кто кому здесь должен простить и что простить? Уничтожение правительством страны собственного народа можно назвать гражданской войной, понимая только, что это война односторонняя, и разговор о взаимном согласии можно вести лишь после устранения всех последствий политического террора, сохраняющихся и сегодня. И начать нужно органам власти всех уровней, взявшим на себя ответственность за историческое наследие страны во всей полноте, потому что по нормам наследственного права принимающий наследство принимает и долги по нему. У нас была отечественная гражданская война, и для начала нужно признать бывших узников политических лагерей инвалидами Отечественной войны (здоровых среди них нет), а пострадавших от политических репрессий – ее участниками, и сделать это публично и законодательно. Государство вело гражданскую войну против человека как личности, и многие наши сограждане, которые составляли славу страны, системой были обречены на устранение из памяти народа, и до сих пор сделано слишком мало, чтобы воздать им должное. Сделать это не поздно и сейчас, нужна только добрая воля.

Этот год – не просто юбилей октябрьского переворота, это также юбилей зловещего 1937 года, ставшего символом политического террора, и «Мемориал» предлагает объявить 1997 год Годом прав человека и жертв политических репрессий. Может быть, это поможет снять ту энергию ненависти, которой переполнена наша страна.

Мы должны найти и обустроить места расстрелов и захоронений жертв ВЧК–ОГПУ–НКВД, скрытые от нас до сих пор. Мы должны найти возможность отметить память тех выдающихся деятелей науки, искусства, культуры, государственной жизни, которые стали жертвами политических репрессий. Мы должны оказать социальную помощь немногим до-

жившим до наших дней жертвам политического террора и их семьям, всю жизнь бывшим париями советского общества. Мы должны вспомнить и воздать должное памяти тех наших сограждан, которые во времена тотального террора находили в себе силы и мужество противостоять античеловеческому режиму.

Память о прошлом должна войти органически в наши культурные, образовательные и просветительные программы. То оскудение нашего государственного и социального бытия, в котором пребывает ныне страна, то разрушение общественной морали, которое не позволяет нам подняться, безусловно является наследием десятилетий беспримерного торжества насилия и угнетения человеческой личности.

Достичь преобразования нашей жизни невозможно без глубокой переоценки старой системы ценностей, и лучшее, что мы можем сделать, – это способствовать такой переоценке.

19 февраля 1997

Дополнение 2001 года⁴:

Хочу исправить ложные представления, которые могут сложиться у читателей после прочтения статьи М.Соколова «Покаяние в послехристианскую эпоху»⁵. Упоминания о покаянии в обращениях к власти у общечеловеческих неоязычников имеют точно такой же смысл, какой в предыдущую эпоху носили такие же их обращения к власти со словами «исполняйте свои собственные законы». Поскольку официальное словоупотребление в настоящее время сочло нужным перейти с языка марксизма-ленинизма на язык ленинизма-православизма, то естественно и разумно в разговоре с государством использовать признаваемый им понятийный аппарат. Разумеется, речь не идет об апелляции к чьим-то индивидуальным или соборным душам, но только о том, что от государственной идеологии, по ее понятиям, правомерно было бы ожидать введения термина «покаяния» в трактовку истории собственного перехода от воинствующего марксизма к воинствующе-

⁴ Разговоры о примирении и согласии закончились вместе с 1997 годом, вскоре в средствах массовой информации появился новый термин «всенародное покаяние» (или «покаяние нации»), не уточняющий, кто перед кем будет каяться.

⁵ *Максим Соколов. Покаяние в послехристианскую эпоху. // Известия. 2001. 1 марта.*

му православизму. Нужно это общечеловечным неоязычникам для того, чтобы иметь основания требовать воздания должного погубленным и попраным властью сыновьям и дочерям России XX века и облегчения участи тех из них, кому было дано дожить до наших дней, так и оставшись изгоями российского государства.

К проекту закона о защите персональных данных¹

Проект закона о защите персональных данных² в представленном виде абсолютно неприемлем по следующим обстоятельствам:

1. Положения закона не соотносены с принципами права граждан на информацию, гласность и свободу слова – даже сами эти понятия отсутствуют в тексте. Как результат такого подхода, в законе не предусмотрено разделение персональных данных на сведения, относящиеся к частной жизни и нуждающиеся в защите закона, – и на относящиеся к публичной и служебной деятельности человека и безусловно являющиеся открытыми и общедоступными. В соответствии с представленным текстом публикация любых сведений о любом человеке может быть ограничена, что создает законные основания для учреждения тотальной цензуры.

2. Введение лицензирования на любую деятельность, связанную со сбором персональных данных, создает законные основания для установления контроля правительства за общественными организациями, действующими в области выявления фактов произвола органов государственной власти в отношении граждан нашей страны за предшествующие 75 лет, включая современные события. Лицензирование влечет необходимость обязательной регистрации собранных баз данных в государственных инспекциях и предусматривает возможность отказа в регистрации и лицензировании, то есть позволяет на законных основаниях прекращать деятельность таких общественных организаций.

Не останавливаясь на каких-то отдельных неудачных формулировках проекта, в целом можно сделать заключение, что закон о защите персональных данных в представленном

¹ Выступление на семинаре «Персональные данные: Проблемы правового регулирования». СПб., 15.12.1996. Организатор – «Гражданский контроль».

² Проект закона «О персональных данных» (от 11.04.1996) в развитие Закона «Об информации, защите информации и информатизации» (от 25.01.1995); принят в качестве базы для разработки законодательства о доступе к информации и о персональных данных. На июнь 1998 законы не приняты, дальнейшего рассмотрения в ГД РФ не было.

виде может служить не столько для предотвращения недобросовестного использования сведений о частной жизни граждан (вводя централизованный контроль за всеми собранными базами данных, он фактически такое использование облегчает), сколько для подавления общественной деятельности, ставящей своей целью защиту граждан России от посягательств государственных или негосударственных структур и для сокрытия сведений об исполнителях этих структур.

15 декабря 1996

Доступ к архивной информации: современные проблемы³

Закон о праве на информацию должен, с одной стороны, обеспечивать возможность знания гражданами о деятельности государственных и общественных механизмов, с другой стороны – эффективно защищать частную жизнь людей.

Основная проблема, которая здесь возникает, – это проблема определения границы, за которой частная жизнь превращается в общественно-значимую, а следовательно, открытую для ознакомления. С этой точки зрения существующие юридические формулировки не выдерживают никакой критики. Отнесение к конфиденциальным данным «сведений о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющих идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях» позволяет скрывать практически любую информацию о деятельности человека, поскольку идентифицировать личность можно и без называния имени по упоминаемым обстоятельствам, а с другой стороны, понятие «установленных законом случаев» позволяет также практически любые сведения о жизни человека раскрыть. То есть здесь мы имеем любимую ситуацию нашего права, которое с помощью расплывчатых формулировок закона отдает решение важнейших проблем на откуп (часто буквальный) соответствующим чиновникам (в данном случае хранителям информации).

³ Выступление на семинаре «Свободный доступ к информации и защита персональных данных». СПб., 22–23.03.1997. Организатор – «Гражданский Контроль».

Во всех законах, имеющих отношение к информации, должно быть проведено жесткое и прямо сформулированное разделение всей персональной информации на частную, относящуюся к сфере личной жизни и абсолютно защищаемую законом, и публичную, относящуюся к сфере служебной, государственной и общественной деятельности человека, определяющую его гражданское поведение и гражданскую позицию и столь же жестко относимую законом к информации открытой. Только такая последовательно заявленная позиция поможет избежать законодательных двусмысленностей и даст возможность сконцентрировать внимание на разработке промежуточных случаев и пограничных ситуаций.

Например, определить конфиденциальные сведения как сведения частной жизни, передаваемые в информационное владение каких-то государственных или профессиональных институций с обязательством сохранения их в тайне, которую те обязаны сохранять как частную тайну, по аналогии с государственной тайной.

С этой точки зрения уголовный процесс, например, разбивается на три блока.

Оперативно-розыскной блок относится к сфере накопления конфиденциальной информации, имеющей отношение как к объекту полицейского интереса, так и к полицейским информантам. Здесь, если закон предусматривает право последующего ознакомления гражданина со своим полицейским досье, информация должна будет ему предоставляться в итоговой, полностью обезличенной форме.

Следственный блок относится к сфере публичного права, с возможностями специального законодательного ограничения по времени (тайна следствия), по личностям участников (защита свидетелей), по фактическому содержанию дела (дела, связанные с государственной тайной или преступления сексуального характера).

Судебный блок максимально публичен, а вынесенный по делу приговор (или акт, ранее его заменявший), в соответствии с уголовно-процессуальными нормами действующего права, является документом абсолютно открытого использования во всех случаях.

Такие формы гражданской активности граждан, как выступления на любых собраниях, заседаниях государственных и общественных органов, судебных заседаниях и т.п., должны быть законодательно признаны актами публичного права принципиально открытого и доступного характера. К откры-

той информации должны быть отнесены и документы служебной активности гражданина (если сама эта активность не отнесена законом к государственной тайне), а также сведения о служебных перемещениях, награждениях, вступивших в законную силу приговорах и их изменениях и т.п. информация.

Что касается проблемы рассекречивания архивной информации, то, разумеется, здесь должен действовать принцип автоматического рассекречивания по истечении установленного срока со времени создания документа с правом соответствующего заинтересованного ведомства продлить засекречивание в установленном порядке. Существующая в настоящее время процедура превращает рассекречивание архивов в вялотекущий фарс и в такие чудеса, как преодоление даже законодательной 75-летней нормы с помощью ведомственных «методических указаний», как недавно это сделал Центральный архив ФСБ.

И наконец, проблема ответственности за использование архивной информации. Инструктивные барьеры всегда неэффективны. Наверное, лучше всего оставить эту проблему на разрешение научной критике и судебной практике. Существуют достаточно эффективные предусмотренные законом меры по защите чести и достоинства граждан, и дополнительные инструкции вряд ли что-нибудь смогут тут добавить.

23 марта 1997

О праве на информацию

1. Человек является частью мироздания, всецело открытого познающему разуму, и в этом качестве ни как вид, ни как особь никакой запретной информации в себе не несет. Никаких прав на запрет получения информации о человеке, в том числе о так называемых «персональных данных», в принципе существовать не может.

2. В процессе жизнедеятельности, человек, как и прочие биологические особи, использует сокрытие информации о себе, обман и мимикрию в качестве инструментов выживания и конкуренции. Эта естественная для всего животного мира стратегия поведения осуществляется человеком на собственный страх и риск. Возможность такого сознательного сокрытия информации биологична и не требует никакого правового регулирования в виде «права на ложь».

3. Законодательному регулированию подлежат меры по предотвращению возможности нанесения вреда человеку ис-

пользованием полученной о нем информации, а также ответственность за причинение такого информационного вреда. Законодательному регулированию подлежат также меры по предотвращению нанесения вреда обществу, а также ответственность за нанесение такого вреда с помощью сокрытия или искажения информации о себе со стороны участников политической деятельности. Понятия об ущербе (моральном, политическом или материальном), причиненном человеку или обществу с помощью злоупотребления информацией, могут быть разными в разное время и в разных сообществах, поэтому они не могут быть раз и навсегда конкретизированы законом, но как общие категории (клевета, национальные интересы, моральный ущерб) реализуются в судебной практике.

4. Законодательному регулированию подлежит профессиональная деятельность специалистов, оказывающих содействие частным людям или коллективам людей (организациям) в их потребности получения или сокрытия информации. Для всех специалистов такого рода определяются пределы пользования полученной в интересах заказчика доверительной информации, предусматривается право на получение такой информации и ответственность за ее ненормативное использование. К таким специалистам относятся, например, журналисты, юристы, медики, оперативные работники, разработчики вооружений и т.п. Во всех случаях нормируется поведение носителей информации, а не информация как таковая. Информация может категорироваться как секретная или доверительная только в системе отношений заказчик–исполнитель.

5. Государство, как и каждый отдельный человек, является принципиально открытой системой, доступной познанию. Государство в своей практике точно так же прибегает к частичному сокрытию информации в своих целях, используя для этого помощь сертифицированных специалистов. Различие государства и частного человека состоит в том, что государственное сокрытие информации должно быть категорировано и нормировано. И для государства, и для частных граждан возможность этой практики законодательно защищена нормами ответственности для доверенных исполнителей.

Декабрь 2000

Миссия Чапского¹

На пороге нового тысячелетия немногочисленные узники Гулага, сохранившие свою жизнь и свободу, оказались в политической пустыне новой России. Молодая жизнь вокруг безоглядно торопится переустроить все наново, пытаясь затянуть восьмидесятилетнюю прореху во времени тонким покрывалом забвения.

Что сегодня «Мемориал» может сказать этому поколению и миру? Только то, что три главные идеи общественно-политической мысли XIX века: идеи национального государства, политической демократии и социальной справедливости, – все оказались банкротами. Уже к концу 1940-х годов имя им было: Освенцим, Хиросима и Колыма. Новые политики с новым энтузиазмом предлагают лечить Колыму Освенцимом, Освенцим – Хиросимой, а Хиросиму – Колымой, как будто может существовать выход из этого порочного круга. Но мы знаем, что в наследство грядущему XXI веку мы так и оставляем непреодоленный мир Освенцима, Хиросимы и Колымы, в котором человек существует как единица политических расчетов, а не как смысл и оправдание Вселенной.

Иное отношение к ценности человеческой жизни приходит только в процессе эволюции личности человека и социума от героического юношества к зрелой взрослости, и Гулаг мог бы быть осознан как горнило такого перехода. Но ничего не поделать, опыт Гулага страной не пережит, трансформация не состоялась.

Поэтому мы возвращаемся в исходную точку социальной истории человечества и говорим: человеческая личность начинается с имени, и это то малое, что должно быть защищено. Доктринеры малой или большой крови знают, что никакие гуманисты долго еще не смогут помешать их предприятиям. Но мы можем сказать, что безвестных жертв больше не будет, имена будут названы. И пусть право на имя оборачивается пока правом на строку на могильном памятнике – если мы

¹ Юзеф Чапский. К столетию со дня рождения. Санкт-Петербург, Фонтанный Дом, Музей Анны Ахматовой. 12.11–15.12.1996. Совместная выставка Национального музея в Кракове, Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» и Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге.

сможем исполнять эту свою миссию, рано или поздно, спасая имена, мы сможем защитить и живых.

Мы оглядываемся в поисках своих союзников на бесчеловечных просторах XX века. Они есть, и это вселяет надежду. Екатерина Павловна Пешкова, Владимир Галактионович Короленко, Андрей Дмитриевич Сахаров, и, конечно, Юзеф Чапский.

И в 1918 году, добиваясь у Стасовой в Петрограде каких-нибудь сведений о судьбе расстрелянных под Повенцом², и в 1942, пытаясь получить у генерала Наседкина в Оренбурге какие-нибудь известия об уже убитых в Катыни³ (этого слова мир тогда не знал), он выполнял миссию «Мемориала». И так же, как и «Мемориал» сегодня, Чапский должен был пробиваться через железный занавес наглой государственной лжи. И если в 1918 году живая душа страны была еще убита не полностью, и власть еще с чем-то и с кем-то должна была считаться, то к 1942 году только шепот отдельных голосов мог быть услышан на бескрайней восточно-европейской равнине. Но он все-таки звучал.

«Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать».

Встреча Чапского и Ахматовой⁴, может быть, единственных на территории России, кого заботила судьба исчезнувших

² 1-й полк креховецких улан в составе 1-го Польского корпуса легионеров в составе Русской армии под командованием генерал-лейтенанта Ю. Довбор-Мусницкого (формирование в июне 1917, 25 тыс. чел). В ноябре 1918 корпус не подчинился большевикам (дислокация Рогачев–Жлобин–Бобруйск); 12 января 1918 началось восстание (в советской историографии известно как «контрреволюционный мятеж Довбор-Мусницкого»), при поддержке австро-германских войск 20.02.1918 заняли Минск. После оккупации Белоруссии австро-германскими войсками в мае расформирован немецким командованием. С июля 1918 Ю. Довбор-Мусницкий начал передислокацию раздробленных частей корпуса в Мурманск. По дороге большая часть креховецких улан погибли или пропали без вести, среди них и расстрелянные осенью 1918 под Повенцом (документальных сведений о числе погибших, обстоятельствах расстрела и месте захоронения не найдено). Уцелевшие группы корпуса присоединились к командованию войск Антанты и были эвакуированы из Мурманска англичанами в марте 1919.

³ Катынь – деревня в Смоленской области. «Катынский лес» (урочище Козьи Горы) с 1918 служил местом расстрелов ВЧК–ОГПУ–НКВД. Здесь в апреле 1940 были расстреляны польские офицеры (4421 человек) из Козельского лагеря для военнопленных НКВД по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 05.03.1940.

⁴ Ю. Чапский познакомился с А. Ахматовой в Ташкенте в апреле 1942. Чапскому посвящено стихотворение Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» из цикла «Ташкентские страницы» (1959).

людей и имен, именно в тот ключевой момент эпохи, когда власть бесчеловечности казалась уже абсолютной, теперь представляется нам залогом того, что дело человека еще не проиграно полностью, и в XXI век мы можем войти, сохраняя надежду.

А пока это похоже на дурную бесконечность: списки жертв красного террора Петрограда 1918 года, расстрельные списки 1937, списки жертв Катыни 1940, списки погибших в Самашках в 1995 году, картотеки, именные указатели, биографические справочники. Опросы выживших свидетелей, записи воспоминаний, скудные документы закрытых архивов... Путь Юзефа Чапского. Мы – «Мемориал», благотворительное, правозащитное, историко-просветительное общество.

«Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок».

Это – 1916 год, все еще впереди.

Октябрь 1996

Юзеф фон Гуттен-Чапский (3 апреля 1896 – 12 января 1993). Художник, писатель, общественный деятель.

Родился в Праге, с 1910 жил в Петербурге. Окончил гимназию и поступил в Императорское училище правоведения (1915), как подданный Российской империи призван в армию (1916), окончил ускоренные курсы прапорщиков в Пажеском корпусе (13.02.1917), служил в 1-м полку креховецких улан в составе 1-го Польского корпуса (до января 1918). Вернулся в Варшаву в мае 1918. Отправлен в Петроград (14.11.1918) на поиски пропавших без вести польских офицеров 1-го полка креховецких улан. От Е.Д.Стасовой узнал, что польские военнопленные были расстреляны под Повенцом.

Вернулся в Варшаву в январе 1919. Во время польско-советской войны служил рядовым на бронепоезде «Смелый» (весна 1919 – май 1920), затем в 1-м полку креховецких улан, принимал участие в походе на Киев (подпоручик). Награжден орденом *Virtuti Militari* и «Крестом за храбрость».

Окончил Краковскую Академию художеств (1924). Жил и работал в Париже (1924–1932).

Как офицер запаса мобилизован в 8-й полк улан (01.09.1939), в районе Львова попал в плен (27.09.1939), ин-

тернирован в Старобельский лагерь в Харьковской области (октябрь 1940). 12.05.1940 вывезен в Юхновский лагерь (Павлицев Бор), затем в Грязовецкий лагерь (до августа 1941). После подписания военного соглашения между советским и польским правительствами освобожден (03.09.1941), вступил в Советскую армию (подразделение Польских вооруженных сил в СССР).

Шеф Бюро по поиску пропавших в России офицеров и солдат при штабе Польской Армии в Бузулуке (с ноября 1941), уполномоченный по делам невозвращенных польских военнопленных в армии ген. Андерса (зима 1941/1942), шеф армейского Отдела пропаганды и просвещения в Ташкенте (с апреля 1942); покинул СССР с армией Андерса (август 1942), в составе 2-го Корпуса перешел через Ирак, Палестину и Египет в Италию (1943). Назначен шефом Отдела пропаганды и культуры (майор). Руководил представительством 2-го Корпуса в Париже (март–июль 1945). Демобилизован в марте 1948. Жил и работал под Парижем с 1947: сотрудник, член редакции ежемесячного польского эмигрантского журнала «Культура» (с июня 1947).

Автор мемуаров: «Старобельские воспоминания» (Рим, 1944), «На земле бесчеловечной» (Париж, 1949) и др.

Ленинград. История сопротивления в зеркале репрессий (1956–1987)¹

Сопротивление коммунистической системе сопровождало всю историю Советского государства. Простейшая форма недовольства политикой власти выражалась в бытовых разговорах и в пассивном уклонении от участия в политических мероприятиях (собраниях, подписках на займы и т.п.). Бытовое недовольство постоянно отслеживалось органами политконтроля – осведомительной сетью партии и тайной полицией – и было постоянным объектом внимания партийных органов (информполитсводки из ОГПУ–НКВД поступали ежемесячно и еженедельно, а в критические периоды – ежедневно).

Партийные осведомители зачастую фиксировали проявления и иной, более квалифицированной формы оппозиционности – спонтанных протестов (рукописные листовки, «волынки», стихийные забастовки и т.п.). В этих протестных проявлениях, как правило, ими усматривались два обвинения: связанные с материальными привилегиями аппарата власти и связанные с ее «нерусскостью» – с «еврейским засильем». Как мы знаем, руководство коммунистической партии реагировало на это, с одной стороны, политикой сокрытия своих привилегий, а с другой – негласным поощрением антисемитизма (две основные «тайны советской власти»). В годы крушения коммунистической идеологии в начале 1990-х именно эти две тенденции положили начало двум массовым идеологиям: эгалитарно ориентированным «народным фронтам» как основе «демократической» традиции (она же «популистская»), и национально-патриотическим объединениям как основе «патриотической» традиции (она же «красно-коричневая»). В целом массовый оппозиционный протест в России, обычно проявляя себя в резко критических формах, не предлагал каких-либо реалистичных политических решений взамен отвергаемой действительности.

¹ Доклад на конференции «Сопротивление тоталитаризму в России: 1917–1991 гг.» (9–11 сентября 1996, Пермь). Учредитель – Мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий».

На фоне пассивного неприятия и безальтернативного протеста периодически имели место редкие и в целом непопулярные акты сознательного сопротивления, как индивидуального, так и коллективного. При этом индивидуальное сопротивление обычно имело личную нравственную мотивацию. Сопротивление в коллективных формах поначалу также исходило из убежденности в моральной неприемлемости коммунистического режима, однако по мере упрочения коллективной самоидентификации группы она начинала формулировать тезисы альтернативной политической идеологии.

Это и представляет наибольший интерес в настоящее время, так как выявляет закономерности российского политического самосознания. В условиях информационного вакуума каждая оппозиционная группа, как правило, вынуждена была выработать свою идеологию практически «с нуля», зачастую пользуясь для формулирования своих целей и задач официальной лексикой, идеологическая традиция сопротивления возникла только с наступлением «диссидентского» периода, т.е. с середины 1960-х годов.

История политического сопротивления 1930–1940-х годов известна в настоящее время лишь фрагментарно (можно утверждать, что такая традиция не прерывалась никогда). Но уже начиная с середины 1950-х годов история стихийной политической оппозиции может быть изложена, хотя и неполно, но достаточно систематически ввиду существенно лучшего положения с источниками (степень открытости архивов партии и органов безопасности не лучше, чем для периода 1920–1940-х годов, но имеется большое количество документов частного происхождения, и сами участники доступны для исследователя).

1956 год потряс общественное сознание публичным обсуждением ранее запретных тем и фактом осуждения правящей партией своих преступных действий (сами действия в целом были известны). Первым результатом этого оказался всплеск личных протестных поступков среди молодежи. Политическим фоном событий 1956 года, положившего начало новому периоду инакомыслия, был сам XX съезд КПСС, вызвавший волну социального оптимизма. Это подтверждали октябрьские события в Польше и в Венгрии, первые сведения о появлении рабочих советов и признаках либерализации в этих странах, говоривших о возможности политической эволюции советского строя в сторону демократизации власти.

Ввод советских войск в Будапешт в ноябре был воспринят как доказательство невозможности такой эволюции в рамках советского строя.

На этом политическом фоне в Ленинграде стали возможными первые проявления независимой общественной жизни, вернее события, вышедшие из под контроля политической власти. Такими событиями, оставившими след в истории инакомыслия, были: конференция в Университете по обсуждению книги Дудинцева «Не хлебом единым»², обсуждения выставки Пикассо в Эрмитаже в декабре 1956, вылившиеся в попытку митинга на площади Искусств³, комсомольские конференции в вузах города, ставшие трибуной для неконтролируемых выступлений. Особо следует упомянуть о появлении в вузах города независимых стенных газет и самодельных журналов, выступивших с критикой догматизма в искусстве. Партийное руководство ответило на появление этих тенденций обычным методом – репрессиями в отношении протестантов.

1 августа был арестован художник Родион Гудзенко за встречи с французскими туристами и критику соцреализма, 6 ноября – геофизик Николай Самсонов за письмо в ЦК КПСС о бюрократическом перерождении партии, 7 ноября на Дворцовой площади – студент филфака поэт Михаил Красильников за выкрикивание нелояльных лозунгов во время ноябрьской демонстрации⁴, 22 декабря – выпускник истфака Университета Александр Гидони за стихи и политические выступления (деятельность Гидони по созданию подпольной политической организации осталась неизвестной следствию), 22 декабря, на следующий день после выступления на обсуждении выставки Пикассо в Союзе художников (это был день несостоявшегося самодельного митинга на площади Искусств), была задер-

² Дудинцев В.Д. Не хлебом единым // Новый мир. 1956. №8. С.31–118; №9. С.37–118; №10. С.21–98.

³ Первый стихийный студенческий митинг-обсуждение на пл. Искусств состоялся 14.12.1956, продолжение дискуссии было назначено на 21.12.1956, но площадь была блокирована милицией и КГБ. Тем не менее желающим обсудить творчество Пикассо удалось попасть в этот вечер в ЛОСХ, где шло плановое заседание по итогам выставки ленинградских художников, и выступить там. (См.: Гидони А. «Солнце идет с запада». Торонто, 1980; Вайль Б. «Особо опасный». Лондон, 1980; Трофименков М. «Маленький Будапешт» на площади Искусств: Эрмитаж. Пикассо. 1956... // Смена. 1990. 26 января; Пименов Р.И. Воспоминания // Память: Исторический сборник. Вып.2. Париж, 1979. С.160–260; Вербловская И.С. От звонка до звонка: Воспоминания ПЗК (1957–1962) // Звезда. 1995. №11. С.200–212.

⁴ Подробно см.: Время Михаила Красильникова (Кенотаф) / [Публ. Б.Равдина] // Даугава (Рига). 2001. №6. С.57–145.

жана студентка Консерватории Юлия Красовская. В эти месяцы были арестованы также физик Алексей Рудаков, доцент Технологического института Петр Голованов, были исключены из партии многие коммунисты, выступавшие с критикой режима. Активизация репрессий была санкционирована письмом ЦК КПСС «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов» от 19 декабря 1956 года.

Подавление венгерской революции, ставшие широко известными «новые» аресты вынуждали к переходу от простой критики режима к политическим поступкам: к поиску единомышленников, созданию подпольных политических организаций, формулирующих политические цели и задачи, и активизацию уже существовавших кружков и групп.

26 декабря 1956 года был арестован Юрий Левин, с 1955 года установивший связь с Народно-Трудовым Союзом (НТС) в Германии через иностранных моряков. В ноябре 1956 года он уже распространял фотолистки в связи с венгерскими событиями от имени «друзей НТС». Левину удалось собрать вокруг себя единомышленников, студентов В.Хоченкова и Е.Дивеева (также арестованных). В марте 1957 были произведены аресты членов группы Пименова (Пименов Р., Данилов К., Вайль Б., Заславский И., Вербловская И.). Математика Револьта Пименова еще в 1949 году помещали в психиатрическую больницу за попытку выхода из комсомола (он был освобожден, когда согласился взять свое заявление назад). В 1956 году, сразу после XX съезда, Пименов в сотрудничестве со своими друзьями записал текст выступления Хрущева на XX съезде, снабдил его комментариями и пустил в обращение как один из первых документов самиздата. После этого он вернулся к своей работе математика, но польский «октябрь» заставил его снова обратиться к политической борьбе. Кроме единомышленников из своего окружения он нашел и установил контакт с группой радикально настроенных студентов библиотечного института (во главе с Борисом Вайлем) и с группой историков Университета (во главе с И.Кудровой и В.Шейнисом). Группа Пименова издавала «Информации», первые самиздатские информационные листки по политической тематике (прототип «Хроники текущих событий»). Группа Пименова стала расширяться за счет студентов других вузов (Инженерно-строительный), а ее литературная продукция (статья «Правда о Венгрии» и комментированный доклад Хрущева) распространялась за пределы Ленинграда.

Вскоре после этого, в мае 1957, КГБ ликвидировал студенческую подпольную группу Виктора Трофимова, имевшую «досъездовское» прошлое (Трофимов разбрасывал политические листовки в 1955, а В.Малыхин антисталинские еще и раньше). Для этой большой для своего времени группы (арестовано было 9 человек, и большое число соучастников оставлено на свободе) характерно, что она развивалась как классическая подпольная организация (с политической программой и с политическими дискуссиями), и была внутренне неоднородной, включая в себя три основных направления: социал-демократическое (В.Трофимов), либерально-демократическое (Б.Пустынцев и А.Голиков) и революционно-коммунистическое (В.Тельников и Б.Хайбулин), т.е. вобрала в себя значительную часть возможных политических альтернатив, до разделения которых в обществе оставалось ждать еще 30 лет.

К этому периоду относится также дело группы выпускников философского факультета ЛГУ, в ту же знаменательную зиму 1956/1957 года пытавшихся теоретически, с марксистских позиций осмыслить происходящие события и сформулировать политические альтернативы (в категориях антибюрократической и производственной демократизации). Эта группа (известная как группа М.Молостова) была арестована в 1958 году. Здесь интересно то, что политическое брожение стало распространяться на идеологические кадры режима (в Москве аналогом была группа Л.Краснопевцева).

В этот период (1957–1958) вынесены приговоры по большому количеству одиночных протестных дел: Г.Зайцева (агитация в армии), В.Косарева (листовки против ввода войск в Венгрию), В.Фомченко и И.Кулябко (распространение предвыборных листовок) и др.

Согласно опубликованным данным⁵, события 1956 года отразились в криминальной статистике следующим образом. Если в 1956 году за антисоветскую пропаганду и агитацию в СССР было осуждено 384 человека, то в 1957 году – уже 1964 человека, после чего это число стало постепенно снижаться (в 1958 году – 1416 человек, в 1959 – 750) с равномерным снижением в течение всей хрущевской эпохи до 20 человек в 1965 году.

⁵ Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй, за период с 1956 по 1987 // Источник: Документы русской истории, 1995. №6. С.153.

Характерно, что политические процессы позднего хрущевского периода в основном направлены на пресечение контактов с Западом и на воспрепятствование распространению бесцензурной литературы. Здесь можно назвать дело братьев Владислава и Дмитрия Ижболдиных (общение с американскими туристами, 1959), дело А.Рафаловича и Ю.Меклера (контакты с иностранцами, распространение романа «Доктор Живаго», 1959), дело писателя К.Успенского (контакты с иностранцами, хранение западной литературы, 1960), дело переводчика Р.Ткачева (контакты с иностранцами, 1961), дело Ю.Тараканова-Штерна (перевод и распространение статей из зарубежной печати, 1962). В то же время обнаруживаются и новые тенденции – появление литературы, не ориентированной на советскую цензуру: дело писателя М.Нарицы (передача на Запад романа «Неспетая песня», 1961), дело Ю.Белова (передача корреспонденций для радио «Свобода», 1963) и, разумеется, дело поэта Иосифа Бродского (1964).

Последние годы правления Хрущева, отмеченные произволом высшей власти и некомпетентным вмешательством партийного руководства в самые разные сферы жизни страны (так называемый «волонтаризм» Хрущева), вызвали новую политическую активизацию молодежи.

В это время наряду с делами обычного демократического сопротивления, такими, как дела Г.Кривоносова (1963), Л.Рябчикова (1964), А.Сивакова (1965), В.Борисова (1965), появляются дела групп с идеологией, основывающейся на национально-патриотической почве (группа «Путь», 1963).

В целом хрущевскую эпоху завершают два дела, которые подводят итог и хрущевским опытам нетеррористического построения коммунизма, и общественным поискам пути преобразования социалистической тоталитарной системы в социализм с человеческим лицом.

Всесоюзный социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН) и группа «Колокол» (по названию издаваемого журнала) начали свою активную деятельность примерно в одно время – с зимы 1963/1964 года. Это были две самые крупные подпольные организации, существовавшие в Ленинграде (по делу ВСХСОН арестован 21 человек, по делу «Колокола» – 9, причем в обоих случаях большое число участников вообще не привлечено к судебной ответственности). Аресты по группе «Колокол» произошли в 1965 году (суд в ноябре 1965), аресты по делу ВСХСОН прошли в 1967 году (суд над четырьмя руководителями организации в декабре 1967, суд

над 17 рядовыми участниками – в апреле 1968). У обеих организаций существовали достаточно подробно разработанные программные документы: у ВСХСОН – программа (руководитель организации И.Огурцов, начальник идеологического отдела Е.Вагин), у группы «Колокол» брошюра «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» (авторы В.Ронкин и С.Хахаев). ВСХСОН строил свою программу, исходя из социал-христианских идей русских религиозных философов Н.Бердяева, В.Соловьева, Н.Ильина; Ронкин и Хахаев в своем анализе политической действительности прибегли к марксистскому, классовому подходу и пришли к выводам, чрезвычайно близким к идеям книги М.Джиласа «Новый класс». Представляет особый интерес то, что обе группы в своей оценке перспектив политического развития страны, несмотря на различие в исходных установках, пришли к одинаковому выводу – о неререформируемости существующей социалистической системы и о ее тупиковом характере. Поэтому в программных документах обеих групп появились тезисы о насильственном характере возможных изменений (до сегодняшнего дня руководители ВСХСОН не реабилитированы из-за этих утверждений, хотя политика перестройки социализма уже давно доказала свою несостоятельность).

Дела «Колокола» и ВСХСОН имеют рубежный характер. Они фиксируют бесперспективность ориентации на перестройку существующего строя, столь характерную для общественных надежд середины 50-х годов (восходящих, в свою очередь, к программным установкам подпольных групп либерального коммунизма начала 1930-х). В то же время они демонстрируют отсутствие перспективы у ставки на прямой революционаризм, не получающей поддержки в уставшей от политического насилия стране.

Несмотря на то, что подпольные группы с программными установками на слом и переделку существующей политической системы появляются и в последующее время, они никогда не достигают значительных размеров, идеи их не привлекают к себе большого внимания, а распад их оказывается очень быстрым и даже не связанным с полицейскими репрессиями. Здесь можно упомянуть дело Ю.Федорова (организация «Союз коммунистов», 1969), Э.Лалаянца («Социалистическая партия», 1969), группы В.Дзибалова (1971), группы Г.Ушакова (1975), дела А.Цуркова и А.Скобова (журнал «Перспектива», 1979), группы А.Стасевича («Революционные коммунары», 1979), В.Погорилого (попытка создания организации, 1984).

Политическая оппозиция в СССР с середины 60-х годов приняла иной характер, начался так называемый диссидентский период, для которого характерны следующие особенности. В программных установках – отказ от конструирования общих схем общественного переустройства, его заменяет выдвижение конкретных частных требований некоторых социальных слоев. Появляются группы профсоюзные, национальные, женские и т.п., а также выражающие общегражданские требования на свободу информации, на право эмиграции и добивающиеся реализации этих прав. В организации – отказ от создания структурированных подпольных групп с уставами и писаными программами, их заменяют неформальные объединения единомышленников. В тактике – максимальная ориентация на открытые действия, открытые письма, обращения, демонстрации (это не исключает подпольного распространения самиздата, анонимных и псевдонимных текстов, но создает установку на открытость). В гражданской позиции – отказ от апелляции исключительно к советскому праву, его все чаще заменяет ссылка на международно признанные права человека, формально признаваемые советской идеологией.

Как следствие этих установок, диссидентские группы начали свободно обращаться к международной общественности и западным средствам массовой информации, что было совершенно невозможным для групп предшествующего периода.

За протестные действия в самом начале диссидентского периода в Ленинграде были осуждены: В.Гомельский, будущий создатель независимого профсоюза (осужден за обращение к съезду КПСС, 1967), В.Бугославский (сбор подписей с протестом против ввода войск в Чехословакию, 1968), группа Гендлера–Квачевского (распространение самиздата, связи с Инициативной группой по правам человека, 1968), М.Берозашвили (распространение «Открытого письма», 1969), В.Борисов (член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, 1969), группа Брауна–Бергера (1969), повторно был осужден Ю.Левин (на этот раз уже за открытую рассылку писем по поводу ввода войск в Чехословакию, 1969).

В последующие годы за изготовление и распространение самиздата были осуждены Б.Митяшин (1970), связанная с диссидентами Москвы и Таллина группа Г.Давыдова и В.Петрова (1973), М.Климова (1983).

В связи с независимой профсоюзной работой (СМОТ) осуждены Л.Волохонский и Н.Никитин (1979).

За религиозную активность были арестованы и отправлены в лагерь: В.Пореш (христианский семинар, выпуск журнала «Община», 1979), И.Звягин (письма в защиту адвентистов седьмого дня, 1980), Л.Нагрицкайте и И.Бишева (распространение изданий адвентистов седьмого дня, 1981; судья В.Полудняков, осудивший их, считал, что антисоветский умысел их не требует доказательств по очевидности и так и записал в приговоре), А.Иванов был осужден за организацию групп по занятиям хатха-йогой (1977). Особо необходимо отметить борьбу КГБ с еврейскими национальными организациями: дело о попытке захвата самолета (М.Дымшиц, Э.Кузнецов и др., 1970), дело ленинградской сионистской организации (Г.Бутман, М.Коренблит и др., 1971), дело Е.Леина (семинар евреев-отказников, 1981).

В то же время систематически преследовались авторы бесцензурных общественно-политических текстов (Б.Д.Евдокимов – автор статей в журнале НТС «Посев», 1971) и продолжалась традиция «литературных дел КГБ»: дело М.Хейфеца (авторство предисловия к сборнику стихов И.Бродского, 1974), В.Марамзина («клеветническая» художественная литература, 1975), Д.Аксельрода (1982). Преследовались независимые художественные выставки (дело Г.Михайлова, 1979).

В те же годы имели место проявления прямого политического протеста: А.Пономарев (1971), Ю.Миньковский (листовки к выборам, 1973), В.Алексеев (письма на радиостанцию «Свобода», 1973), Л.Верди (листовки в защиту Солженицына, 1974), Г.Ермаков (письма в газеты, 1974), И.Попадиченко (попытка передать рукопись за границу, 1976), О.Волков и Ю.Рыбаков (надписи на стенах Петропавловской крепости, 1976), О.Москвин (кружок защитников социалистической законности, 1977), Н.Луценко (распространение листовки «Обращение к советскому народу» против деятельности КПСС за подписью автора, 1981), Б.Миркин (стихи о Брежневe, стихи с протестом против ввода войск в Афганистан, 1981), Г.Обухов (рукопись «Погаснувший рассвет» с критикой марксизма, 1981).

Подавление всех форм общественных проявлений было санкционировано руководством страны в 1980 году после ввода войск в Афганистан. На фоне возмущения мировой общественности этой акцией можно было пренебречь отдельными протестами против нарушения прав человека внутри страны. С другой стороны, пример Польши показал, что независимое общественное движение может развиваться до масштабов,

опасных для монополии власти компартии. Была взята установка на полный разгром всех независимых общественных инициатив.

В этот период подверглись преследованию те проявления общественной активности, которые в предшествующие годы оставались не затронутыми репрессиями, например женское движение (в 1981 была арестована Н.Лазарева за участие в издании журналов «Женщина и Россия» и «Мария», в 1982 она была осуждена повторно уже за антисоветскую агитацию). Разгрому подвергся и Российский общественный фонд (фонд помощи политзаключенным и их семьям) – дело В.Репина (1983). Подверглась репрессиям и независимая наука: дело литературоведа К.Азадовского (1981) и историка А.Рогинского (независимые исторические исследования, исторические сборники «Память», 1981), дело литературоведа М.Мейлаха (хранение и распространение зарубежных изданий, 1983). Независимый профсоюз СМОТ был полностью разгромлен: принудительно выслан из страны В.Борисов (член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, член СП СМОТ, 1981), арестованы Р.Евдокимов и В.Долинин (авторы статей в журнале «Посев» и в «Информационном бюллетене СМОТ», 1982), и повторно осуждены Л.Волохонский (1983) и А.Скобов (1983), позже был арестован В.Сытинский (1984). В это время даже имел место случай политического осуждения за сбор анекдотов (И.Цуркова, 1983). Из приговора: «В октябре–декабре 1981 года не менее 10 раз пересказала своему знакомому содержание анекдотов-пасквилей»).

К 1983 году задача по идеологической «зачистке» страны была выполнена, сложившиеся в предыдущие годы общественные структуры практически не действовали, выход «Хроники текущих событий» был прекращен. Тем не менее 1984 год дал новый взрыв активности по распространению самиздата, причем уже в массовых количествах. Были арестованы и осуждены за распространение запрещенной литературы: доцент Г.Донской, Б.Митяшин (повторно), М.Поляков (массовое тиражирование самиздата).

А в 1985 году началась перестройка и руководство КПСС само стало проводить в жизнь программные установки оппозиции образца 1956 года, чтобы к 1993 году убедиться, что перестройка социализма невозможна, о чем писали ВСХСОН и «Колокол» еще в 1963 году.

В марте 1986 года инженер В.Хроменков написал на стене Трубецкого бастиона Петропавловской крепости: «Свободу

Сахарову!». В июне 1986 его осудили на 4 года 6 месяцев, но уже не за антисоветскую агитацию, а всего лишь за хулиганство. В декабре 1986 академика Сахарова действительно освободили из ссылки, а к февралю 1987 освободили и почти всех политзаключенных. И тогда, в апреле 1987, судья Полудняков (тот самый, что судил адвентистов седьмого дня за антисоветскую агитацию в 1981) пересмотрел приговор и счел, что надпись инженера Хроменкова – всего лишь «порча памятника», снизил ему срок до отбытого и освободил. Ныне В.Полудняков указом президента назначен пожизненным судьей и возглавляет городской суд. Так что Фемида в Санкт-Петербурге и сейчас готова к любым поворотам истории.

Август 1996

**К пятидесятой годовщине
постановления ЦК ВКП(б)
«О журналах “Звезда” и “Ленинград”»
от 14 августа 1946 года**

Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» сегодня в глазах мира воспринимается как кульминация криминальной политики партийного руководства культурой, характерной для всего советского периода истории России. Такое понимание, разумеется, является некоторым упрощением – были литературные проигрыши и более основательные, и более жестокие по последствиям (на этот раз тень Большого дома упала не на жертвы постановления, а больше на его пособников), но с этим ничего не поделаешь, оно предопределено личностями жертв, чем дальше, тем очевиднее, что гонимые Ахматова и Зощенко – это и есть литература, а имена их гонителей сошли в литературный и исторический антимир. Со временем это стало очевидным и для самой правящей партии. 20 октября 1988 года ЦК КПСС отменил одиозное постановление 1946 года, впрочем, это скорее было вызвано потребностью партии в самореабилитации, чем явилось актом, несущим какой-либо практический смысл. Для памяти Ахматовой и Зощенко это новое постановление уже ничего не значило и не прибавляло.

Новое время, наступившее в России с 1991 года, частично приоткрыло государственные и партийные архивы, и открывшиеся бреши дали возможность исследователям заглянуть на кухню политической жизни Советского Союза. Теперь мы много знаем о механизмах подготовки и принятия решений, о политическом контроле, о манипулировании общественным сознанием и политическим поведением масс. На эту тему появилось много новых, хорошо документированных работ. Опубликованы и работы, касающиеся истории постановления 1946 года¹. Теперь уже известно, что это не просто происки

¹ Волков В. За кулисами. Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. 1991. №8. С.42–51; Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. М.: Россия молодая, 1994. (Там же подробная библиография.)

идеологического держиморды А.Жданова (каковым, впрочем, он действительно был), давшие основание считать весь набор постановлений 1946 года² «ждановщиной», как было принято называть их в раннеперестроечной публицистике, а косвенное отражение соперничества клана А.Жданова–А.Кузнецова с не менее могущественным и не менее зловещим кланом Г.Маленкова–Л.Берии; соперничества, в котором аргументами служили политические репрессии на клановых территориях соперников. Мы знаем теперь, что это постановление было одним из первых раскатов грома той грозы, которая в 1950 году уничтожила ленинградскую партийную элиту.

По имеющимся сегодня сведениям, последовательность событий, связанных с появлением постановления, такова:

13 апреля 1946 года. На заседании Политбюро рассматривается вопрос о работе Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Жданову и Александрову поручают представить предложения по улучшению работы. На этом заседании Сталин называет самым худшим из толстых журналов московский «Новый мир», следующей идет ленинградская «Звезда».

22 апреля. Жданов и Александров направляют требуемые предложения: «Подготовить и внести в ЦК ВКП(б) вопрос об улучшении литературно-художественных журналов и некотором сокращении их числа». Ничто не предвещает каких-либо катастроф.

26 июня. Бюро Ленинградского горкома приняло постановление об утверждении нового состава редколлегии журнала «Звезда» (на том основании, что по согласованию с руководством Союза Писателей журнал становится органом ленинградской писательской организации). Ответственным редактором утвержден П.И.Капица, в состав редколлегии включен М.М.Зощенко. Именно это постановление дало в последующем повод для обвинения партийного руководства Ленинграда. Копия протокола заседания бюро поступила в ЦК ВКП(б) 21 июля, первое ознакомление с ним фиксировано 9 августа, т.е. в день решающего заседания Оргбюро.

6 июля. «Ленинградская правда» публикует статью Ю.Германа о творчестве М.Зощенко, впоследствии названную «подозрительно хвалебной».

² О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению: Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 года; О кинофильме «Большая жизнь»: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года; Об опере «Великая дружба» В.Муратели: Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года.

Конец июля. Вышла из печати книжка «Звезды» №5–6 с рассказом М.Зошенко «Приключения обезьяны» под рубрикой «Новинки детской литературы». Рассказ был перепечатан из журнала «Мурзилка» (и это была уже пятая по счету публикация рассказа). Номер подписан к печати 11 мая старым составом редколлегии и вышел как орган СП СССР.

7 августа. «Что-то произошло в Москве»³. Александров и Еголин посылают Жданову докладную «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”» и первый проект разгромного постановления.

9 августа. Заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством Г.Маленкова с участием Сталина и Жданова. Присутствуют партийные руководители Ленинграда Попков и Широков, ленинградские писатели: Никитин, Капица, Лихарев, Прокофьев, Саянов. Грубый разнос ленинградских журналов Сталиным и нападки на Ленинградский горком Маленкова.

14 августа. Оргбюро ЦК ВКП(б) путем опроса принимает постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». В окончательном варианте упоминается 9 «штрафников» (в первом варианте 7 августа их было 15).

В закрытой части постановления объявлен выговор секретарю горкома Я.Капустину и снят со своего поста секретарь горкома по пропаганде И.Широков, ответственность за партруководство журналом «Звезда» возложено впредь на первого секретаря горкома П.Попкова. В этот же день на заседании бюро Ленинградского горкома партии принимается решение о проведении собрания партактива и общегородского собрания писателей.

15 августа. Собрание партийного актива Ленинграда в Смольном. Выступление А.Жданова.

16 августа. Общегородское собрание писателей, работников литературы и издательств в Актовом зале Смольного⁴. Выступление А.Жданова. Выступили в прениях: В.Саянов, Е.Федоров, Н.Никитин, В.Лифшиц, П.Капица, Г.Алехин, В.Кетлинская, Г.Мирошниченко, Н.Григорьев, Б.Лихарев, Л.Плоткин, Г.Сорокин, Т.Трифоновна, В.Бакинский, П.Туганов, А.Прокофьев⁵.

³ Бабиченко Д.Л. Указ.соч. С.121.

⁴ ЦГАИПД, ф.25, оп.2, д.5876.

⁵ См.: Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств // Звезда. 1996. №8. С.6–24.

Канонический текст отвратительного выступления Жданова опубликован в «Правде» 21 сентября и представляет сокращенную и обработанную сводку из стенограмм выступлений Жданова на собраниях 15 и 16 августа.

В своем выступлении Жданов попытался не акцентировать внимание на ошибках Ленинградского горкома, компенсировав это совершенно разнузданной руганью и бессмысленными обвинениями в адрес ленинградских журналов, Зошенко и Ахматовой. Именно это выступление сделало имя Жданова нарицательным и обеспечило ему место в истории российской государственности.

22 августа. В центральной и в ленинградской печати опубликованы сообщения о прошедших собраниях и о принятых резолюциях. Началась кампания по травле Зошенко и Ахматовой, перешедшая в обычную идеологическую воспитательную массовку.

С 1 по 15 сентября проведены закрытые кустовые партсобрания по районам города с осуждением Зошенко и Ахматовой. Из отчетов о собраниях: «По Московскому району проведено 54 собрания, в которых приняло участие 161 парторганизаций. На партсобраниях было задано 644 вопроса в основном следующего содержания: 1. Где сейчас Зошенко и Ахматова? 2. Изъяты ли их произведения из библиотек? 3. Почему так долго терпели такого писателя, как Зошенко? 4. Понесли ли наказание работники радио и эстрады пропускавшие произведения Зошенко и Ахматовой?» и т.д. по полной схеме всенародного возмущения. «Зачем печатали пошлые произведения Ахматовой, только портили бумагу» (мастер Федяев, Московский район). На всех партийных собраниях были приняты резолюции, полностью одобряющие своевременность решения ЦК ВКП(б)⁶.

Обсуждения постановления продолжались и позже: в Государственном университете (пока еще не имени Жданова) «на собрании были подвергнуты критике немарксистские аполитичные взгляды на искусство проф. Пунина и формалистическая концепция проф. Эйхенбаума». В Академии Художеств также «были вскрыты и подвергнуты резкой критике попытки проф. Пунина пропагандировать субъективно-идеалистическую концепцию в искусстве, идею отрицания принципа социалистического реализма»⁷.

⁶ ЦГАИПД, ф.25, оп.110, д.602, л.96,99,100.

⁷ Там же, оп.10, д.1031, л.1,1об.

В 1947 году, подводя итоги кампании, справка отдела пропаганды и агитации констатировала: «После постановления от 14 августа 1946 года была сформирована новая редакционная коллегия журнала “Звезда” и избрано новое правление Ленинградского отделения СП во главе с А.А.Прокофьевым... Вредное влияние Зощенко и Ахматовой успешно преодолевается и идеологически чуждые и ошибочные произведения на страницах “Звезды” больше не появляются. Проявления богемы, беспринципных склок и приятельских отношений стали единичными и не влияют на общее направление деятельности писательской организации»⁸.

14 августа 1947 года Собрание писателей Ленинграда посвященное годовщине со дня издания постановления ЦК ВКП(б) по работе журналов «Звезда» и «Ленинград». Собрание констатирует полное благополучие в ленинградской писательской организации⁹.

Разумеется, это лишь грубая канва развития событий, связанных с историей появления постановления 14 августа 1946 года и его последствиями. К этой хронологии следует добавить, что А.А.Жданов умер 31 августа 1948 года, 15 февраля 1949 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об антипартийных действиях Кузнецова А.А., Родионова М.И. и Попкова П.С.», в июле 1949 года был арестован Я.Капустин, а 13 августа Кузнецов и Попков. 1 октября 1950 года все они были расстреляны.

Современное состояние источников позволяет воссоздать и более тонкую картину событий и игры интересов, связанных с ленинградской катастрофой 1946 года, но тут мы наталкиваемся на обычную антиномию историографии советского периода (а может быть, и более фундаментальную). Для политических деятелей сами эти события и люди, вовлеченные в них, служат лишь средствами для достижения определенных политических целей. Выбор жертв достаточно случаен, определяется привходящими обстоятельствами и не имеет для них большого значения по сравнению с достигаемыми целями. Для участников событий смысл происходящего, как правило, скрыт, что оставляет две возможности: действовать исходя из целевой мотивации событий (правильно или неправильно угаданной) или исходить из базовых ценностных установок, не применяясь к рациональным объяснениям происходящего.

⁸ ЦГАИПД, ф.25, д.687, л.3.

⁹ Там же, ф.2960, оп.1, д.15, л. 62–113.

Эти два подхода отличают людей власти от людей авторитета (иными словами, людей, ориентированных на временное, от людей, ориентированных на вечное), и дают основание для двух различных систем оценок. При целевом подходе Зощенко и Ахматова являются случайными жертвами политической драмы, а выступления писателей убедительно мотивированы необходимостью сохранения благополучия писательского сообщества. При ценностном подходе преследование Зощенко и Ахматовой неизбежно, так как оно вызвано несовместимостью мировоззрений советского государства и Художника, в этом случае сам ход политических событий оказывается неприципиальным и случайным, а публикуемые выступления писателей означают измену художника своему предназначению и являются просто образцами агрессивного пустословия. Какую систему оценок принять – читатель может выбрать сам.

Эпилог

Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) исключена из СП СССР. С обращениями в органы власти по пересмотру постановления не обращалась. 6 ноября 1949 года арестован сын, Л.Н.Гумилев, после чего написала письмо Сталину и стихи о нем. В мае 1954 на встрече с английскими студентами в Доме писателя выразила согласие с постановлением 1946 года. Л.Н.Гумилев освобожден в 1956 году.

Зощенко Михаил Михайлович (1894–1958) исключен из СП СССР. 27 августа 1946 года написал письмо Сталину, а 10 октября – Жданову с попыткой опровергнуть обвинения. Письма остались без ответа. Первые публикации после постановления в «Новом мире», 1947, №9. В мае 1954 года на встрече с английскими студентами в Доме писателя выразил несогласие с постановлением 1946 года.

Попков Петр Сергеевич (1903–1950) – в 1939–1946 председатель исполкома Ленсовета. С марта 1946 первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) вместо перешедшего в Москву А.Кузнецова. Постановлением 14 августа 1946 года вменена персональная ответственность за партийную линию журнала «Звезда». В августе 1949 года арестован в связи с «ленинградским делом». 1 октября 1950 расстрелян.

Капустин Яков Федорович (1904–1950) – в 1945–1949 второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Постановлением 14 августа 1946 года объявлен выговор. В июле 1949 арестован по обвинению в связях с английской разведкой. 1 октября 1950 расстрелян.

Широков Иван Михайлович (1899–1984) – в 1945–1946 секретарь горкома по пропаганде. Постановлением 14 августа 1946 года снят с должности. Позже на преподавательской работе.

Молох тоталитаризма¹

Дорогие друзья!

Еще один символ зла появился в нашем городе. Такова историческая судьба наша, что мы ставим памятники не во имя добра, справедливости, творчества, любви, мы воздвигаем и воздвигаем монументы в память зла. Это объяснимо, такова отечественная история. Но можно спросить, а почему здесь, где лежат жертвы, почему не рядом с домами власти, которой бы это напоминало о том, что может сделать со своими гражданами самовлюбленное государство, не контролируемое никем. Там, казалось бы, должны стоять эти памятные знаки. Но нет, рядом с домами власти ставят монументы романтикам государственного насилия. Там вожди с протянутыми руками, железные наркомы в длинных шинелях, загадочные крылатые хищники и царственные всадники, как ставили их еще в старое время. «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?» Мы знаем где – здесь, в Левашово. Можно еще раз спросить – почему? И ответить – а потому что там никого они не вразумят.

В то время, когда здесь шла стройка, когда сооружали этот памятник, официальные наследники карательного ведомства тоже спешили. И вот теперь у нас есть их книга², книга о том, что на палачах крови нет, – так говорят они сегодня. О том, что им не в чем каяться, – так говорят они сегодня. О том, что можно и нужно говорить о мудрости палачей и о святости палачей, – так говорят они сегодня. Так и не дано им ни совести, ни вразумления. Поэтому и этот образ торжествующего зла нам придется сохранять в себе. Чтобы помнить. Вы скажете – наши отцы, деды, наши сограждане так и обречены теперь лежать здесь под вечным конвоем Гулага?

¹ Выступление на открытии памятника (Левашово, 15.05.1996). Памятник «Молох тоталитаризма» (скульпторы Н.Галицкая, В.Гамбаров) установлен по распоряжению мэра Санкт-Петербурга А.Собчака (№465-р от 06.05.1995). После выступления на открытии памятника А.Собчак, закончив свою речь, поклонился Молоху.

² Лукин Е. На палачах крови нет: Типы и нравы Ленинградского НКВД. СПб., 1996. Е.В.Лукин – руководитель пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и области (1992–1997).

Но здесь есть мы, мы-то пережили Гулаг, сегодня мы на другом берегу этой бездны, мы ответственны за жизнь, а не за смерть страны, и я надеюсь, что нам удалось сохранить сколько-то живой души. И сохранила нас, скорее всего, та тайная свобода, о которой когда-то писал Пушкин и вспомнил Блок, когда наступила на него советская власть. И потому для нас это Левашовское кладбище с его вольными деревьями и бескрайним небом над ним, какие бы чудовища зла его ни обступали, всегда будет оставаться памятником этой тайной свободы, которая когда-нибудь, может быть, обратится и в свободу гражданскую, и в свободу политическую, а пока остается единственной нашей надеждой.

И поэтому, дорогие друзья, мы сейчас совершим один важный символический акт. Сейчас мы все вместе повернемся спиной к этому Молоху и пойдем туда, где лежат дорогие нашему сердцу люди, и понесем им цветы как дар нашей памяти и знак того, что мы постараемся быть достойными их завета нам, того завета, за который, вольно или невольно, они положили свои жизни.

А что касается зла и его символов, то какими бы величественными, какими бы устрашающими они ни казались, мы знаем, что любое зло несет в себе одну тайну. Эту тайну знают все, но не хотят помнить. А тайна эта проста. Любое зло внутри пустое! Послушайте!

15 мая 1996

Гражданское общество в России¹

Создание гражданского общества как системы, обеспечивающей самовыражение и защиту прав и интересов различных социальных групп и страт путем функционирования независимых общественных (неправительственных) организаций, безусловно, является приоритетной целью современной общественной жизни России. Однако, объявляя задачу создания гражданского общества важной и первоочередной, следует иметь в виду, что она должна быть сформулирована применительно к российскому социуму с учетом значительной разницы в ценностных установках России и Запада. Программы, имеющие целью содействие построению гражданского общества в России, должны иметь в виду разницу в понимании основных терминов, используемых в описании ситуации и в методах решения социальных проблем. Специфические российские особенности имеют корни в истории страны (особенно ближайшей), проистекают из истории драматических отношений российского гражданина с российским государством и могут быть сформулированы следующим образом:

1. Низкий уровень гражданского самосознания.

История отношений бесправного подданного с всемогущим государством привела к потере самого понятия гражданина как субъекта социального процесса. В специфических российских условиях житель нашей страны предпочитает решать свои проблемы частным образом (с помощью прямого или косвенного мздоимства, выпрашивания или скандала), а не выступать с общегражданских позиций (само слово «гражданин» сегодня имеет негативную окраску и подразумевает асоциальное поведение). По этой причине программы, имеющие в виду создание гражданского общества, должны быть убедительными в отношении предпочтительности достижения целей программы с помощью совместных действий в рамках общественного объединения по сравнению с обычной частной

¹ Текст написан по просьбе Санкт-Петербургского представительства фонда Сороса для разработки концепции программы «Гражданское общество».

практикой и способствовать, тем самым, изменению общественного самосознания из объектного в субъектное.

2. Низкий уровень правосознания и правовой нигилизм как самих российских граждан, так и российских чиновников.

Большинство специфических проблем в нашем обществе имеет основанием не отсутствие правовой базы (законы, как правило, есть, хотя и небрежно сформулированные), а ее не работоспособность. Положения права воспринимаются сторонами социального конфликта скорее как повод для диалога, а не как основа для реального решения проблем, для которого обычно требуется соответствующее административное указание (само слово «право» сегодня имеет негативный оттенок и подразумевает дефицит реальных возможностей). И хотя в ряде случаев действительно требуется разработка новых правовых актов или дополнение и уточнение существующих, российские общественные организации, в отличие от организаций западных, должны формулировать в качестве своих целей не столько защиту прав соответствующих групп, сколько защиту их интересов. Переход от защиты интересов к понятию права составляет сущность сегодняшнего этапа эволюции общества, и программы общественных организаций должны отражать механизмы такого перехода.

3. Низкий уровень доверия ко всем государственным и общественным институтам.

Опыт последних десятилетий показал, что легальные общественные ассоциации в условиях полицейского государства находятся под административным контролем и фактически являются государственными службами, что является источником устойчивого недоверия к любым структурированным общественным организациям. По опыту прошлых лет российский гражданин рассматривает общественную организацию как посредника между собой и государством, которого можно и должно использовать в своих интересах, оставаясь вне ее структур и не принимая личного участия в ее работе. Российское законодательство фиксирует такую ситуацию, вводя понятия «члена» организации как лица, участвующего в ее работе, и «участника» организации как лица, являющегося пассивным ее членом и получателем ее услуг. По этой причине российская общественная организация должна сознательно включать в свой состав не только формализованные уставные структуры, (необходимые для ее функционирования, но зато и

наиболее уязвимые для административного воздействия), но также предусматривать создание и поддержание под своей эгидой неформальных и юридически не оформленных групп, обеспечивающих эффективность контактов с внешней средой и установление атмосферы общественного доверия, с одной стороны, и действенную защиту от административных посягательств (размывание мишени) с другой стороны. Превращение участников общественной организации в активных сотрудников должно быть целью деятельности общественной организации и ее программ.

Специфика Санкт-Петербурга

Общественные организации Санкт-Петербурга в своей работе должны учитывать историческую специфику Петербурга, которая в основных чертах сводится к следующим положениям:

1. Региональная специфика.

В продолжение традиции двуцентровости российского государства (Новгород–Киев, Петербург–Москва) Петербург в общероссийском сознании является «европейской» столицей и центром региона (Северо-Западного), исторически тяготеющего к Западу, к «атлантическому» миру и являющегося каналом, через который ценности европейской культуры вливаются в культурный контекст России, с одной стороны, а плоды самобытной российской культуры выходят во внешний мир в европейски постигаемых формах, с другой стороны. Для Петербурга характерны тесные контакты с западным миром, особенно со странами Балтики, и «морское» мышление, что выражается, в частности, в интересе к различным морским предприятиям и в тяготении к Полярному региону. Все это и создает петербургскую региональную специфику, отличающую ее от евразийского и сухопутного мировосприятия киево-московского полюса России. Направленность гражданских программ в этом измерении может быть сформулирована в категориях: от «окна в Европу» к «окну в Россию».

2. Национальная специфика.

Созданный как столица многонациональной империи, Петербург изначально был ориентирован на национальную и конфессиональную терпимость, что, в частности, оставило свой след в практике размещения культовых зданий и в городской топонимике. Дух толерантности составляет ценнейшее историческое достояние Петербурга и должен быть макси-

мально культивирован программами, имеющими в виду устройство гражданского общества. Взаимный контакт представителей различных культур может и должен вести к обогащению всей культурной атмосферы города. Направленность программ в этом измерении может быть сформулирована в категориях: от общежития к симфонии.

3. Культурная специфика.

И до марта 1918 года Петроград был крупнейшим культурным центром страны, после же этой даты для Петербурга характерно абсолютное превалирование культурной компоненты общественной жизни над общественно-политической, что характерно как для официальной, так, и даже в большей степени, для неофициальной общественной жизни на протяжении всего советского периода. В Ленинграде действовали многочисленные литературные и религиозно-философские кружки и общины, неформальные художественные и музыкальные школы, издавались самодельные литературные, религиозные и исторические журналы. В последние годы эти течения вышли на поверхность в виде различных неформальных объединений и групп, несущих в себе опыт культурной жизни города периода общего угнетения культурной жизни и сохраняющих традицию органической и непрерывающейся преемственности культурной жизни, которая должна быть поддержана в максимальной степени как здоровая основа дальнейшего развития культуры.

Направления развития НГО

С учетом вышеупомянутой общероссийской и региональной специфики деятельность общественных организаций, ставящих своей целью способствование созданию гражданского общества, должна развиваться в следующих приоритетных направлениях:

1. Информационно-аналитическое.

Создание информационных центров, накапливающих информацию по проблемам общественной жизни, затрагивающим интересы отдельных социальных групп и общественных институтов. Такие центры должны первоначально включать в себя соответствующие тематические библиотеки, проблемные и персональные справочно-информационные базы. Такие центры должны становиться естественной формой притяжения формальных и неформальных структур и независимых исследователей и активистов, связанных с соответствующей про-

блематикой. В перспективе они должны становиться основой для редакций соответствующих периодических и непериодических изданий, издательских предприятий и научно-аналитических групп.

2. Образовательно-просветительное.

Среди программ, разрабатываемых общественными организациями, информационно-аналитическими центрами и отдельными заявителями, приоритетными должны считаться связанные с пропагандой идеи гражданского самосознания и гражданского общества в самых различных академических формах среди различных социальных групп, являющихся предметом внимания данной программы, а также с пропагандой практического опыта и достижений организаций, уже осуществляющих защиту конкретных интересов и прав, в первую очередь российских, а также опыта международных организаций, осуществляющих защиту прав и свобод в различных областях. Результатом осуществления таких программ должны становиться конкретные совместные формальные или неформальные акции, объединяющие вовлеченных в образовательный процесс участников по достижению отдельных конкретных целей данной сферы деятельности.

3. Правовое.

Правовое направление предусматривает формы осуществления правовых программ:

- курсы и семинары юридического образования для членов общественных объединений (углубленные) и для участников деятельности этих объединений (общеобразовательные).
- справочно-консультационные пункты (могут существовать в рамках информационно-аналитических центров) по проблеме, открытые для всех заинтересованных лиц.
- программы юридической поддержки отдельных правозащитных проектов.

Январь 1996

ФСБ: дело и слово¹

В 1988 году общество «Мемориал» заявило о том, что восстановление исторической правды – это российский путь к признанию суверенитета человеческой личности, той ценности, которая лежит в основе любого правового, гражданского и просто нормального человеческого общежития. Это предполагало, с одной стороны, создание «матриологов» и «книг памяти» с привлечением к их составлению максимального количества людей, для того чтобы сделать процесс восстановления памяти массовым (для этого распространялись анкеты, проводились «недели совести» и т.п.), с другой стороны, в эту работу вовлекались государственные и муниципальные органы власти. Подводным камнем здесь была проблема отношений с органами безопасности, не только основными хранителями необходимой информации, но при этом и прямыми наследниками преступных ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. Эти органы, на словах дистанцируя себя от деятельности своих предшественников, но будучи их прямыми правопреемниками и носителями семидесятилетних чекистских традиций, должны были определить свое отношение к процессу пересмотра их и нашего прошлого. Как всякая практическая деятельность, создание «матриологов» выявило реальную ситуацию, и, подводя итоги этой работы, можно делать выводы о ходе и направлении общественных процессов.

В ряде городов (в основном на Украине) местными органами власти были созданы редакции «книг памяти», куда вошли представители администрации, академических и архивных учреждений, общественных организаций (в том числе и «Мемориала») и работники ФСБ. Это оказалось лучшим вариантом взаимодействия, так как под эгидой административного органа все участники могли вступать в равноправные рабочие отношения.

В некоторых же регионах и, к сожалению, в Петербурге, стала наблюдаться иная тенденция: органы безопасности сочли более полезным и привычным для себя сохранить контроль за процессом восстановления исторической правды в

¹ Выступление на конференции «КГБ: Вчера, сегодня, завтра» (Москва, 9–11.12.1995). Учредитель – Общественный фонд «Гласность».

своих руках, не отдавая его в руки межведомственных комиссий.

Эта ситуация наглядно обозначила сложившийся к настоящему времени один из механизмов процесса контроля за историографией, который реализуется следующим образом.

1. Селекция исследователей.

Существующий закон об архивах содержит две не связанные друг с другом нормы: с одной стороны, он предусматривает возможность знакомства с архивами органов безопасности для исследователей и даже для представителей общественных организаций без каких-либо оговорок, а с другой стороны, содержит положение о том, что знакомство с архивно-следственными делами производится с согласия репрессированного или его наследников. При этом в законе отсутствует разделение документов на документы публичного права (обвинительные заключения, приговоры, реабилитационные постановления), которые должны быть открыты для всех заинтересованных лиц (следует напомнить: что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом приговор по делу «во всех случаях оглашается публично») и документов частного характера (протоколов допросов, различных экспертиз и т.п.), которые действительно требуют разрешения на использование. Этим закон дает ФСБ возможность для отбора исследователей по своему усмотрению, допуская их к знакомству с архивными документами (в любом наборе) в соответствии с одним пунктом, или отказывая им в этом в соответствии с другим.

2. Контроль публикаций.

Работники управлений ФСБ все чаще сами выступают как публикаторы архивных документов по истории политических репрессий. При этом авторский коллектив работников ФСБ может включить в свой состав гражданское лицо, которое выступает как его представитель перед внешним миром, и даже создать при себе общественный совет издания, имитируя общественный характер всего предприятия (так издается «Ленинградский мартиролог»²) или же войти в качестве членов в

² Ленинградский мартиролог 1937–1938 годов. Т.1. СПб., 1995; Т.2. СПб., 1996. В качестве авторов первого тома «Ленинградского мартиролога» с предисловием директора ФСК РФ С.Степашина указан коллектив из семи офицеров УФСБ (Служба регистрации и архивных фондов и офицеры по связи с общественностью) и одного гражданского лица – библиографа Российской национальной библиотеки А.Я.Разумова. Все авторы названы без указания их служебной принадлежности, причастность УФСБ к изданию не

академический авторский коллектив, имитируя научный характер издания (так издается «Академическое дело»³), в обоих случаях сохраняя контроль за содержанием и направленностью публикуемого материала. Контроль за направленностью публикуемых материалов терминологически означает допустимость использования в критической части публикации терминов: «ежовщина», «сталинизм», «культ личности», «тоталитарная система», «административно-командная система» и неупотребление таких понятий, как «социализм» и «коммунистическая идеология».

3. Собственная историография ФСБ.

Историческая концепция ФСБ наиболее полное выражение находит в работах по истории политических репрессий, написанных самими работниками этой организации. Кроме газетной публицистики отделов по связям с общественностью, лежащей в русле обычного терминологического стандарта, следует отметить появление полномасштабных работ на эти темы, претендующих на исторические обобщения и поэтому представляющих особый интерес.

Например, выводы диссертации В. Уйманова⁴ (Томск, 1995) формулируются следующим образом:

«1. Проведение политики репрессий стало возможным благодаря сложившемуся в стране тоталитарному режиму.

2. Организованные руководящим ядром партии и правительства, они носили плановый и целенаправленный характер.

3. Исполнителями преступных акций стали органы ОГПУ–НКВД–МГБ, являвшиеся “боевым авангардом партии”, полностью подчиненным воле и злему гению [sic!] Сталина.

4. Процесс реабилитации до настоящего времени не превратился в цельную программу по восстановлению справедливости в отношении жертв».

обозначена. Название издающей организации в титуле книги отсутствует, в качестве носителя копирайта указана РНБ. Кроме списка коллектива авторов, на контртитule напечатаны списки редакционной коллегии и общественного совета издания. Во втором томе список авторов отсутствует, имеются только списки редакционной коллегии и общественного совета издания. См. также: *Иофе В.* Кто составлял «Ленинградский мартиролог»: По поводу статьи Ильмиры Степановой «Сорок тысяч имен» // Русская мысль. 1995. 10–18 октября. №4095.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. СПб.: Изд. БАН, 1993. (Издано без комментариев и именного указателя).

⁴ *Уйманов В.Н.* Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг. Автореферат дисс. к.и.н. Томск, 1995.

Легко заметить, что эти тезисы, сформулированные в терминах исторической публицистики с учетом некоторого изменения политического словаря, вполне адекватно выражают выводы, зафиксированные в решениях XX и XXII съездов КПСС, и трактуют величайшую трагедию страны как плод деятельности группы злонамеренных лиц.

Разумеется, такая точка зрения вполне имеет право на существование в рамках естественного идеологического разномыслия. Скажем больше, на фоне ожесточенного политического экстремизма она представляется по крайней мере гуманистически и либерально ориентированной. Конечно, за сорок лет, прошедшие со времени XX съезда КПСС, можно было ожидать какого-то прогресса в понимании исторического процесса, но, поскольку эти тезисы восходят к партийным установкам, то и формулировки – дело внутривнутрипартийной политики, а не исторической науки, и поэтому относиться к текстам, создаваемым ФСБ, следует как к источнику по истории идеологии, а не к историографии как таковой.

Но можно и должно говорить о том, что ФСБ как прямая наследница органов, созданных для навязывания населению коммунистической идеологии, и сегодня продолжает выполнять эту задачу. Естественно, что действует она специфическим для себя образом – с помощью имитации общественной самодеятельности. Насколько это правомерно – дело государственной власти. Однако беспокоит то, что подмена историографии и исторического анализа догмами партийной публицистики затрудняет процесс самопознания общества и блокирует пути его развития. Тем самым и сегодня деятельность ФСБ имеет целью достижение стагнации общественной жизни, т.е. того, что этой организации под прежними ее названиями так хорошо удавалось ранее и что стало одной из причин постигшей нас политической катастрофы.

Пропаганда коммунистической историософии в результате усилий различных сил (в том числе и ФСБ) в последнее время приобрела достаточно систематический характер и стала выявлять себя в самых различных областях. Чтобы не выходить далеко за рамки проблемы специально устроенных для этого имитированных общественных организаций, хотелось бы особо упомянуть лишь наиболее яркие проявления в области культуры: кинофильм «Утомленные солнцем»⁵ (в жанре социалистического сентиментализма), соблазнивший амери-

⁵ См. с.211 наст. изд.

канскую академию киноискусства, и статуи шемякинских сфинксов⁶ (в жанре социалистического сюрреализма), соблазвившие петербургскую мэрию. Оба произведения в разной манере утверждают абсолютизм государственной диктатуры, хотя и в сожалении об уничтожении близких сердцу авторов персонажей, и являются прекрасными художественными иллюстрациями к политическим тезисам диссертации майора ФСБ В.Уйманова, включая его положение о факторе «злого гения».

Декабрь 1995

⁶ См. с.213 наст. изд.

«Искусство Гулага» (По обе стороны тюремной двери)¹

Мы живем, постоянно ощущая за своей спиной дыхание Гулага. Вся наша жизнь насыщена его рудиментами, его обычаями, лексикой, этикой, ценностными установками. Выпестованные Гулагом «друзья народа» направляют течение нашей жизни, и законы Гулага становятся законами жизни общества. Понять Гулаг и его наследие – наша злободневная необходимость. И мы оглядываемся назад, в прошлое нашей страны в надежде извлечь какой-то урок из катастрофического опыта трех поколений.

Образ Гулага в массовой культуре уже сложился. Это образ безжалостного монстра, перемалывающего жизни и души миллионов своих жертв, инструмент тоталитарной политической системы и тотального уничтожения всего человеческого. Его подтверждает обширная литературная и художественная традиция, публицистика, историография. Гулаг как символ входит в новое мифологическое сознание и в изобразительный ряд современной культуры. И если говорить о Гулаге как о феномене, как о «вещи для нас», то представленные на выставке рисунки Д.Балдаева² вполне адекватно отражают то, чем Гулаг стал для нашего общественного мнения.

Но такое представление будет неполным, если мы не попробуем переступить порог, пройти через тюремную дверь и войти внутрь мира Гулага. Здесь картины, эскизы и зарисовки, они никогда не предназначались для публичных выставок (кому тогда могла прийти в голову мысль о такой возможности?!). Они достаточно случайно попадали за ворота лагеря, и ценность их в том, что они дают нам сегодня возможность прикоснуться к сокровенному миру Гулага, попытаться понять Гулаг, как ноумен, как «вещь в себе». И увидеть мир глазами человека Гулага.

¹ Выставка «Искусство Гулага» (По обе стороны тюремной двери). СПб. Музей политической истории России (30.10–29.12.1995). Организаторы: НИЦ «Мемориал», Музей политической истории России.

² Балдаев Данчик Сергеевич, 1925 г.р. В 1950-е – 1960-е годы надзиратель Ленинградской тюрьмы №1 («Кресты»). Рисунки, посвященные истории Гулага, быту тюрем и лагерей (бумага, тушь), выполнены в конце 1980-х.

Здесь акварели художников Н.Лансере, Н.Лекаренко и Е.Ухналева³, а рядом с ними рисунки, сделанные людьми, впервые взявшими в руки карандаш. Но для всех них общим является одно – они совершенно не похожи на художественную публицистику первой части выставки. Главное для этих авторов – не ужасы лагерного быта, а внутренняя сосредоточенность и уважительная любовь к деталям того, казалось бы, скудного и ничтожного бытия, которое оставлено им волею власти.

Оказывается, каким бы тоталитарным государство себя ни полагало и как бы ни стесняло жизненное пространство человека, его тотальность мнима, потому что бесконечность мироздания открывается нам в любой точке, стоит только присмотреться внимательней.

Присмотритесь и вы. Вот пейзаж, а вот человеческое лицо – вы поняли, что мы свободны?

Октябрь 1995

³ Лансере Николай Евгеньевич, 1879–1942. Зарисовки, портреты (бумага, карандаш, сангина, акварель) выполнены во Внутренней тюрьме III ОГПУ в ЛВО (1931–1932); Лекаренко Нина Алексеевна, 1911–1995. Портреты заключенных (бумага, карандаш, акварель) выполнены в Томском лагере членов семей изменников родины (1937–1939); Ухналев Евгений Ильич, 1931 г.р. Рисунки (бумага, тушь) выполнены в Воркутлаге (1948–1952).

Оскар-95

Присуждение в США «Оскара» российскому фильму «Утомленные солнцем»¹ с сюжетом из истории политических репрессий в СССР может только удивить тех, кому довелось быть жертвами этих репрессий. Сорок лет апологеты коммунизма во всем мире твердили о том, что в коммунистическом терроре повинен один лишь Сталин (Мао, Берут, Готвальд, Ракоши, Чаушеску, Ходжа, Кастро...) лично, а без Сталина (Ким Ир Сена, Живкова, Тито, Цеденбала... лично) это был бы лучший в мире строй, и наконец Н.Михалков убедил в этом Американскую академию киноискусства. Конечно, революционная элита (из командармов и комиссаров), соблазнившая и вобравшая в себя государственников старого режима, вправе обижаться – они помогли Сталину построить тоталитарное номенклатурное государство, а тот оказался удивительно неблагоприятным и стал вырывать свои жертвы из их рядов. Можно посочувствовать бедным начальникам СССР. Но при этом стоит помнить, что в стране жили и другие люди (счетом на миллионы), жизни которых были разрушены или уничтожены при содействии и соучастии советского высшего общества, которое так дорого и близко создателям этого фильма, разрушены под гимны, которые им тогда слагали: «и Ленин великий нам/им путь озарил». Впрочем, и в те годы находилась передовая мировая общественность, которая рукоплескала этим гимнам и этим начальникам.

Если говорить о замысле фильма, то он выражает сложившуюся в последнее время тенденцию возврата к официальной государственной идеологии КПСС, сформулированной на XX съезде в 1956 году: осудить «ежовщину», то есть расстрелы в соответствии с оперативным приказом наркома НКВД №00447 от 30 июля 1937 года (и рядом сопутствующих), «ежовщину» считать актом преступным, а все остальные политические репрессии рассматривать как отдельные ошибки, а не как порок системы. К сожалению, мысль о том, что Сталин и террор – это закономерный плод коммунистиче-

¹ «Утомленные солнцем» (Х/ф, 1994). Сценарий Н.Михалкова и Р.Ибрагимбекова. Постановка Н.Михалкова. Студия «ТриТэ» (Россия).

ского и «державного» образа мысли, приходится доказывать и сегодня, через 40 лет после этого съезда.

Сейчас в России опять идет процесс слияния новой (постсоветской) и старой (коммунистической) элит. Пожертвовать Сталиным и осудить эксцессы (в первую очередь в отношении номенклатурной знати), чтобы утвердить полицейскую государственность, – основа их взаимопонимания. Процесс восстановления государственной идеологии в рамках державно-коммунистической доктрины можно наблюдать сейчас практически повсюду: создаются партии, издаются книги, пишутся диссертации, снимаются фильмы. Эти люди уже нашли общий язык и взаимопонимание, и поэтому, имея в виду наше ближайшее будущее, самым зловещим образом «Утомленных солнцем» следует признать фотографию в руках обреченного героя – парный портрет И.Сталина и Н.Михалкова (лично).

Май 1995

Невы державное течение, береговой ее гранит

Памятники – это придорожные столбы на исторических дорогах цивилизаций. Когда коммунистическая идеология в СССР стала шататься и рушиться, у самых разных людей одновременно возникла идея установить в Москве и по всей стране памятники жертвам политических репрессий коммунистического режима, как символ изменения сознания народа и как залог необратимости перемен в государстве и обществе. С этой целью и возник «Мемориал». Прошли годы, в разных городах, благодаря усилиям общественности, появились мемориалы, памятники, памятные знаки, напоминающие людям о трагедии страны в XX веке. У нас в Петербурге такой памятник (в виде закладного камня будущего мемориала) был установлен на Троицкой площади в 1991 году, в канун дня «красного террора» (объявленного советской властью 5 сентября 1918 года). Камень ставился исключительно на средства общественности, и за эти годы он стал привычной частью городского пейзажа. Появилось место, куда родственники приносят цветы в память безвинно и безвестно погибших, место, где проводятся траурные и торжественные церемонии, место, где проводятся митинги, на которых можно выразить свою оценку происходящих в стране событий.

И вот теперь мэрией Санкт-Петербурга в память политических репрессий прошлого установлены сфинксы на набережной имени Робеспьера, на полдороге от Смольного к Большому дому¹. Когда власть устанавливает памятники, то это прежде всего памятники ей самой. Власть рефлектирует с помощью памятников, ими она думает о себе, пытается понять и оценить себя. Это относится и к Медному всаднику, и к Екатерине, и к Ленину на броневике, и к новому «Медному сидню» в Петропавловской крепости. И наша новая монумент-

¹ Скульптура М.Шемякина «Сфинксы» установлена по распоряжению мэра С.-Петербурга А.Собчака (проект памятника обычной процедуры обсуждений – ни художественным советом, ни комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв репрессий – не проходил); открытие состоялось 28.04.1995. Общества бывших жертв политических репрессий («Мемориал», АЖПР, «Справедливость») на открытие памятника официальных приглашений не получили.

тальная группа хороша очевидным напряжением мысли и желанием проникнуть в государственное подсознание. Это радуется, потому что вселяет надежду на какую-то эволюцию стереотипов российского политического мышления.

А что же сами жертвы политических репрессий? Это всего лишь отдельные люди, объекты исторического процесса, и в мире державной мысли им пока места нет, разве что самым знаменитым, у подножья вознесенных над толпой царственных идолов произвола и смерти. Вот и на Левашовской пустоши, где лежат расстрелянные ленинградцы, готов к возведению «Молох тоталитаризма»², еще один памятник самосознания власти, еще один памятник нелюди на месте упокоения людей.

Об отношениях державной бронзы с живым человеком все уже было сказано в 1833 году в поэме А.С.Пушкина «Медный всадник». Именно эта поэма и лежит в основе «мемориального» миропонимания. Оттуда стремление к устройению памятников людям и понимание того, что человек – субъект истории, а не единица народонаселения, и что он вовсе не так ничтожен, как мнится издали. Впрочем, и власти не худо бы помнить, что бывали случаи, когда диссидент Евгений, загнанный в угол, произносил свое бессильное «Добро, строитель чудотворный, ужо тебе!», а империи и рушились. Наверное, лучше без этого. А потому пусть стоит мемориальный комплекс «Памяти политических репрессий» на набережной имени Робеспьера и думает свою государственную думу, а памятник «Жертвам политических репрессий» на Троицкой площади, первой площади нашего многострадального города, навсегда останется человеческим памятником уважения и любви к погибшим.

Май 1995

² См. с.197 наст. изд.

Идет избирательная кампания¹

Дорогие сограждане!

Идет избирательная кампания. На трибунах большое количество продавцов недоброкачественного политического товара. Слушайте их внимательно и будьте осторожны в выборе! Мы предупреждаем:

если вы слышите, как

– патриот проповедует идею почвы, но избегает слова «земля»,

– социалист проповедует идею социальной справедливости, но избегает слова «производство»,

– реформатор проповедует идею демократии, но избегает слова «свобода»,

– поборник духовности проповедует церковность, но избегает слова «Бог»,

– популист обещает всем деньги, но не говорит, где их взять,

– и все они, как заклинание, произносят слово «профессионал», но избегают слова «специалист»,

то эти люди не те, за кого они себя выдают.

Немного о «профессионализме», о самом модном слове нынешнего избирательного сезона. Дело не в том, что сегодня у нас есть только советские профессионалы, то есть люди, за зарплату приведшие страну к тому состоянию, в котором она находится, и, безусловно, в массе своей не являющиеся специалистами своего дела (не за это им платили). Надежда на то, что они способны «перестроиться», столь же тщетна, сколь надежда на «перестройку» вообще, и слово «профессионализм» сегодня на деле означает реставрацию.

Дело в том, что сама ставка на введение специалистов (даже настоящих) в состав законодательного органа, неверна, так как реально ведет к превращению парламента в собрание защитников ведомственных интересов. (Вспомним, как введение в Верховный Совет большого количества милиционеров и прокуроров привело лишь к принятию законов, оправдываю-

¹ Выборы в Государственную Думу и Совет Федерации состоялись 13.12.1993.

щих произвол милиции, а не к действенным мерам по снижению преступности.)

Депутаты парламента должны быть политиками, то есть людьми, способными к политическому мышлению и политическому диалогу, умеющими привлекать и понимать специалистов по конкретным проблемам (и заставлять их работать на общество, а не на себя). И прежде всего они должны иметь иммунитет к коррупции. Доказать эти качества нам они могут только опытом предшествующей жизни.

Поэтому из наличного круга кандидатов в депутаты Федерального собрания мы считаем возможным поддерживать:

Аржанникова Николая Михайловича (общегородской округ по выборам в Совет Федерации). В бывшем Верховном Совете он заложил основы для парламентского контроля за деятельностью так называемых спецслужб. Мы надеемся, что он не допустит превращения нашей страны в полицейское государство.

Пустынцева Бориса Павловича (213, Юго-Западный округ). Он протестовал против ввода советских войск в Венгрию в 1956 году. Мы надеемся, что он не допустит участия наших сыновей в военных авантюрах 90-х годов, устроить которые есть много желающих.

Вдовина Юрия Иннокентьевича (210, Центральный округ). Он возглавлял комиссию по свободе слова Петросовета. Мы надеемся, что он не допустит ликвидации свободы слова, единственного реального достижения перестроечных лет, уничтожить которое есть много охотников из всех политических лагерей.

Рыбакова Юлия Андреевича (208, Северо-Восточный округ). Он возглавлял комиссию по правам человека Петросовета. Мы надеемся, что в это жестокое время он сможет внести в государственную жизнь то человеческое измерение, без которого немислима жизнь общества.

Селиванова Валерия Николаевича (207, Северный округ). Он возглавлял комиссию по делам ветеранов войны, блокадников и жертв необоснованных репрессий Петросовета. Мы надеемся, что в Думе он сможет быть таким же хорошим защитником наших социально незащищенных сограждан, каким он был в нашем городе. Только через уважение к нашим ветеранам мы сможем снова начать уважать свою страну, свою историю и самих себя.

1993

ПРИМЕЧАНИЕ 2002 ГОДА

Из поддержанных в 1993 «Мемориалом» кандидатов в депутаты прошел только Ю.А.Рыбаков. В настоящее время Ю.А.Рыбаков – депутат Государственной Думы РФ (вновь избран 17.12.1995 и 19.12.1999).

Б.П.Пустынцев – Председатель общественной организации «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург). Ю.И.Вдовин – заместитель председателя общественной организации «Гражданский контроль» (Санкт-Петербург). В.Н.Селиванов – депутат Законодательного собрания (1994–1998; 1998–2002), председатель постоянной комиссии по делам ветеранов и блокадников Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

КГБ: миф и реальность¹

Для решения проблем интеграции старых государственных институтов в новые органы власти нет примера более драматичного, чем бывший КГБ, в отношении которого имеется максимальное общественное предубеждение в силу его безусловно преступного исторического прошлого. С другой стороны, именно эта организация располагает специальным аппаратом воздействия на общественное мнение и опытом такого манипулирования в течение длительного времени. Поэтому сложившуюся систему аргументации в защиту реабилитации «органов» не стоит рассматривать как стихийную. Более того, по ее убедительности можно оценивать эффективность этой организации как таковой.

В настоящее время обоснованность включения бывшего КГБ в систему новых органов власти, если судить по статьям в печати и по выступлениям заинтересованных лиц, основывается на следующих четырех тезисах:

1. КГБ, а уж тем более МБРФ, не имеет никакой преемственности по отношению к действительно odiозным МГБ–НКВД–ОГПУ. Это другие люди, которые не несут ответственности за прошлое. Доказательство – участие их работников в процессе реабилитации жертв политических репрессий.

2. Политические репрессии послесталинского периода, за которые КГБ несет ответственность, имели ограниченный характер. И хотя в свете сегодняшнего дня о них можно сожалеть, количество репрессированных несопоставимо с цифрами сталинской эпохи. В доказательство могут быть названы цифры – около 10 тысяч человек за почти сорокалетний период по всей стране. В семидесятых–восемидесятых годах по Москве и Ленинграду ежегодное число арестованных по политическим статьям исчисляется единицами, а не тысячами, как раньше.

3. В отличие от предшествующей эпохи аресты и политические репрессии осуществлялись в соответствии с действовавшими тогда законами. Роль КГБ сводилась к их выполнению. Были плохи законы – соблюдали плохие, будут хорошие

¹ Выступление на конференции «КГБ вчера, сегодня, завтра» (Москва, 19–21.02. 1993). Учредитель – Общественный фонд «Гласность».

законы – будем соблюдать хорошие. КГБ является тем самым гарантом беспартийной законности, что и требуется ныне.

4. За долгие годы КГБ накопил профессиональный опыт, который может и должен быть использован для строительства новой государственности. Слишком много и часто нами управляли некомпетентные чиновники, теперь пришло время профессионалов. И если государству нужны спецслужбы (а этого всерьез никто не оспаривает), то кто лучше профессионалов из КГБ справится с этой задачей?

Эти тезисы звучат очень весомо, и многие вполне достойные люди повторяют их с полной убежденностью в своих речах и статьях. Задача данного сообщения – показать, что все это ложь или, если угодно, дезинформация.

1. О преемственности.

А почему, собственно, работники КГБ (МБРФ) занимаются вопросами реабилитации жертв НКВД–МГБ, если они не имеют к этому никакого отношения? Почему они (а не какой-нибудь специальный юридический комитет) владеют этими архивами, контролируют вопросы о допусках и публикациях материалов, почему они составляют заключения и справки? Давайте определимся. Пусть сами работники МБРФ назовут тот момент, с которого они – это не «они», тот момент, начиная с которого их можно не считать преступной организацией. С бериевской ли оттепели 1939 года, с хрущевской 1956, с горбачевской 1987 или с ельцинской 1991? Пусть наконец эта дата будет названа. И тогда все, что до нее, должно принадлежать обществу и специальному институту, а то, что после нее, – ведомству. Тогда и только тогда можно будет говорить, что это «другая организация». А пока следует напомнить азы наследственного права – тот, кто принимает наследство, принимает и все долги по нему. Отказываешься платить долги – не принимай наследства.

2. О «бескровном» КГБ.

Когда говорят о малом числе политических заключенных в период после хрущевской оттепели, одни по незнанию, другие лукаво умалчивают о том, что политические репрессии в обществе не ограничиваются политическими арестами. Сама суть хрущевских реформ была в том, что общество, к тому моменту полностью терроризированное Гулагом, можно было удерживать в политическом повиновении с помощью системы «мягких» политических репрессий, ничуть не менее эффек-

тивных, но менее одиозных в глазах всего мира. (Мировое общественное мнение в период перехода к глобальному противостоянию с Западом становилось учитываемым фактором.)

Именно в этот период начинается расширение психиатрических репрессий, именно в этот период основным видом политической репрессии становится «профилактика», т.е. репрессия административная и оперативная. Каждый человек, живший в это время, знал, что отклоняющееся политическое поведение может повлечь за собой «неприятности» на работе (разбирательство на собрании, невыгодную работу, плохие условия труда, неожиданные взыскания, неповышение по службе, увольнение по плохой статье и т.п.), студента могло ждать исключение из института или плохое распределение, работника творческого труда – прекращение заказов, непечатаемость годами, пожар в мастерской, ученого – блокирование диссертаций, а всех вообще – привлечение по «бытовой» (общуголовной) статье, избивание в парадной, подложенные наркотики или порнография, понуждение к эмиграции и т.д. и т.п. Простор для административной изобретательности здесь был самый неограниченный, и все это была «профилактика».

Сейчас, когда в связи с послепутчевым замешательством часть секретных архивов стала доступной, появилась возможность оценить размеры этого явления. На московской конференции по истории диссидентства в августе 1992 года² была оглашена цифра соотношения количества арестованных и профилактированных по отчету председателя КГБ Ю. Андропова в ЦК КПСС. Судя по этому отчету, на одного арестованного в этот период приходилось 97 профилактированных. Тем самым количество жертв политических репрессий в «вегетарианский» период работы КГБ из «незначительных» 10 тысяч превращается в миллион, а это с трудом можно представить как свидетельство «малого количества репрессий». (Разумеется, в этой цифре есть и положительный аспект, она говорит о масштабах сопротивления режиму, т.е. о наличии здоровых сил в обществе.)

3. О законопослушном КГБ.

Разумеется, все, что делалось с «профилактированными», определялось в лучшем случае ведомственными инструкциями-

² «Августовский путч» – события 19–21 августа 1991.

³ Конференция «Диссидентское движение в СССР: 1950-е – 1980-е гг.». Предмет исследования: Источники: Методика изучения». Москва, 24–26.08.1992.

ми, главным же образом «руководящими указаниями» (например, знаменитым пояснением Хрущева, что только сумасшедший может выступать против социализма⁴, приведшим сотни людей в «психушки»), и просто оперативным произволом исполнителей, выведенных из-под любого контроля, даже из-под партийного.

В этих условиях считать организацию, которая с 99 процентов своих жертв расправлялась по собственному усмотрению, гарантом законности, в лучшем случае наивно. Произвол, хотя и в «мягких» формах (т.е. восходящий к убийству лишь в исключительных случаях), оставался основным стержнем деятельности КГБ во все время его существования. Если же обратиться к делам того 1 процента, который «оформляли» судебным порядком, то и здесь мы не обнаруживаем торжества закона, даже тогдашнего, «плохого». Действовавшее законодательство, как бы его ни приспособляли к запросам «правоохранительных» органов (введением статьи 190-1 и постоянными видоизменениями статьи 70⁵), требовало от обвинителя доказательств «клеветнического характера утверждений», т.е. доказательств заведомой для обвиняемого ложности его высказываний и доказательств сознательного умысла на подрыв «советской власти». Ничего этого обвинительные заключения (и списанные с них приговоры) не доказывали никогда (большой частью потому, что этого действительно не было, а там, где было, – из-за неумения это доказать). Именно поэтому правозащитное движение 60-х – 80-х годов выступало постоянно под лозунгом: «Соблюдайте ваши законы!», а весь коммунистический режим был уязвим для внутренней и зарубежной критики именно из-за неспособности КГБ хоть

⁴ «...и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом... но у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние» (*Н.С.Хрущев*. Правда. 1959. 24 мая).

⁵ Ст. 70 УК РСФСР – «Анτισоветская агитация и пропаганда» – введена в действие в составе нового уголовного кодекса (Закон об утверждении УК РСФСР принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27.10.1960, введен в действие с 01.01.1961; последующие изменения: Указ Президиума ВС РСФСР от 30.01.1984; Указ Президиума ВС РСФСР от 08.04.1989). Ст. 190-1 УК РСФСР – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» – введена Указом Президиума ВС РСФСР «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР» от 16.09.1966; изменение – Указ Президиума ВС РСФСР от 03.12.1982. Новый Уголовный кодекс принят Гос. Думой 24.05.1996, одобрен Федеральным собранием 05.06.96, подписан Президентом 13.06.96, вступил в действие с 01.01.1997 (не содержит аналога статей 70 и 190-1).

как-то юридически обосновать официальный 1 процент политических репрессий.

Поэтому особенно странно слышать сегодня выступления общественных деятелей и журналистов на тему: «Да, вы соблюдали законы, но почему вам теперь не стыдно?». Ответ прост – не стыдно, потому что не соблюдали. А почему не соблюдали? Об этом далее.

4. Об эффективности и профессиональности КГБ.

Все вышеизложенное уже вызывает разумное сомнение в способности работников бывшего КГБ к выполнению задач, стоящих перед страной сегодня. Действительно, к чему сводятся итоги работы этой организации? КГБ (еще со времен ВЧК) был создан как охранный отряд партии. Если судить по конечным результатам, прекращение существования КПСС при полном сохранении власти КГБ, делает очевидным, что КГБ давно дистанцировал себя от партии. Это значит, что контроль политического поведения населения страны с помощью ненормативных методов, составляющий основное содержание его работы, проводился этой организацией в своих собственных интересах. Это неудивительно, так как такая ситуация является итогом деятельности любого социалистического предприятия: цель работы магазина – интересы продавцов, а не покупателей, цель работы любого завода – выполнение плана, а не интересы потребителей и т.д.

Нет никаких оснований полагать, что КГБ (МБРФ) сможет и захочет защищать чьи-либо интересы, кроме своих собственных, и впредь.

Второй обычный итог социалистического саморазвития – прогрессирующая некомпетентность. Профессионализм никогда не стоял высоко в ряду приоритетов органов безопасности, уступая требованиям политической лояльности и идеологического конформизма. Для практического же подавления политического инакомыслия всегда было достаточно одного и того же: запугивания потенциальных оппонентов демонстративным правовым беспределом, только в эпоху НКВД–МГБ превалировало применение стандартной репрессии (ареста) в отношении произвольно выбранных людей и групп, а в эпоху КГБ основу составляла возможность применения произвольной репрессии в отношении конкретного нежелательного лица. Обратной стороной системы тотального осведомительства и вседозволенности является атрофия профессиональных умений и навыков и, как следствие этого, деградация.

С самого начала существования советских органов безопасности основная характерная для них черта – это провокация показательных политических дел для поднятия своего престижа (скажем, от дела «Петроградской боевой организации»⁶ до дела «АНТа»⁷). Сюда же относятся грубо фальсифицированные дела 80-х годов, когда «органы» стали проигрывать свою борьбу с независимой интеллигенцией как идейно, так и технически и перешли к силовому решению проблем, отказавшись от защиты партийной идеологии, ставшей незащитимой. Старая концепция безопасности оказалась разрушенной, появлению новой сопротивляются коллективный опыт и коллективная память КГБ.

Сегодня стране нужна безопасность, обеспеченная на основе новых реалий, и осмысление роли и места спецслужб в государственном устройстве. Весь прежний опыт борьбы с собственным народом в собственных интересах – плохой помощник в этом деле. И здесь будущее МБРФ определяется даже не тем, что в прошлом они нарушали существовавшие законы и практиковали правовой беспредел, и не тем, что, действуя таким образом, они разрушали общественную и собственную мораль (послушайте, как они угрожают, что в случае недовольства пойдут в мафию), а тем, что в результате этого произошло их функциональное саморазрушение.

Сегодня невозможность перестройки социализма ясна для многих, и пришла пора сказать следующие слова – это же относится ко всем элементам социализма, и в первую очередь к КГБ. Нас же не удивляет, что человек, который хочет устроить хороший магазин, подбирает продавцов по принципу «ни

⁶ Дело ПБО («Петроградской боевой организации») возбуждено в июне 1921: арестованы около 900 человек (искусственно собраны члены разрозненных антикоммунистических кружков и групп, научная и творческая интеллигенция, рабочие, офицеры и т.п.); с августа по декабрь 1921 осуждены 230 человек, расстреляны на Ржевском артиллерийском полигоне 95 человек (пост. през. Петроградской ГубЧК от 24.08.1921 и 03.10.1921). Были убиты: доцент В.Таганцев, «руководитель заговора»; профессора Н.Лазаревский и М.Тихвинский, поэт Н.Гумилев, скульптор С.Ухтомский и др. (См. с.131 наст. изд.)

⁷ Дело АНТа (Межотраслевого государственно-кооперативного концерна «Автоматизация. Наука. Технология», созд. в мае 1989 при поддержке Совета Министров СССР) возбуждено в январе 1990 Прокуратурой СССР и КГБ СССР, следователи: Погорелов Б., Рац В., обвинение в незаконном экспорте приборов, материалов, оборудования, вооружения, арестован генеральный директор АНТа В.Ряшенцев, полковник КГБ в отставке. После упразднения Прокуратуры СССР дело закрыто.

дня работы в советской торговле», а владельцы отелей ищут персонал по принципу «ни дня работы в советском сервисе», точно так же единственным правильным принципом подбора кадров для работы в будущей службе безопасности (а она, безусловно, нужна стране в это трудное время), должен быть принцип «ни дня работы в советском КГБ».

Февраль 1993

Бывшие политзаключенные как мера перемен

Для постороннего наблюдателя политическая сцена сегодняшней России – загадка. Постоянный переход деятелей от одной политической ориентации к другой, зачастую противоположной, происходит совершенно безболезненно. Мы видим множество бывших «номенклатурных» коммунистов, без видимых усилий превратившихся в ревностных демократов, националистов, монетаристов и т.п. с последующими переходами из партии в партию. Генералы КГБ учат народ принципам гуманизма или «национальному мышлению», нисколько не смущаясь своим прошлым. На политическом жаргоне коммунистической эпохи такие переходы назывались «диалектикой», теперь это называют политическим плюрализмом, по существу же они вызывают лишь один вопрос: да есть ли за этой поверхностью какая-нибудь реальность? Или же, как писал еще де Кюстин, «Россия – страна каталогов», и все наблюдаемое нами – лишь большая игра в названия, приятные западному слуху, а суть все та же – деспотия, в который раз для своего выживания нуждающаяся в зарубежной финансовой помощи?

В поисках твердых ориентиров в этом текучем театре масок следует обратиться к самой надежной точке отсчета – к частной и необратимой человеческой судьбе. И здесь незаменимым помощником может оказаться общество «Мемориал». Несколько слов для справки. По большей части общественные и политические организации бывшего СССР имитируют соответствующие западные организации или же воспроизводят организации дореволюционного прошлого. «Мемориал», одно из самых первых независимых обществ, возник спонтанно – на основе опыта нашей страшной истории и осознания необходимости ее преодоления, и в этом смысле он является намного более «почвенной» организацией, чем искусственные образования неославянофилов.

Отношение бывших политзаключенных к власти и отношение власти к бывшим политзаключенным дает превосходный материал для понимания, «что есть что» в сегодняшней

России. «Мемориал» объединяет не только жертв политического террора, но и людей, сознательно противостоявших коммунистическому режиму, и можно было ожидать, что эти люди будут широко представлены в новых структурах власти, как это получилось в странах Восточной Европы. Ничего подобного в России не состоялось. Во всем центральном аппарате управления страной – три-четыре бывших политзаключенных, и далеко не на первых ролях. Бывшие политзаключенные, ставшие депутатами Советов во время сокрушившей коммунистов избирательной кампании 1991 года, как правило, работают в составе комиссий по правам человека, не связанных с принятием текущих политических решений. Те же политзаключенные, которые продолжают активную политическую деятельность, реализуют себя в сфере независимой печати. Эта парадоксальная ситуация сложилась по той причине, что в России политическая оппозиция коммунистическому режиму носила прежде всего характер нравственного противостояния деспотизму. И то, что эти люди, наблюдая политический театр России, где тон задают бывшие партийные аппаратчики и работники КГБ, не считают эту власть «своей», является, на наш взгляд, самой убедительной оценкой нового режима.

С другой стороны, и новые власти не спешат призывать на помощь себе бывших политзаключенных. Новым демократам, в основном бывшим членам КПСС, политически «прозревшим» лишь в 1988–1990 годы, неудобно соседство людей, не имевших иллюзий в отношении коммунистической системы десятилетия назад. Старым чиновникам, из которых состоит основной костяк аппарата власти, тем более не нужны те, кого они подавляли и с кем боролись все предшествующие годы. Новым же коммерческим и финансовым структурам бывшие политзаключенные просто опасны как люди, ориентированные на нравственные критерии (что также вполне характеризует уровень делового мышления наших новых менеджеров и финансистов).

Общий результат таков: в петербургской городской администрации (и сейчас, при Собчаке, как раньше при Романове и Гидаспове¹), славящейся своей особой реакционностью, нет ни

¹ Собчак А.А., председатель Ленсовета (1990–1991), мэр Санкт-Петербурга (1991–1996). Романов Г.В., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970–1983). Гидаспов Б.В., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1989–1991).

одного бывшего политзаключенного, но зато, по некоторым оценкам, – около 30 работников КГБ, включая известного надзирателя за петербургской интеллигенцией Кошелева², чье назначение вызвало взрыв негодования городской общественности. Нельзя сказать, что власти не сознавали этой проблемы. Накануне поездки Ельцина в США в январе 1992, когда понадобилось произвести впечатление на общественное мнение Запада, в его делегацию срочно были приглашены двое бывших политзаключенных – депутаты Верховного Совета С.Ковалев и М.Молоствов. Проблемы же прав человека и ситуация с бывшими репрессированными, которыми занимаются они в Верховном Совете, и сегодня все так же далеки от разрешения.

В то же время влияние и роль бывшего КГБ, в который раз сменившего свое название (теперь это называется МБРФ³), возрастают. Начальство с серьезным видом толкует нам о необходимости ориентироваться на «профессионалов», в то время как любой деловой человек, заводящий в России магазин или гостиницу, знает, что для того, чтобы это дело пошло, первое, что он должен сделать, – это избавиться от профессионалов советского сервиса. «Перестройка» социализма невозможна, и это справедливо не только для политической системы, но и для каждого фрагмента деловой и государственной жизни.

Администрация, действительно желающая перемен, должна была избавиться от бывших работников КГБ не только потому, что эта организация давно уже стала органом морального растрепания нации, но и как от советских профессионалов, блестяще доказавших свою полную неспособность к делу. В любой области деятельности в России сейчас лучше учить, чем переучивать. К спецслужбам это относится не меньше, чем к торговле пирожками. Таким образом, ориентирование на включение профессионалов КГБ в видимые структуры власти доказывает одно: нынешняя реальная власть перемен по

² Кошелев П.К. (псевд. Коршунов П.Н.). В 1980–1987 нач. отдела по борьбе с идеологическими диверсиями УКГБ, курировал неофициальное культурное движение в Ленинграде (Клуб-81, Товарищество Экспериментального Изобразительного Искусства, журнал «Часы» и др.), подполковник КГБ в отставке, с 1990 – депутат Петроградского райсовета Ленинграда, с 09.08.1991 глава администрации Петроградского р-на С.-Петербурга.

³ Министерство безопасности Российской Федерации (МБРФ) с января 1992, с декабря 1993 – Федеральная служба контрразведки (ФСК), с марта 1995 – Федеральная служба безопасности (ФСБ).

существу не желает, а все «впечатляющие изменения» – лишь смена декораций.

Тем временем, укрепив свои позиции в структурах новой власти, КГБ пошел в контратаку – отвоевывать отданное в период смятения. В период декларированного отказа от коммунистического прошлого бывшие узники лагерей, ныне реабилитированные, и их ближайшие родственники, пострадавшие от репрессий, получили небольшие, но реальные социальные льготы, что особенно важно для выживших узников сталинских лагерей, пожилых людей, как правило, с расстроенным здоровьем. Ныне идет процесс снятия этих льгот (их уже лишены члены семей репрессированных); назначенные же денежные выплаты сведены инфляцией к ничтожным суммам, превратились в фикцию.

Предусмотренные законом комиссии по наблюдению за передачей архивов КГБ на государственное хранение, включающие представителей общественности, мэрией С.-Петербурга просто не созданы – без объяснения причин. В комиссии по реабилитации, также вопреки закону, не включены представители организаций репрессированных (т.е. того же «Мемориала»)⁴. Все обращения «Мемориала» в городскую администрацию остаются без ответа, как в прежние времена. Все это естественно. Как учат нас психологи, люди ненавидят тех, кому они причинили зло, – а кому причинено большее зло, чем жертвам политических репрессий?

Но как не смог «реальный социализм» подавить политическую оппозицию и нравственное сопротивление коммуни-

⁴ Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий в Санкт-Петербурге создана на основании постановления Президиума Верховного Совета РФ (№2610-1 от 30.03.1992) «Об утверждении Положения о Комиссиях по восстановлению прав жертв политических репрессий». Комиссия первоначально была образована решением малого Совета Петербургского горсовета (№403 от 16.12.1992, председатель – депутат В.И.Адушев), затем формировалась Администрацией Санкт-Петербурга (распоряжение мэра №1081-р от 30.12.1993, председатель – В.Л.Мутко; распоряжение мэра №631-р от 31.05.1996, председатель – Е.П.Истомин; распоряжение губернатора №62-р от 24.01.1997, председатель – вице-губернатор В.Н.Щербаков). В 1993 в состав Комиссии включены представители всех городских организаций, объединяющих бывших жертв политических репрессий. Основная задача Комиссии – обеспечение выполнения Закона РФ о реабилитации жертв политических репрессий (№1761-1 от 18.10.1991). С 1995 постановлением мэра Санкт-Петербурга (№406-р от 25.04.1995) на Комиссию возложены функции приема и рассмотрения заявлений реабилитированных лиц о возврате конфискованного имущества и о выплате денежных компенсаций.

стическому режиму, так не сможет нынешняя «реальная демократия» помешать процессу выздоровления общества, даже несмотря на переход от юридически оформленного политического террора к прямым актам насилия, что все так же практикуется в последнее время (мы имеем в виду, например, избивание председателя правозащитной комиссии петербургского «Мемориала» Б.П.Пустынцева весной этого года⁵).

Все это следует иметь в виду, когда вы слышите убедительные речи о приверженности европейскому пути развития посланцев нашей новой демократии, взыскующих кредитов и капиталовложений.

Октябрь 1992

Прошло несколько лет

Десять лет назад, когда в России наступил период нового парламентаризма, мало кто заметил, что бывшие советские политические заключенные, люди, всю жизнь положившие на сопротивление коммунистическому тоталитаризму, политически чуткие и активные, практически не приняли участия в государственных переменах. Они оказались не вовлеченными в процессы переустройств, а наиболее активные из них нашли себе место лишь на поприщах журналистики, правозащитной деятельности и исторических разысканий. Всплеск общественной активности востребовал большое число новых людей, для которых предыдущей истории как бы и не существовало, а предшественники по противостоянию старому режиму казались ископаемыми пережитками Гулага, главной же задачей для них было отбросить старое и повести страну к новой жизни в очевидное и светлое демократическое будущее. Произошел резкий разрыв с традицией сопротивления, нашедший свое выражение даже терминологически. Именно в это время те, кто традиционно считались левыми, стали именовать себя правыми, правые стали называться левыми, а политические активисты последнего призыва стали представлять себя обществу демократами первой волны.

Прошло всего несколько лет, и выяснилось, что истинная суть происходящих событий не осуществление прогрессивных

⁵ В ночь на 23.03.1992 двое неизвестных напали в парадной дома на Б.П.Пустынцева. Б.П. был доставлен в отд. глазной хирургии Куйбышевской больницы. Проверку вело 6-е отд. милиции Калининского р-на Ленинграда, уголовное дело возбуждено не было.

преобразований, а углубление процесса моральной деградации общества и дальнейший распад государственного организма, что осуществление принципов политической демократии привело не к установлению гражданского общества, а лишь к легализации конкурентных групп чиновников, соперничающих друг с другом. Давно было сказано в «Поучениях Хикара» (Вавилон, VIII век до н.э.): «Когда страна процветает, в ней много садов и героев, а когда клонится к упадку – только пыль и много начальства». И, действительно, все новые и новые конstellации чиновных звезд восходят на наших небесах. В этих обстоятельствах неучастие в государственном строительстве оказалось разумным, хотя зачастую инстинктивным выбором. Когда происходит крах империи, содействовать этому безнравственно, а противостоять бессмысленно. Именно паладины национальной государственности, будучи носителями гена исторической обреченности, и оказались в наших условиях инициаторами процессов деградации (вспомним разрушение бюджета антиалкогольной кампанией, провокацию августа 1991, бессмысленный выбор внешнеполитических приоритетов сегодня и многое другое). С другой стороны, приложение критериев политического опыта развитых стран к описанию происходящих в стране событий, ставшее нормой официального политического жаргона, привело лишь к еще большему непониманию происходящего в собственной стране. Утраченное процветание предполагается искать там, где светло, а не там, где оно было потеряно.

В этих обстоятельствах полуинстинктивный выбор бывших политзаключенных приобретает иной смысл.

Июнь 1999

Самодеятельные общественные организации как фактор исторического процесса: проблемы типологии и периодизации¹

Мы будем рассматривать коммунистический период истории России идеологически законченным, так как даже при реставрации старого режима трудно ожидать возвращения коммунистической идеологии как государственной. Сейчас имеется уникальная возможность совместить взгляд на историю СССР извне с неутраченным пониманием внутренних процессов советского общества. Находясь на пороге освоения большого массива новых источников, которое может привести к существенному изменению наших взглядов и представлений, мы должны фиксировать итоги того понимания политической истории страны, которого мы достигли при работе с доступными источниками (в основном с личными архивами, мемуаристикой, результатами опросов и устной историей) предшествующего периода.

Нас, прежде всего, интересует суть процессов, которые привели к внутреннему краху коммунистической идеологии в тотально идеологизированном государстве, и история самодеятельных политических и общественных организаций, сопровождавших коммунистический режим в течение всех семидесяти лет его существования, выявляет внутреннюю его эволюцию самым непосредственным образом. Изучение этой истории сразу же обнаруживает, что обычная периодизация политической истории СССР (по «царствованиям» генсеков и по ключевым событиям внешней истории) не является продуктивной в рассмотрении нашей темы и не выявляет этапных моментов в истории эволюции режима.

Нам представляется правильным найти и установить основные периоды становления и самораспада коммунистического тоталитаризма по изменению характера противостояния режиму как важного, хотя, разумеется, не единственного исторического критерия.

¹ Доклад на конференции «Диссидентское движение в СССР. 1950-е – 1980-е годы. Предмет исследования: Источники: Методика изучения». Москва, 24–26 августа 1992. Учредитель – НИИЦ «Мемориал» (Москва).

Диссидентство, т.е. независимое общественное движение сопротивления коммунистическому режиму, принявшее форму открытых протестов и обращений к советской и мировой общественности периода 1965–1987, можно понять лишь в общем контексте истории сопротивления тоталитарной системе СССР. Теперь уже несомненно, что такое сопротивление существовало в течение всего советского периода, являясь составной частью политической истории СССР, и проблема исторической науки на том уровне незнания, на котором мы находимся, заключается, в частности, в том, чтобы наметить, хотя бы вчерне, основные подходы к описанию этого явления в целом.

Предметом нашего рассмотрения будут независимые политические и общественные объединения, то есть, группы людей различной степени социальной связности, осознающие себя оппозиционными или независимыми по отношению к существующей власти и официальной идеологии и пользующиеся для выражения своих взглядов политическим языком. Мы исключим из рассмотрения группы сугубо религиозные и национальные и ограничимся лишь теми, кто формулировал свои установки как политические или общественно-значимые.

Противостояние режиму, как отмечал еще Р.И.Пименов², проходит этапы личного нравственного сопротивления (выражающего себя в индивидуальных актах нонконформизма), общественного движения (где имеет место выработка коллективистской идеологической основы) и политического движения. В советской истории этап политического движения оппозицией был достигнут лишь в самые последние годы и по существу выходит за границы рассматриваемого периода. История же оппозиции как общественного движения является совершенно самостоятельной частью политической истории, которую мы будем изучать с указанными ограничениями.

Для того чтобы обозначить основные вехи периодизации этого явления, мы должны выявить хотя бы грубо и со всеми оговорками на неполноту нашего знания типологию самостоятельных политических организаций. Эти организации можно назвать политическими лишь условно, так как они не ставили, как правило, своей целью достижение ограниченных политических результатов, а претендовали на трансформацию общества в целом. В сущности это были организации идеологиче-

² Пименов Р.И. Как мы побеждали. 1990. (Рукопись. Архив НИЦ «Мемориал»).

ского сопротивления в идеологическом государстве и их классификацию следует производить по идеологическим критериям, прежде всего по отношению к государственной идеологии СССР.

Продуктивно выделить два типа оппозиционных течений: внешние и внутренние по отношению к государственной идеологии.

Группы внешней оппозиции основываются на идеях и концепциях, не признаваемых государственной идеологией за ценностные, как бы популярны во внешнем мире они ни были. Для нашей страны это главным образом группы и движения, восходящие к дореволюционным и современным европейским партиям и течениям без всякого различения на правых и левых. Чрезвычайно распространенные в 20-е годы, они систематически уничтожались репрессивными органами. Все попытки установить взаимопонимание с режимом апелляция к родственным тенденциям в самой коммунистической идеологии (для социал-демократов это был принцип коллективизма, для церковных течений – евангельский коммунизм, для правых – державный принцип) полностью отменялись как противоречащие коммунистической монополии на идеологию. Отсутствие точек соприкосновения с идеологическим языком страны вело к изоляции этих групп. И хотя образование их не прекращалось никогда, к началу 30-х годов они превратились в периферийное явление. В последующие годы самостоятельные политические организации внешнего типа продолжают существовать, но при этом они полностью отказываются от поисков контактов с режимом и превращаются в строго нелегальные антикоммунистические организации, обычно восходящие к эмигрантам и реэмигрантам (например, общество «Русь» – Пермь, 1947, или вся деятельность НТС в СССР до конца 80-х годов).

Группы внутренней оппозиции базируются на ценностных установках государственной идеологии. Какими бы демагогическими для режима ни были эти ценности, апелляция к ним давала возможность оппозиционным политическим группам говорить на языке власти и общепринятого словоупотребления. Основная суть их идеологических построений – фиксация противоречий между декларированными коммунистической идеологией ценностями и практикой построения социализма в СССР.

Сначала оппозиция такого рода носила достаточно легальный внутривнутрипартийный характер, после 1927 года внутри-

партийная оппозиция стала нелегальной, и в начале 30-х годов мы уже знаем о появлении нелегальных групп Сырцова–Ломинадзе (1930), Рютина (1932), Смирнова–Эйсмонта (1932). Эти организации ставили своей целью изменение партийной политики и организацию государственной жизни в менее тоталитарном и деспотическом духе при сохранении руководящей роли партии. Событие 1 декабря 1934 года, по-видимому, покончило со значительными организациями этого типа. Однако о существовании оппозиции внутреннего и при этом внутрипартийного типа мы знаем и в последующие годы (группа Л.Н.Краснопевцева в 1950-х годах, деятельность Р.Медведева и др.). Идея контролируемой партией перестройки больше всего соотносится с идеями именно этого периода.

Уже с начала 30-х годов (примерно с периода коллективизации) по имеющимся источникам мы начинаем фиксировать наличие самой распространенной формы оппозиционных групп в СССР – самостоятельных политических организаций внутреннего типа, но внепартийных (или смешанных), ориентированных на различные формы демократического или либерального социализма, часто, хотя и неточно называемых «марксистскими» (сюда же относятся организации «третьего пути», восходящие к Кронштадту 1921 года). Например, для Ленинграда 1932–1933 годов нам известны организации: «Социалистический студенческий союз», «Ленинский союз», «Все-российская национально-демократическая партия прогрессистов», «Путь Ленина», из которых, даже судя просто по названию, по крайней мере три относятся к социалистической оппозиции. Даже на 1937 год известно о существовании студенческой группы «Народ». С начала 1940-х годов эти организации (в основном студенческие и школьные) становятся массовым явлением, как в Москве, так и в провинции. В основном это группы, придерживающиеся антисталинской ориентации, чаще всего они формулируют свои идеи с помощью марксистской фразеологии, большинство из них декларирует необходимость демократических преобразований в стране и либерализации государственной политики в отношении простого человека. Сам беспартийный или смешанно-партийный состав этих групп свидетельствует о покушении на партийную монополию власти.

В отношении народного хозяйства они ориентированы в 1930-е и 1940-е годы на нэп, в 1950-е – 1960-е – на югославский вариант или на венгерские «рабочие советы». В целом это наиболее распространенная и самовоспроизводящаяся

форма самостоятельного политического объединения в СССР. Последние известные нам группы этого типа относятся к началу 1980-х (группа Кагарлицкого, Москва, 1981; группа Разлацкого, Куйбышев, 1982).

Особенностью этих групп было то, что они строили свою идеологию на доступных подцензурных источниках. В их идеях изначально присутствовала имманентная противоречивость, которая отражалась в официальных документах в виде несколько бессмысленных формул характеристики этих групп как «право-левых», «троцкистско-бухаринских», «ревизионистски-догматических». Эта противоречивость была вызвана попытками этих организаций совместить требования политической свободы с требованием социальной справедливости, т.е. сформулировать основные требования демократического социализма, что, как показывает опыт, вело к их внутренней нестабильности. Естественным путем эволюции этих групп, вне зависимости от их раскрытия политической полицией, был распад с дальнейшей ориентацией участников на более классические идеологические схемы, но внешнего типа. Устойчивость тенденции к появлению таких групп при их внутренней нестабильности сама по себе представляет проблему, требующую самого внимательного изучения.

Здесь нужно отметить, что сама государственная идеология в СССР также была подвержена изменениям. Для нашей темы является существенным, что государственная идеология СССР полностью совпадала с коммунистической идеологией лишь до середины 40-х годов (строго говоря, лишь до Брестского мира, но расхождения были еще невелики), когда в силу внешнеполитических причин, связанных со Второй мировой войной, она включила в себя признание некоммунистических общественных ценностей: патриотических и национально-религиозных (что было необходимо для мобилизации собственного народа) и гуманистических (что было необходимо для установления союзнического контакта с западными демократиями). И хотя уступки были вынужденными и воспринимались режимом как чуждые, эти ценности были включены, хотя бы как периферийные, в официальный идеологический свод, что давало возможность политической оппозиции апеллировать к этим ценностям, оставаясь внутри государственной идеологии. И если поначалу такая апелляция казалась экзотическим явлением (организация «Гражданский союз» в Озерлаге в 1958 году, сделавшая своей программой «Декларацию прав человека», или деятельность А.П.Скрипниковой в

Сиблаге в 1957–1958 годы с обращениями в ООН), со временем именно эта тенденция оказалась доминирующей, став основной установкой диссидентского движения, начавшего складываться в 1965 году и полностью сформировавшегося к 1968.

Для диссидентского движения гуманистические ценности в форме защиты прав человека стали основным содержанием деятельности. Диссидентское движение через сам- и тамиздат сделало правозащитные принципы общеизвестными, и даже после полицейского подавления движения в 1980–1982 годы его наследие оказалось усвоенным обществом в целом, обеспечив идеологическое оснащение посткоммунистической эпохи.

Подводя итоги нашему рассмотрению, можно сформулировать, что история самодеятельных политических организаций грубо может быть разбита на три этапа. Первый этап – доминирование организаций и групп внешнего для государственной (она же коммунистическая) идеологии типа. Это период 1920-х – начала 1930-х годов. С начала 1930-х годов до середины 1960-х – доминирование организаций внутреннего для государственно-коммунистической идеологии типа (групп демократического социализма). С середины 1960-х годов – доминирование организаций внутреннего для государственной (но не коммунистической) идеологии типа. Группы демократического социализма прослеживаются с 1921 до 1982 года и являются, несмотря на свою внутреннюю нестабильность, самым воспроизводимым типом оппозиционных организаций СССР.

Что нам может дать эта типология и эта периодизация? Прежде всего, она должна удержать нас от следования штампам политической публицистики и от влияния распространенных политических мифов. Например, от следующих.

1. Важные для политической истории СССР даты, такие, как 1924, 1929, 1937, 1953, 1956 годы, оказываются малозначимыми в истории политической оппозиции. Типология оппозиционных организаций при переходе через эти даты не меняется, хотя для индивидуальных биографий и мотивировок участников они имеют большое значение. Переломными в истории политической оппозиции оказываются 1932–1933 годы (в эти годы зафиксировано массовое возникновение групп социалистической демократии, по-видимому, на волне коллективизации, что косвенно подтверждает появление предтеч групп «третьего пути» в 1921 году как реакции на продрозвер-

стку) и 1965–1968 годы (когда складывалось диссидентское движение).

По существу, эти годы отмечают рубежи входа страны во внешнеполитическую изоляцию (в начале 1930-х, после входа мирового хозяйства в кризис и провала попыток воздействия на внутреннюю политику СССР, руководство компартии впервые почувствовало, что может начать строить свою внутреннюю политику без учета внешнего фактора) и выхода из внешнеполитической изоляции (в середине 1960-х на волне успехов в космосе и в стратегических вооружениях оно перешло к активной внешней политике), и типология политической оппозиции прежде всего отражает степень изоляционизма страны и включенности ее в мировой исторический процесс.

2. Миф о диссидентстве как об антитезе нелегальности. С развиваемой нами точки зрения, для диссидентского движения существенной является именно ориентация на ценности внутригосударственной, но не коммунистической идеологии, позволившие ему существовать в узком диапазоне допустимого, но нежелательного для режима. Обычно упоминаемые в этом ряду требования соблюдения социалистической законности и подчеркнутая легальность относятся к частным тактическим приемам и не выражают существа явления. Успешность апелляции к советским законам зачастую сводилась на нет изменениями законодательства, не сказываясь на движении как таковом. Фактическая нелегальность ряда предприятий сопровождала всю историю диссидентства, камуфлируя себя под «анонимность» при необходимости. Впрочем, для индивидуальных судебных участников диссидентского движения переход от нелегальности к легальности был чрезвычайно важен, что впоследствии и привело к избыточной оценке этого тезиса.

3. Миф о «шестидесятничестве» как об особом времени и особой общественной идеологии. Как мы видели из предыдущего рассмотрения, идеи социалистической демократии и трансформации общества стали доминантными в политической оппозиции в 1930-е годы, а идеи этой трансформации под эгидой коммунистической партии относятся к первой половине 1930-х годов, куда собственно и восходит идеология «перестройки»³ Популярность этого течения в 1960-е годы в подцензурной литературе относится скорее к истории конформизма, а не к истории развития политической мысли в стране. В истории политической оппозиции 1960-е годы – это

³ См. также с.120 наст. изд.

годы смены парадигм, и они меньше, чем какие-либо другие, могут характеризовать состояние общественного сознания.

Грядущее освоение новых источников, по-видимому, внесет уточнение в нарисованную картину, и многое мы увидим иначе, но сам опыт осмысления истории по состоянию на наше время входит – как составная часть – в историю общественной мысли, и поэтому мы видим необходимость его формулировать.

Август 1992

Россия и Германия

В последние два-три года общественность России и Германии обеспокоена ростом правоэкстремистских течений и групп. Конечно, политический экстремизм, правый и левый, и раньше присутствовал на европейской сцене, но в условиях политической и экономической стабильности Западной Европы его влияние было невелико, даже несмотря на мощную поддержку с Востока, в самой же Восточной Европе тоталитарный режим загонял любые неофициальные общественные движения, в том числе экстремистские, вглубь, не давая им выйти на поверхность. Все изменилось с крахом коммунистической системы. Выяснилось, что подавление общественной жизни в СССР и странах Восточной Европы привело к тяготению общественного сознания к экстремистским формам решения политических проблем при полной непопулярности умеренных и либеральных решений в условиях неразвитой демократической традиции. Многочисленные социальные проблемы этих стран (инфляция, безработица, психологический шок от прекращения политики государственного патернализма) стали питательной средой политического экстремизма.

В Германии развитию неонацистских и шовинистических тенденций на территории бывшей ГДР противостоит демократический опыт Западной Германии, и тем не менее развитие событий вызывает серьезные опасения общественности. Правоэкстремистские организации уже насчитывают 40 тысяч активных членов, и, по словам господина Енса Райха¹, активиста движения за гражданские права, «настроение населения бывшей Восточной Германии сегодня очень напоминает то, которое преобладало в период экономического кризиса 1929 года». Немецкий народ и немецкое правительство начинают осознавать появление угрозы справа. Создается пять земельных филиалов федерального ведомства по охране конституции, в Саксонии организовано специальное полицейское фор-

¹ Jens Reich, профессор, врач, общественный и политический деятель Восточной Германии. Соучредитель «Нового форума» (сентябрь 1989), депутат Народного собрания ГДР (03-10.1990), председатель восточной секции IPPNW «Врачи за социальную ответственность» (1990-1992).

мирование для контроля за деятельностью правых экстремистов, в Мекленбург-Померании и в Бранденбурге учреждены межминистерские комиссии для информирования новых граждан страны (особенно молодежи) с целью снижения уровня ксенофобии.

В России, где нет амортизатора, в отличие от Западной Германии, а к социальным проблемам, вызывающим недовольство значительного большинства населения страны, добавляются проблемы распада империи с их этническими конфликтами и отсутствие либерального опыта в течение уже трех поколений, рост право- и левозэкстремистских тенденций носит взрывной характер. Парадоксальность ситуации заключается в том, что неолевые и неонацисты, декларируя себя «защитниками отечества», совмещаются, образуя новое течение национал-большевизма, уже сейчас способное собрать в Москве пятидесятитысячный митинг² против политики реформ, на котором знамена с серпом и молотом мирно уживаются со стилизованной свастикой.

В России, как и в Германии, диапазон шовинистической и нацистской идеологии весьма широк. Имеются организации, которые клеймят большевизм как «заговор мирового еврейства», но их более прагматичные союзники напротив ставят большевизму в заслугу сохранение империи и противостояние Западу. Именно эта тенденция сейчас становится ведущей, и именно в рамках этой тенденции возникает тема союза нацистской России с завтрашней нацистской Германией, скинувшей оковы «гнилого либерализма, навязанные ей Западом». С этой точки зрения война между гитлеровской Германией и сталинской Россией рассматривается ими как величайшая ошибка истории. С.Жариков³, ближайший сподвижник В.Жириновского, пишет в своей газете (март 1992): «Наш главный союзник и наше будущее сегодня – Германия, поскольку с Германией нас объединяет и Кровь, и Почва – два главных принципа образования союзов». Вероятно, в ближайшем будущем мы станем свидетелями совместных конгрессов и установления немецко-русских нацистских союзов.

² Митинг на Манежной площади (Москва, 11.01.1992), был организован движением «Трудовая Москва» и РКРП, около 50 тысяч человек вышли с требованиями восстановления СССР, шли под лозунгами «Власть трудящимся».

³ Жариков С. – член центрального аппарата ЛДПР, соредатор газеты «Сокол Жириновского» (до ноября 1992), в 1993 основал право-радикальную партию (ПРП), редактор журнала «Атака».

Имея в виду эту опасность, Санкт-Петербургское общество «Мемориал» обращается к демократической общественности Германии с предложением сотрудничества между нашими народами для предотвращения нацистской угрозы. К сожалению, в нашей стране за годы коммунистической диктатуры ослаб иммунитет к политическому экстремизму. Сейчас нам особенно необходим опыт Германии по переходу от гитлеровского тоталитаризма к правовому государству. Общество «Мемориал», представляющее интересы жертв политических репрессий всего советского периода, объединяет людей, лучше других знающих, что происходит, когда идеи насилия становятся господствующими в стране. Именно поэтому нам естественно выступить с инициативой по организации предотвращения грядущей опасности. К сожалению, мы можем рассчитывать на поддержку лишь групп энтузиастов и части депутатского корпуса, отдающей себе отчет в значении усиления экстремистских сил. Правительственные органы, призванные не допускать политического насилия, в настоящее время уже доказали свою неспособность и нежелание бороться с правоэкстремистской угрозой, что не удивительно, поскольку КПСС и КГБ, как мы полагаем, стояли у истоков ряда местных шовинистических организаций, а большинство их работников продолжает свою деятельность в новых структурах власти.

Мы должны помнить, как Сталин и Гитлер помогли друг другу установить режимы государственного насилия. Пока существует новая опасность возникновения террористических структур власти в наших странах, пока не создан новый союз диктатур, мы не можем бездействовать. Мы уверены, что пришла пора объединить наши усилия.

1992

Этюд об оптимизме

Сучья война как парадигма современного политического процесса

Сложный и опасный период политической жизни страны, в котором мы оказались в последнее время, породил постоянную потребность в реальных политических прогнозах, а вместе с этим – интерес и к тому, что долгое время было на задворках общественного сознания, – к социальным теориям общества. Тут-то и обнаружилось, что все разновидности марксизма дискредитированы, западная социология практически неизвестна никому, да и надежд на ее применимость к нашей фантастической реальности мало, астрология хороша на кухне, но недостаточно убедительна. Надо было что-то делать, слова «социализм», «административно-командная система», «бюрократия» стали расхожими терминами. В конечном счете опыт прожитого семидесятилетия оказался уникален и не сводим к набору известных аналогий из европейской политической истории, а суть своеобразия нашего государственного устройства – в тотальности государства, в принятии его в качестве псевдорелигиозной сверхценности. Иные тоталитарные государства все-таки признавали нечто вне и выше государства – «кровь и почву», например, наше же знало лишь свои собственные интересы и за власть готово было заплатить любой кровью и любой почвой (Брестский мир). Но государство – это всего лишь абстракция, и когда мы говорим о государстве, фактически мы имеем в виду тех людей, которые им управляют. Начнем исходить из этого и зададимся простым вопросом из области социальной психологии. Каков источник психологии тотальной власти, и чему такая психология соответствует? Если рассмотреть известные нам исторически сложившиеся социальные группы, то не покажется удивительным, что психология «беспредела» характерна в полной мере лишь для отношений воровского сообщества, «блатной кодлы» к внешнему «фраерскому» миру, отношений, которые не предусматривают никаких, даже формальных, ограничений, в отличие, например, от военных действий, такие ограничения предусматривающих. Идентичность системы отношений во-

ры ↔ мужики и партия нового типа ↔ народ просто бьет в глаза. И это не случайный казус, а выражение глубокого соответствия, связанного с самыми основами социума – с ценностными установками, принятыми обществом, с его идеологией и метаидеологией. Любой разговор об экономике и хозяйстве так или иначе связан с иерархией ценностей, принятых данным сообществом.

Поясним это на примере. Ясно, что в хозяйственной системе общины кришнаитов сырая морковь – более ценный продукт, чем вареная картошка, а вареная картошка более ценна, чем жареное мясо. Но командир дивизии, организующий подсобное хозяйство своей части, наверное, будет придерживаться иной ценностной пирамиды.

Переходя непосредственно к нашему вопросу, следует отметить, что идеализация разбойничества свойственна не только героическому романтизму, лежащему в основе революционного мировоззрения, она, вообще говоря, является обычной компонентой народного сознания, и здесь помимо собственных Разиных можно напомнить и о европейских Робин Гудах. В благоприятных условиях такая идеализация вполне может послужить основой принятия разбойничьей психологии за нормативную (обычно этому противостоят религиозные установки и ценности). Для России же эта опасность как реальная ощущалась уже давно. Здесь в первую очередь нужно вспомнить Пушкина с его особым вниманием к пугачевщине и страхом перед возможным появлением «Пугачева из русского университета», постоянно возвращавшегося к этой теме. Алеко, Дубровский, Швабрин – эволюционный ряд прототипов героев революции.

Философия разбойничьей вседозволенности была сформулирована большевиками уже в революцию 1905 года, а дальнейшая практика «экссов» лишь укрепила ее. Завоевав государственную власть, большевики сразу заявили себя носителями психологии ничем не ограниченного и теоретически обоснованного произвола.

Знание того, что многие из них были лично порядочными и образованными людьми (впрочем, и прямых бывших уголовников было достаточно) ничего не опровергает, так как личная порядочность этих людей имела место лишь «среди своих», по отношению к внешнему миру они были безжалостны и не стеснены, т.е. проявляли себя как носители собственного «закона». Но власть, принявшая психологию разбойничь-

ей шайки, оказывается вовлеченной в соответствующий естественный ход событий.

Если проследить за отечественной историей с этой точки зрения и в терминах лагерной и блатной терминологии, то мы сможем обнаружить некоторые любопытные явления, знание которых может быть нам полезно и сегодня. Так, история террора двадцатых и начала тридцатых годов – это приведение в повиновение «мужиков» и «фраеров» с целью ликвидации самих помыслов о сопротивлении. «Деньги ваши – будут наши» и «не тебя гребут – не подмахивай» – фактически это все укрепление завоеваний великой революции. Разумеется, при работе с большим скоплением публики необходимо, чтобы напарник отводил глаза обещаниями каких-либо выгод. Тут деятельность идеологического аппарата и пропаганда «страны дураков» с ее райскими кущами, молочными реками и кисельными берегами была как нельзя более уместна.

Тридцатые годы связаны с двумя важными процессами. Во-первых, привлеченная по необходимости к соучастию во власти масса приблатненных фраеров, «полуцвета» (людей, отказавшихся от примата нравственных норм, т.е. принявших принципы воровской морали, но не входящих в кофлю как таковую – по Орвеллу, «внешняя партия»), чьими руками все и делалось, была очищена от тех, кто всерьез воспринял весь этот «понт» насчет земного рая («левых коммунистов»), и от тех, кто всерьез воспринял свою роль в партии и государстве («правых коммунистов»), дисциплинирована и приведена в повиновение паханам. Во-вторых, был начат поиск контакта с реальным низовым воровским миром. Тезис о социально-близких, звучавший еще с двадцатых годов, был развит. Культура сама собой сориентировалась на героизацию блатного мира. Но контакта в целом не произошло. Воровской мир, получая свои блага и льготы в лагерях, т.е. истинных ареалах своего существования (гражданам это было мало заметно), на союз не шел.

Интересно, что в 30-е годы аналогичная проблема существовала и в США. Возникшая организованная преступность искала контактов с органами власти (что, собственно, и означало становление мафии), но находила их лишь в небольшом объеме. Как обычно, процесс, который в европейской традиции развивался снизу вверх, в российской традиции шел сверху вниз, от правительства («единственного европейца»).

Все изменила война. Отправленные на фронт из лагерей вору вернулись запятнавшими себя сотрудничеством с вла-

стями, «суками». Тут в конце сороковых годов и произошло наиболее значительное событие в советской истории – «сучья война» (война на уничтожение между «ворами в законе», отвергавшими любой альянс с начальством, с «ментами», и более прогрессивными «суками», такой альянс признававшими). Война была долгой, жестокой, кровопролитной и окончилась победой сук. Как всякое действительно уникальное и поворотное событие, она осталась не замеченной современниками. Значение ее оказалось колоссальным (фактически это было завершение революции, начатой в 1917). Отныне начала осуществляться прямая смычка между аппаратом власти и преступным миром (т.е. между двумя кодлами). С конца сороковых – начала пятидесятих годов мир начальства, мир «блата» стал эквивалентен «блатному» миру (как в физике инерционная масса оказалась эквивалентна гравитационной). В шестидесятых и семидесятых сложилась устойчивая система симбиоза воровской системы распределения с коррумпированным политическим аппаратом. Но мафиозные структуры, как мы знаем по опыту Запада (например, по истории взлета и упадка италийской мафии в США), устойчивы только в течение двух поколений, а далее начинают разрушаться с тенденцией выхода в нормальную экономику.

В наших условиях механизм разрушения сложившихся форм воровства оказался связан со структурными изменениями. Дело в том, что кодла функционировала в виде партхозаппарата. Причем партийная, идеологическая, политическая власть находилась в прямом контакте с воровской распределительной системой, хозяйственные же структуры были связаны с ней поначалу косвенно. Однако подпольное производство все время росло, и когда естественным образом начали развиваться тенденции выхода в нормальную экономику (существующую, разумеется, за границей, а не внутри страны), реальные преимущества получила хозяйственная элита. Так возникло понятие перестройки, означающее вполне реальную вещь – подвижку власти от партхозаппарата к хозпартаппарату. Задача хозаппарата оказалась облегчена и тем, что «политики» предыдущего поколения бездумно объявили мужикам даты установления земного рая, и теперь, по прошествии установленных сроков, их наследникам пришлось провести замену идеологической системы. И хотя провести смену идеологии оказалось несложно, альтернативная иерархия, которую можно было призвать, уже существовала (православная церковь уже давно была приведена в повиновение злодеям, а для

оправдания нищеты она годится намного больше, чем догматы о грядущем изобилии), собственные идеологически мотивированные позиции политической власти оказались подорванными. Необходимость более тесных связей с внешним рынком вызвала и осуществление некоторых косметических процедур имитационного характера («гласность», попустительство оппозиции и т.п.).

В целом же, оценивая эволюцию нашего социума, следует признать, что перестройка (и постперестройка) на деле означала следующий этап саморазвития блатного тоталитаризма – распространение сучьей войны на все общество в целом (т.е. осуществление тотальной криминализации общества). Результатом этой структурной передвижки явилось сращение «теневой экономики», воровского инобытия хозаппарата с мафиозными рэкетирами, традиционно тяготеющими к административно-политическим кругам. Для того, чтобы оценить ситуацию, как она выглядит сегодня, следует иметь в виду прежде всего принципиально имитационный, нетворческий характер всего жизнеустройства блатного мира. Основные функции – воровство, насилие, имитация – продолжают работать, как они работали раньше. Это означает, что основной формой хозяйственной деятельности реально может стать только распродажа ресурсов (тут богатство страны служит ей плохую службу), единственная в настоящее время возможная форма контактов с нормальной экономикой. Насилие как сущность и имитация как видимость останутся сутью политики реальной власти, которая все больше будет декорировать себя как административно-хозяйственная.

Все это очевидно и не стоило бы теоретизирований, если бы не одно существенное обстоятельство. Тотальность государственной структуры естественным образом привела к тому, что этими основополагающими воровскими принципами оказалось заражено все общественное сознание даже в самых далеких от воровских дел кругах. Мы знаем о моральной допустимости хищения у государства, принятой на всех этажах общества, о подозрительности и нелюбви к творческим и просто работающим одиночкам и т.д. и т.п. И даже зародившиеся в последние бурные годы общественные течения, пытающиеся осознать ситуацию в стране и по возможности оказать на нее благотворное влияние, оказываются пронизанными теми же принципами. Тут в качестве примера можно напомнить страсти об отъеме или разделе собственности КПСС («грабь награбленное») или то, что все основные направления общест-

венной мысли, объективно выражающие реальную ситуацию, связаны не столько с темой созидания, сколько с темой расточения (здесь нас интересует не объективная необходимость лозунга, а пафос как таковой): растраты человеческих ресурсов («свобода эмиграции!»), растраты территории («национальное государство»), растраты материальных ресурсов («совместные предприятия») или растраты и человеческих и материальных ресурсов («вернуться к доперестройке»).

Практически важным является установление возможности определения имитационного характера общественных структур. Сразу следует сказать, что критериев абсолютной подлинности не существует и существовать не может, так как все, что может быть формализовано, может быть и имитировано. Однако можно предложить, как узнавать структуры имитационные (мы говорим об имитационном характере вне зависимости от сознательных установок участников тех или иных общественных движений). Попросту там, где говорят об устройствах и систематически забывают говорить о ценностях, мы находимся в области общественных видимостей и не должны удивляться непродуктивности деятельности и отсутствию взаимопонимания. Здесь имеются в виду левые, которые говорят о демократии и не поминают о свободе, правые, которые говорят о церкви и не поминают о Боге, патриоты, которые говорят о нациях и не поминают о земле, консерваторы, которые говорят о профессиональности и не поминают о компетентности (здесь, наверное, необходимо пояснить, что у нас понятия «профессионал» и «специалист» совершенно неравнозначны, вспомним, что нами столько лет занимались именно профессиональные управители, сколько у нас было профессиональных маршалов, идеологов, сельхозначальников и т.п., были ли они специалистами – вот вопрос). Пожалуй, добавим сюда и коммунистов, которые говорят о партии и не поминают об объективных законах экономики, и получим весь спектр наших разномыслий, ведущих в никуда.

Полная криминализация общества, по-видимому, имеет два выхода. Первый вариант, известный из истории мафиозных структур западных стран, – это их саморазрушение при длительном контакте с нормальной экономикой и нормальной общественной жизнью. Имитация, становясь постоянной компонентой, рождает достаточно устойчивые островки возможного оздоровления общества, но обычно это дело нескольких поколений, причем полного устранения криминального элемента из жизни общества не происходит (Латинская Амери-

ка). Второй вариант, известный из собственной истории, это «рубилровка», т.е. взрывное уничтожение власти ссученной криминальной верхушки мужиками (необходимая компонента – присутствие военных, в нашей истории власовцев и бандеровцев), что ведет к распадению социума опять на «мужиков» и «воров», т.е. к разрушению тотальности (соборности) государства. Какой вариант предпочтет отечественная история – это предстоит нам узнать в самом ближайшем будущем.

Август 1991

Что делать с архивами КГБ?

24 августа Президент издал указ о передаче архивов КГБ в ведение архивных органов РСФСР, 27 августа общественная комиссия при депутатской группе опечатала помещения архивов ленинградского КГБ, 3–4 сентября 1991 года государственная комиссия по передаче архивов КГБ на государственное хранение, созданная распоряжением вице-мэра В.Н.Щербакова из работников архивной службы мэрии и сотрудников УКГБ уже без включения в ее состав представителей общественности, сняла печати с архивных помещений, после чего архив продолжил свою работу. Все проблемы, связанные с этими архивами, так и остаются нерешенными. Что передавать? На каких условиях передавать? Кто и как это будет решать?

Новый шеф союзного КГБ В.Бакатин, выступив по телевидению, сказал, что списки секретных агентов он не отдаст никогда, чтобы не разжигать общественных страстей. Однако в разъясняющей шифровке, пришедшей на места и подписанной Бакатиным, главой российского КГБ В.Иваненко и начальником Росархива Р.Г.Пихоя речь идет уже не просто о списках агентуры, устранены от передачи вообще все документы оперативного характера. Единственное, что предназначается к передаче, это следственные дела так называемого «уголовного делопроизводства» (сохраняющееся до сих пор официально-терминологическое лицемерие не знает никаких «политических дел» – это все дела «уголовные»). Но и они не все, а только те, по которым вынесено решение о реабилитации (и при этом более чем 30-летней давности), а это означает, что, например, дела 20-х годов, представляющие исторический интерес, окажутся под замком КГБ, так как о пересмотре их никто официально не заявил. А сколько таких дел, где родственники или потомки не догадались подать заявление или их вовсе нет? Все эти дела так и осядут в недрах Большого дома? Но и это не все. Шифровка предусматривает, что передаваться дела будут не просто после реабилитации, а после публикации об этом! Вспомним о списке четырех тысяч расстрелянных, что успела напечатать «Вечерка» за два года (из сорока тысяч расстрелянных в Ленинграде в период 1937–1938 годов), и давайте сообразим, через сколько же лет станут

8 годов), и давайте сообразим, через сколько же лет станут доступными и эти дела. Короче говоря, разъясняющая президентский указ шифровка, как это часто бывало и раньше, сводит решительный указ к простой декларации, потому что и шифровка. Кроме того, не упомянуты вообще, а тем самым оставлены «на усмотрение» такие документы, как приказы, нормативная документация, статотчетность и т.п., то есть все то, что характеризует работу КГБ как орудия политического террора.

Каков должен быть подход? Исходить здесь можно только из принципа неразделимости прав и ответственности. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ – это организация, которая совершила много тяжчайших преступлений против правосудия и против своего народа. Нынешние руководители и работники утверждают, что они не имеют ничего общего с преступлениями прошлого. Спросим их: с какого года деятельность КГБ можно не считать преступной? С 1956? Может быть, с 1985? А может быть, подождем до конца расследования обстоятельств переворота? При любом ответе на этот вопрос при существующем положении дел КГБ является правопреемником преступной организации (и по этой причине распоряжается всеми ее архивами, начиная с 1917 года) и тем самым несет полноту ответственности за все ее действия. Итак, одно из двух: или нынешний КГБ просто один из видов государственной полиции, тогда он не должен иметь отношения к «чекистским» архивам за весь период, признаваемый преступным, или КГБ сохраняет эти архивы, но тем самым признает себя орудием политического террора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тот, кто принимает наследство, принимает на себя и все обязательства по долгам.

Мы предлагаем решить проблему следующим образом. С участием КГБ определяется временной рубеж, с которого они готовы вести отсчет «обновления» КГБ. Все без исключения архивные материалы предшествующего периода должны быть переданы на государственное хранение. Служебные документы последующего периода должны будут передаваться в госархивы в зависимости от категории документов через определенные сроки, как это делается всегда и везде. Решение вопроса о категории хранения дел должно быть результатом решения вневедомственной комиссии, а не прерогативой КГБ.

И последнее. Решением вице-мэра создана государственная комиссия по передаче архивов во главе с начальником ар-

хивного управления мэрии В.Н.Пономаревым. Состав комиссии прост: половина состава – работники архивного управления, половина – работники КГБ. Плюс два депутата – один горсовета и один облсовета. Проведение такого акта, как передача архивов КГБ, по существу, доверена не заинтересованным в этом лицам: КГБ и архивному управлению. По этой причине «Мемориал» настаивает на включении в комиссию заинтересованных: представителей общественности (в первую очередь специалистов «Мемориала»), независимых исследователей, депутатов. Бакатин же, к которому по этому поводу обратились представители «Мемориала», высказался за привлечение общественности и «Мемориала» к этой работе, а мэр Москвы Г.Х.Попов создал комиссию по передаче архивов¹, состоящую лишь из работников архивного управления, депутатов, независимых исследователей и специалистов «Мемориала» под председательством Ю.Н.Афанасьева, вообще не включающую работников КГБ (они лишь привлекаются к работе комиссии). В нашем городе имеется достаточно квалифицированных и пользующихся общественной доверием специалистов для обеспечения эффективной работы санкт-петербургской комиссии, а для «Мемориала» эта работа – выполнение одной из важнейших уставных целей общества.

Октябрь 1991

ПРИМЕЧАНИЯ

Указ Президента РСФСР «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР» (УП№82от 24.08.1991): «В целях предотвращения незаконного уничтожения в РСФСР документов архивов Комитета государственной безопасности СССР, создания условий по использованию их для нужд науки и культуры РСФСР постановляю: Передать архивы центрального аппарата Комитета государственной безопасности СССР и его управлений в республиках в составе РСФСР, краях, областях, городах Москве и Ленинграде в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда <...>».

Ленсоветом была создана депутатская комиссия по расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Ленинграда во главе с заместителем председателя

¹ Распоряжение мэра Москвы №130-РМ.от 27.08.1991.

Ленсовета Б.А.Моисеевым. В составе комиссии была организована группа по проверке деятельности КГБ (председатель – народный депутат А.Р.Моторин). При депутатской комиссии распоряжением Б.А.Моисеева была создана рабочая группа по контролю за передачей архивов КГБ на государственное хранение. 27 августа 1991 года депутатская комиссия в сопровождении членов рабочей группы от «Мемориала» В.В.Иофе и В.Я.Гельмана встретились с руководством УКГБ ЛО (начальник УКГБ ЛО А.А.Курков), после чего в присутствии начальника архивной службы А.Н.Пшеничного были закрыты и опечатаны помещения архива УКГБ.

В последующие годы дела фондов проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) и прекращенных архивно-следственных дел передавались архивному управлению мэрии юридически без фактического перемещения документов из хранилищ архива УФСБ.

Стигийского воспоминанье звона

Все рано или поздно выходит наружу. Вот и «Господин народ»¹ не ошибся с духовными отцами перестройки. Действительно, именно группа Краснопевцева² – «первая ласточка перестройки». Это они, историки из МГУ, в 1956–1957 годы первыми сформулировали – и про хозяйственную реформу с социалистическим выбором под надзором центра и про либерализацию под присмотром компартии. И в те годы, когда генсек КПСС и председатель ВС СССР учили советское право на юрфаке МГУ, на истфаке вызревали эти многообещающие идеи будущих преобразований. Авторы, как водится, посадили, и надолго. Потом они освободились, «нашли свое место в жизни» (В.Арфимов), и никто и никогда не вспоминал в отечественной печати до поры о «Союзе патриотов» 1957 года. Но высказанные идеи не погибают, а со временем овладевают массами, а потом находят свои штыки.

«В судьбе этой группы, как в капельке, отразилась судьба всего нашего общества» – пишет «Господин народ», и он прав. Но, видимо, верно и обратное – и судьба «Союза патриотов» может послужить прообразом судьбы общества, решившего испытать рецепты 1957 года на деле.

Присмотримся и мы внимательней к капельке. Все десять лет, что теоретики из МГУ провели в Дубровлаге, они были в центре внимания мордовских политзон. Многих сейчас удивляют метания перестроечных властей, но... «До 1953 года Л.Н.Краснопевцев исповедовал ортодоксальный сталинизм. С 1953 по 1957 радикально изменил свои взгляды. На суде отрекся от них, “чистосердечно покайся”. В лагере тотчас взял раскаяние назад, о чем многократно делал устные и письменные заявления». Так позже писал о своем подельнике Л.Рендель³, к слову, в отличие от большинства своих коллег,

¹ Арфимов В. Первая ласточка перестройки // Господин народ (Москва). 1991. №2. С.11.

² Подробнее о группе Краснопевцева см.: С.Д.Рождественский [Иофе В.] Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.226–283.

³ Рендель Л. Китайцы это называют «Растирать грязь на лице» // Вольное слово. Вып.2. Франкфурт-на-Майне: Посев. 1972. С.113.

не нашедший после освобождения «своего места в жизни». Добавим к этому, что еще в 1960 году «Союз патриотов» совершил новый вольт, объявив о необходимости сотрудничества с администрацией лагеря и борьбе с «антисоветчиками».

Борьба велась методом публичных обличений, и многие «свободомыслящие» вынуждены были с подачи ревнителей «единственно научного мировоззрения» отправиться на штрафные кондиции (так, в частности, угодил на «штрафняк» и нынешний член ВС РСФСР М.Молоствов). А в 1967, за три месяца до освобождения Краснопевцева, в лагерной многотиражке «За отличный труд» появилась его статья под выразительным названием: «Выступление против партии есть измена коммунизму и революции», где предтеча перестройки писал: «Объединение с либерализмом оказалось прикрытием отказа от коммунизма... После долгих поисков и я нашел себя и пришел полностью после 1964 года [т.е. после прихода Брежнева] к коммунизму... Лишь восстановление связи с партией на деле, а не только, как сейчас, в мыслях, может снять тяжелый груз вины. Я верю, что рано или поздно это произойдет»⁴. С этим Л.Краснопевцев и В.Меньшиков покинули зону.

И вот теперь на страницы прессы после 25-летнего перерыва выпорхнули эти «ласточки перестройки». И мы должны снова погрузиться в мир партийного мышления, партийной борьбы, размежеваний и обличений. И теперь, когда, казалось бы, уже все ясно с перестройкой и ее ценностями и нет нужды возвращаться к ее предтечам, нам приходится касаться этой темы, потому что нужно защищать от НИХ людей. ОНИ не изменились, все так же любимое оружие – обвинения противников в сотрудничестве с чем-нибудь непотребным, то с ЦРУ, то с КГБ, в зависимости от конъюнктуры, типа тех, что обрушивает таинственный В.Арфимов на голову самого молодого и наименее ортодоксального члена группы В.Козового, в свое время служившего «приводным ремнем к студенческой массе» для мэтров «Союза патриотов». Насколько известно нам сейчас, Козовой был неосторожен в контактах с иностранцами на молодежном фестивале в Москве и арестован с запиской Краснопевцева в кармане. На первом допросе дал ненужные показания, но, видимо, не чрезмерные, так как основные аресты прошли только через две недели. Обеспечил себе тем вечную ненависть вождей, не умеряемую даже чувством возрас-

⁴ *Краснопевцев Л.* Выступление против партии есть измена коммунизму и революции // За отличный труд (Дубровлаг). 1967. 7 июня. №21/646. С.2.

тной ответственности (Козовой в ту пору был 20-летним студентом, вожди были аспирантами и преподавателями старше его на 7–12 лет).

Обвинения тех или иных людей в стукачестве были делом обычным, хотя и странным в устах людей, декларировавших необходимость союза с политической властью, а значит, и с «карающим мечом партии». Признавая свою быдую вредность для «дела коммунизма», они, казалось бы, должны быть только благодарны тем, кто помог их выловить, но тут уж логики не искать. Их принципиальный аморализм в пользу «дела коммунизма» и «партийных интересов», за которыми, как водится, скрывается неумеренное властолюбие «коммунистов в законе», и есть та неизменная основа, что составляла суть генеральной линии их богатой поворотами карьеры «ласточек перестройки».

А что касается перестройки, так живая природа, как известно, перестроек не знает. Сухое дерево назад не пятится, и смерть в жизнь не переделать, просто мы сейчас во времени, когда мертвые хватают живых...

«Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Слепая ласточка в чертог теней вернется,

На крыльях срезанных, с прозрачными играть.

В беспамятстве ночная песнь поется».

Февраль–март 1991

Встреча на Фонтанке – знак надежды

Рано еще подводить итоги только что состоявшейся встречи политзаключенных. Важно, что такая встреча могла состояться, важно, что бывшие политэзки, т.е. преждевременно и без разрешения начальства вольномыслящие люди собрались вместе после многих лет тюрем, лагерей, спецпсихбольниц и поднадзорной «вольной» жизни.

11–12 августа 1990 года в Ленинграде в Доме дружбы на Фонтанке состоялась первая общесоюзная встреча бывших политзаключенных 1953–1990 годов. Встречу организовали историко-архивная комиссия ЛО «Мемориал», Северо-западное отделение Советской социологической ассоциации при содействии Комиссии по правам человека Ленсовета. Необходимо отметить, что это не первое предприятие такого рода – региональные собрания и конференции политзаключенных уже имели место и ранее. Этой встрече предшествовала конференция политзаключенных Москвы и Ленинграда (около 40 человек¹), на которой, собственно, и было решено собрать в Ленинграде политзаключенных страны, используя благоприятную политическую ситуацию (Москва была признана менее удобным местом для приглашения участников национальных движений).

На разосланные оргкомитетом 450 индивидуальных приглашений политзаключенным (чьи адреса были известны) откликнулись и приехали в Ленинград 250 человек. Обозначение рамок встречи как «политзаключенные 1953–1990 годов» с самого начала носило несколько условный характер. Основной акцент был сделан не столько на временных границах, сколько на самом слове «политзаключенные», т.е., с одной стороны, на встречу были приглашены и принимали участие члены подпольных организаций конца 1940-х и начала 1950-х годов, подвергнутые арестам до 1953 года, а с другой стороны оргкомитет старался привлечь к участию тех, кто попал в заключение в связи с собственной активной политической или общественной деятельностью, а не просто всех репрессированных властью по политическим мотивам, хотя любой чело-

¹ 1989 год – встреча «паровозов». См. с.262 наст. изд.

век, бывший под арестом под предлогом «государственной безопасности», мог участвовать во встрече. Оргкомитет определил свою роль как чисто техническую, а потому не брал на себя право какого-либо отбора участников, полагая, что в таком собрании отбор произойдет сам собой.

И действительно те, чье присутствие могло вызвать трения и конфликты в последний момент не приехали, и встреча ознаменовалась лишь одним публичным разбирательством по поводу сотрудничества с КГБ. Не предусмотрена была (вполне сознательно) и программа работы. Имелось в виду, что собрание захочет и сможет само выработать такую программу. Было предложено подавать записки с темами и введено два ограничения: слово давать только бывшим политзаключенным (или их близким) и не касаться в выступлениях с трибуны истории собственных «дел». Все заявленные темы выступлений делились на три группы: участие бывших политзаключенных в политической жизни страны, положение бывших политзаключенных (правовое и социальное), положение с политзаключенными нынешними.

Во встрече на Фонтанке приняли участие люди с давно сложившимися политическими взглядами, зачастую диаметрально противоположными – «правые» и «левые» (при всей условности таких определений), активно участвующие в работе современных политических течений и групп. Наверное, только по такому поводу и можно было собрать столь разномыслящую аудиторию. В Ленинград приехали люди, для которых период азарта плюрализма и захватывающая острота политических дискуссий остались далеко позади, там, в политических зонах Мордовии и Перми, в камерах Владимира и Чистополя. Сейчас они с интересом и вниманием выслушивали друг друга, не удивляясь и не поражаясь разнообразием звучащих мнений. Не история страданий, а возможное участие в настоящем и будущем страны – таков был, пожалуй, лейтмотив большинства выступлений. Общность же судьбы в опыте противостояния тоталитаризму сказалась прежде всего в умении установить взаимопонимание. Редакционная комиссия, в которую вошли: член парламента России М.Молоствов, член парламента Украины Г.Алтунян, редактор газеты «Земщина» (Союза «Христианское возрождение») В.Осипов, председатель стачкома шахты Донбаса В.Очаковский, член Московской Хельсинкской группы В.Бахмин, член партии ДС В.Данилов, делегат от Литвы С.Стунгурис, – несмотря на явное несовпадение взглядов по целому кругу вопросов, доста-

точно быстро и уверенно сформулировала резолюцию, приемлемую практически для всех участников встречи². Вот она:

«Мы, участники встречи бывших политзаключенных СССР, отмечаем, что действующее законодательство допускает осуждение человека по политическим мотивам, что является грубейшим нарушением прав и свобод личности. Применение психиатрии в репрессивных целях является антигуманным. Следствие и правосудие, допускающее привлечение к уголовной ответственности и осуждение за политические убеждения, являются незаконными. Мы считаем, что Верховные Советы СССР и союзных республик должны:

1. Освободить всех узников, осужденных по политическим мотивам, без всяких условий.

2. В кратчайший срок принять закон о реабилитации всех лиц, осужденных по политическим, идеологическим и религиозным мотивам. Предусмотреть полную компенсацию, прежде всего за счет КПСС.

3. Рассмотреть вопрос о роспуске КГБ как организации преступной.

4. Отстранить КГБ от реабилитационного процесса, обеспечить контроль за сохранностью архивов и рассмотреть все документы, относящиеся к политическим репрессиям.

5. Восстановить в гражданстве всех лиц, лишенных его по политическим соображениям.

6. Законодательно запретить использование психиатрии в политических и иных репрессивных целях.

7. Установить контроль законодателя и независимых общественных структур за местами лишения свободы.

Мы, бывшие политзаключенные, поддерживаем борьбу за права человека, права наций и народов на самоопределение».

Осуждение репрессивной политики ВКП(б)–КПСС, направленной на подавление и искоренение всего живого и жизнеспособного на протяжении всей нашей «советской» истории, и преступной деятельности «карающего меча партии», ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ, уничтожавшего тело и растлевающего душу народов нашей страны, – это то общее, что соединяет всех честных людей, независимо от взглядов и верований, и такого единства не может вынести эта нечистая сила, которая предпочла бы, чтобы мы разбились на партии, партийки и фракции и до бесконечности спорили бы и выясняли

² Отдельными группами политзаключенных были приняты и дополнительные резолюции уже по политическим направлениям (*Прим. автора*).

отношения, забыв про них. Политзаключенным эта повадка «разделять и властвовать» знакома вполне.

Имея это в виду, любопытно проследить за эволюциями органа обкома КПСС газеты «Ленинградская правда», сопровождавшими встречу. Сначала там прошла просто дезинформация: «встреча правозащитников сталинского(!) периода», «приглашаются все желающие»³, и т.п. со ссылкой на якобы имевший место разговор с одним из членов оргкомитета. Через два дня было дано опровержение⁴, но след уже оставлен. Затем, к началу встречи, появилась публикация с попыткой представить встречу политзаключенных после 1953 года за нечто, направленное против репрессированных сталинского времени и чем-то даже обидное для них⁵. Любопытно, что такая трактовка пришла из недр «Ассоциации жертв необоснованных репрессий 30-х – начала 50-х годов», во время последней избирательной кампании выделившейся из «Мемориала» в связи с его «избыточной политизированностью» и нежеланием быть в одной организации с «диссидентами». И наконец, сразу после окончания встречи появляется целый подвал с обвинениями в адрес тех, кто в зале Дома дружбы обижает коммунистическую партию⁶. Здесь автором выступил один из участников встречи, который был обвинен в секретном сотрудничестве с КГБ и которому действительно не дали закончить выступление после того, как он попытался опорочить память одного из наиболее достойных правозащитников 70-х годов – В.Некипелова. Уместно, наверное, добавить, что обвинения «Ленправды» в «призывах к насилию» и в «нападках на русский народ» (стандартный обвинительный набор последнего времени) – ложь. Ничего подобного не звучало и не могло звучать в выступлениях бывших сочленов многонационального лагерного братства.

Стоит отметить наиболее важные из затронутых проблем. Одной из наиболее острых оказалась проблема участия бывших политзаключенных в новых государственных структурах. Одни (позиция, наиболее ярко заявленная Р.И.Пименовым) полагали, что, поскольку происходящие в последнее время в стране перемены являются следствием деятельности политической оппозиции последних десятилетий и воплощают мно-

³ Ленинградская правда. 1990. 21 июля. С.4.

⁴ Там же, 24 июля. С.4.

⁵ Там же, 12 августа. С.1.

⁶ Там же, 15 августа. С.2.

гие из идей оппозиции (что несомненно), то можно говорить «о нашей победе» и потому участие бывших политзаключенных в развитии новых государственных форм естественно и необходимо. Другие (позиция, наиболее ярко заявленная В.И.Новодворской) считали, что, поскольку все перемены ведутся и контролируются коммунистической партией, чья сущность преступна, то основная цель их лишь в том, чтобы сохранить власть компартии над страной (что также трудно оспорить), а потому бывшие политзаключенные не должны принимать участия в деятельности государственных органов, украшая фасад все того же гнилого здания, и те из вполне достойных людей, которые на это идут, совершают политическую ошибку. И наконец, была представлена третья точка зрения на эту проблему, высказанная В.Н.Осиповым и представляющаяся нам наиболее взвешенной. Она сводилась к тому, что о новых органах власти мы можем судить по тому, как они привлекают к участию в своей работе бывших политзаключенных. Здесь имеются в виду именно структуры исполнительной власти, а не законодательной, куда многие из присутствовавших и так вошли в результате выборов⁷. Включение бывших политзаключенных в рабочие органы администрации может лучше всего показать, насколько реальны заявленные обещания обновления политики. И здесь дело не во взглядах и не в особых талантах бывших политзеков, а в их проверенной независимости от «авторитета власти» и неприятию тоталитаризма во всех формах.

Вторая болезненная проблема, затронутая на встрече, – это проблема реабилитации. Она непосредственно связана с отношением политзеков к реабилитирующей власти и тем самым – с предыдущей темой. Многие из выступавших высказывали резко негативное отношение к реабилитации как таковой и не считали для себя возможным обращаться за реабилитацией в те же органы, что их судили и преследовали. Тем не менее было ясно, что положение многих бывших политзаключенных, особенно живущих в российской глубинке, крайне бедственно и юридическая реабилитация им жизненно необходима. По-видимому, единственным устраивающим всех выходом могла бы стать автоматическая реабилитация полно-

⁷ В 1990 году были выбраны в депутаты ГД (Россия) – М.М.Молоствов (от Ленинграда), Р.И.Пименов (от Республики Коми), С.А.Ковалев (от Москвы), Г.П.Якунин (от Московской обл.), в депутаты Ленсовета – Ю.А.Рыбаков, в депутаты Екатеринбургского городского совета – В.А.Шаклеин.

мочным органом всех, кто был в заключении по «политическим» статьям, и разработка механизма пересмотра дел для тех, кого «оформляли» по статьям бытовым. Впрочем, как было заявлено членом ВС РСФСР М.М.Молоствовым, российский парламент такой документ готовит (в Прибалтике массовая реабилитация уже произведена).

Из недостатков встречи следует отметить неудачную попытку обсудить проблему применения 74-й статьи УК РСФСР⁸, проблему совершенно реальную и непростую. К сожалению, В.К.Демин, поднявший эту тему, ввел излишне конфронтационный стиль, что, вместе с одиозностью личности первого осужденного по этой статье (Смирнова-Осташвили⁹), сделало обсуждение невозможным.

Бывшие политзаключенные, как мы убедились воочию, несут высокий потенциал политических знаний и политической культуры, т.е. того, чего так не хватает стране в настоящее время, и это, разумеется, вызывает раздражение и неприязнь органов партии насилия и лжи. Если же вспомнить, что тот период политических дискуссий, который мы сейчас проходим, эти люди прошли двадцать и тридцать лет тому назад, то их нынешнее соборное разномыслие мы можем истолковывать как знак надежды на грядущее устройство страны. И в этом, по-видимому, главный итог прошедшей встречи.

Август 1990

⁸ 74-я статья УК РСФСР «Нарушение национального и расового равноправия».

⁹ К.В.Смирнов-Осташвили («Союз за национально-пропорциональное представительство “Память”») обвинен в разжигании национальной розни (судебный процесс в Московском горсуде с 24.06.1990), арестован 12.10.1990 в зале суда, приговорен к 2 годам лагеря усиленного режима; покончил с собой в лагере 26.04.1991.

Встреча «паровозов»

25 июня в рамках «Недели прав человека», проводимой в Ленинграде «Венским комитетом» совместно с ленинградскими общественными организациями «Социологическая ассоциация» и общество «Мемориал», в Гуманитарном центре общества «Знание» состоялась встреча за круглым столом по теме «Общественные движения шестидесятых годов с позиций современности».

На встрече выступили руководители политических и общественных объединений периода с середины пятидесятых до середины семидесятых годов.

В.И.Трофимов *Группа Трофимова (Ленинград, 1956–1957) состояла в основном из студентов ЛГУ и ЛГПИ, 9 человек были осуждены в сентябре 1957.*

– Мы пытались перешагнуть из сталинской эпохи в оттепель. Но оттепель эта была с заморозками, что не могло не вызвать протеста у студентов. Я горжусь тем, что был политзаключенным. Мне повезло, судьба свела меня с прекрасными людьми. Все требования, которые мы выставляли в свое время, сейчас уже решены.

В.И.Трофимов высказался затем за ограничение роли КГБ в обществе задачами охраны внешней безопасности страны (ликвидация института тайных осведомителей, прекращение «борьбы со своим народом»), за лишение прав, льгот и пенсий работников НКВД–МГБ, замешанных в незаконных репрессиях.

Относительно роли партии в обществе он сказал:

– Когда партия записывает, что она руководящая и направляющая сила, чтобы иметь гарантии, мы должны иметь возможность обсуждать структуру партии. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы оппозиция внутри партии могла помочь перестройке. Вероятно, нужна вторая партия.

И.С.Вербловская *Группа Р.И.Пименова – Б.Б.Вайля (Ленинград, 1956–1957), 5 человек осуждены в сентябре 1957.*

– Мы даже не были единомышленниками, единомышленниками нас делала ситуация. Идеи Пименова того времени – многомандатные выборы, реабилитация Бухарина – уже воплощены. Вообще если бы тогда людей не разгоняли, а дали бы возможность говорить, то эволюционный путь страны был бы другим.

М.М.Молоствов *Группа Молостова (Ленинград, 1956–1958) состояла из выпускников философского факультета ЛГУ, М.Молоствов в 1956 написал аналитическую работу «Status quo», 4 человека осуждены в 1958.*

– Наша группа завершила урожай 1956–1957 года. В Мордовии мы имели возможность осмыслить свой опыт. Этот опыт был интересен тем, что молодые люди из разных мест исходно имели близкие точки – было одно образование и многие были марксистами-ленинцами. Процесс осмысления проходил ускоренно, и к концу моего сидения и «Память», и «Демократический союз» уже выработались. Оказавшись на воле, мы можем иронически относиться к тому, что возникает сейчас, но это, пожалуй, ирония старика. Сегодняшний день – это вторая программа телевидения. Я только что прочитал интервью с Сахаровым. Это совпадает с моим мироощущением. Мы встали на эволюционный путь, но нам не дано времени. Я радостно повторяю: «земля – крестьянам!» Но кому передать эту землю? В деревнях, по которым я разношу почту, полтора человека, да и то не ужившихся в городе из-за пьянства, все пенсионеры и пенсионерки. Молодежь уехала на заработки в Прибалтику. Человеческие ресурсы русского ограничены. Своя земля зарастает ольхой, а у них имперские настроения. Я марксист, но живу как народник, и я люблю эту страну и этот народ. Почему я оттуда не уезжаю? Мне неловко объяснять, но я там живу.

В.Н.Косарев *Распространял листовки по поводу венгерских событий 1956 года. Одинокое дело, осужден в декабре 1957.*

– Я одиночка, потому что мои подельники не посажены. Тогда нам все казалось просто – прочитай «Государство и ре-

волюция» и иди бросай листовки. Это было не сопротивление, скорее пробуждение. Созревали мы уже в лагере. Кем я мог стать, если моим учителем был Молоствов? Я стал марксистом. Сейчас я инженер и вплотную занимаюсь вопросами производства и экономики. Судьба страны будет решаться не на страницах газет и журналов, а на полях и заводах, а там дело плохо. Через два года нечего будет и обсуждать. Времени у нас действительно мало.

Б.П.Пустынцев *Группа Трофимова. Осужден в сентябре 1957.*

– Все-таки это, наверное, было сопротивление. Если опять начнут нас искоренять, то опять назовут сопротивлением.

С.Д.Хахаев *Группа журнала «Колокол». В соавторстве с В.Е.Ронкиным в 1963 написал работу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». 9 человек осуждены в ноябре 1965.*

– Наша группа чисто психологически была группой сопротивления. Действительно, поначалу так и было: прочитай «Государство и революцию» и иди разбрасывай листовки. Но это был тупиковый путь, и мы стали издавать «Колокол». Относительно сегодняшнего дня – я не склонен драматизировать вопрос времени. У страны колоссальный промышленный и сельскохозяйственный потенциал (Калининская область, как и Смоленская, как раз нехарактерны, как самые слаборазвитые), и если им правильно распорядиться, то возможности все-таки еще есть. Мы с Ронкиным составили и направили в ЦК и в журналы документ «Инициатива-87» с комплексом своих предложений. Сейчас главное – избежать крайностей. Лозунг «Независимость – Прибалтике!» ошибочен – в стране имеются силы, готовые к самому кровавому подавлению сепаратизма. Лозунг «Вон коммунистов из Советов!» также неуместен и не исходит из реальности (партия у нас уже давно не является союзом единомышленников). На наш взгляд, нужно прежде всего снизить планы предприятиям с предоставлением более широких возможностей реализации сверхплановой продукции на договорных началах (усиление роли социалистического рынка). В политической области следует исходить из реальной роли партии в жизни общества, однако мы предлагаем, чтобы избрание секретарей партийных комитетов всех уровней (со-

вмещающих руководство соответствующими исполнительными комитетами Советов) производилось путем выборов всем населением региона из состава, предложенного бюро партийного комитета.

М.Ю.Садо *Группа ВСХСОН – «Всесоюзный социал-христианский союз освобождения народа» (группа И.В.Огурцова). 4 руководителя (в том числе М.Ю.Садо) осуждены в ноябре 1967, 17 человек – в феврале 1968).*

– Мы сразу отменили марксизм, считая, что в России не нужно исповедовать учение, возникшее не в России. У нас была организация интеллигентов, которая видела себя как научно-исследовательский институт, но приняла военизированную форму. Главная идея ВСХСОН – самосохранение русских. Хотя в организации были люди разных национальностей, она была монохристианской. Мы предлагали социал-христианский строй с идеологической базой в виде персонализма. В основе экономики мы видели наделение всего населения землей. Политической основой являлась «Декларация ООН». Многие идеи ВСХСОН отразились в деяниях Съезда депутатов и как в кривом зеркале – в идеях «Памяти» и «Демократического Союза».

Вопрос: С кем вы готовы были быть в коалиции?

Ответ: Со всеми, кто не исповедует марксизм.

Вопрос: Ваше отношение к «Памяти», которая на вас ссылается?

Ответ: Импульс, породивший «Память», – это обида за 70-летнее донорство России.

Н.Н.Браун *Группа Н.Н.Брауна – А.С.Бергера (Ленинград, 1969), искусственно созданная следствием соединением представителей разных идеологических направлений.*

– Наша оппозиция была оппозицией аристократической, это были люди интеллектуального плана, которые думали о лучшей части русского народа. У нас очень тяжелый генофонд, и если мы не будем с ним считаться, то будет плохо. У нас была ориентация на консервативные традиции России, в программе было сочетание частных и государственных пред-

приятий, ликвидация коммунистической идеологии. Для меня те группы, которые говорят об исключительной роли евреев в революции, сомнительны. Жертвам гражданской войны надо поставить общий крест, как в Испании. И я бы хотел, чтобы наружу вышел новый общественный строй, который давно просится.

Вопрос: Когда была убита Россия – в феврале или в октябре?

Ответ: Для меня в феврале, но смерть наступила в 20-м.

С.А.Ковалев *Московское правозащитное движение, «Хроника текущих событий». Осужден в 1975.*

– В моем деле «Хроника» была главным эпизодом обвинения, период «Инициативной группы борьбы за права человека» прошел довольно глухо. «Хроника» выражала общую позицию, идею некоторого ядра общественного движения своего времени – идею тщательного, всестороннего и объективного анализа, научного подхода, поиска истины. И этот дух поиска истины представляется ценным и в наше время. Страна катится к катастрофе, в нормальном обществе партии надо было бы уйти, но у нас передать власть некому. Крах, к которому движется страна, настоятельно требует консолидации. Мне представляется, что такой основой для консолидации является право. Но наше правосудие чудовищно. Общество должно учиться мудрости и знанию. Правительство консервативно, но оно и должно быть консервативно, общество должно оказывать давление на правительство с целью достижения необходимых перемен и иметь мужество.

Л.И.Богораз *Московское правозащитное движение, участник демонстрации 25 августа 1968 на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Осуждена в 1968.*

– Буковский проводит различия между московским и ленинградским движениями. В Ленинграде было главным образом подпольное, а в Москве организационно неопределенное общее движение. В Москве в наше время действительно преобладало такое направление, тем не менее предтечей его мы считали группу Пименова. Там были сходные черты: органи-

зационная необозначенность, отсутствие структуры, выпуск информации (у нас это развилось в «Хронику»). Движение объединяло людей разных национальностей, взглядов и вероисповеданий, каждый сам для себя решал, он участник движения или нет. Возникали ассоциации: группа защиты Григоренко, затем «Инициативная группа по защите прав человека в СССР», потом «Хельсинкская группа». В настоящее время меня пугает борьба общественных сил. Это может привести к катастрофе. Надо искать некатастрофические выходы политической активности масс.

В заключение участники выразили удовлетворение тем, что такая встреча вообще могла состояться, и решили иногда собираться и впредь, может быть, на еще более широкой основе, в частности В.Ронкин предложил на следующую встречу пригласить Р.Пименова, Б.Вайля, А.Гинзбурга для обсуждения конкретных проблем. Особенностью этой встречи был абсолютно немитинговый характер собрания и уважительное внимание ко всем высказанным точкам зрения. Разумеется, это объясняется той трудной школой политической культуры, которую пришлось пройти всем участникам встречи.

Июнь 1989

Благая весть лесов

Имеет смысл разобраться в литературной флоре отечественной словесности. Растительность – куст, дерево – слишком важные факторы человеческого мировосприятия, и появление их в текстах почти никогда не бывает нейтральным. Прямо или косвенно они связаны с великим образом мирового дерева, и отношение к дереву обычно несет в подтексте отношение к теме жизни и, что особенно значимо, к теме вечности жизни.

Если обратиться к русской поэзии XIX–XX веков, то первое, что бросается в глаза, это нестабильность ботанического инвентаря. Любимыми и предпочтительными в разное время оказываются разные деревья, при этом сразу же можно отметить, что с реальным набором деревьев севера и средней полосы эта литературная флора соотносится мало. Так, самое распространенное дерево страны, лиственница, в литературе практически не обнаруживается, вездесущую ольху заметило лишь считанное количество авторов, осина как была, так и осталась почти полным изгоем. Но совершенно явно дуб, клен, вяз, липа, яблоня, царившие в произведениях поэзии и прозы XIX века, в XX ушли почти безвозвратно (как и земные лавры и мирты) и редко-редко встречаются среди литературного пейзажа. В то же время ель и сосна, аутсайдеры XIX века, нынче становятся все более и более популярными. В целом можно сформулировать как общую закономерность: для XIX века характерны симпатии к лиственным и антипатия к хвойным, XX же век все более и более симпатизирует хвойным. И здесь дело даже не в частоте словоупотребления, хотя и она вполне впечатляет, сколько в изменении самого отношения к тому или иному дереву.

Сразу же сделаем одну оговорку. Единственное исключение – береза, из бедной приживалки XIX века превратившаяся в любимицу национальной культуры и нагружаемая ныне весьма возвышенными чувствами. Но о ней позже.

В подтверждение несколько примеров:

А. Фет:

Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;

Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.
В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.
Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья,
Оне останутся холодною красой
Пугать иные поколения.

Ф. Тютчев:

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Возникает естественный и неизбежный вопрос: как относился к хвойным Пушкин? Ответ, оказывается, прост – как и должно национальному гению: провидчески. Действительно, в стихах Пушкина ни ель, ни сосна в положительном смысле, как правило, не встречаются, но в конце жизни, в стихотворении, где поэт задумывается о будущем, о грядущих поколениях, он соотносит их именно с молодой сосновой порослью и к ней он обращается с известными словами: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое! Не я увижу твой могучий поздний возраст...» Это тем более удивительно, что, скажем, такой глубокий современник Пушкина, как Баратынский, понимал дело вполне традиционно для своего времени.

Е. Баратынский:

В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую и тополь осребренный,
В тени их отдохнет мой правнук молодой.

1821

Что же сказало «племя младое, незнакомое»? Под какими деревьями оно предпочло отдыхать?

А.Блок:
Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал.

А.Ахматова:
Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, – стоят.

К.Некрасова:
Я долго жить должна –
Я часть Руси.
Ручьи сосновых смол –
В моей крови.

Б.Окуджава:
От сосен запах хлебный,
От неба свет целебный...

А.Кушнер:
За то, что ель зимой так чудно зелена,
Люблю понурую, – опережая сроки,
Твердит, что вечная нам предстоит весна.
Твердит, что вечная... Рукою ветвь заденешь,
Как будто частую погладишь бахромю.
Люблю колючую, ей как-то больше веришь:
Ведь если колется, то лгать ей ни к чему?

Б.Пастернак:
И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болей и эпидемий
И смерти освобождены.

...

Будущего недостаточно.
Старого, нового мало.
Надо, чтоб елкою святочной
Вечность средь комнаты стала.

Дело оказывается нешуточным. Явная и совершенно бес-
сознательная перемена симпатий в отношении хвойных и ли-
ственных может означать только одно: на пороге XX века про-
изошла перемена установки в отношении вечной жизни, бес-
смертия и воскресения. Выразить это можно так: в XIX веке
бессмертие соотносилось со смертью и новым рождением, вос-

кресением, воспринимаемыми в категориях чуда, отсюда повышенное внимание к великим драмам осени и весны.

Ф. Тютчев:

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.

XX же век все больше связывает бессмертье с вечнозеленостью как таковой, с темой бесконечного продления наличного существования. Хвойные в русской поэзии XX века являют образ тела бессмертия, вырванного из антиномий бытия, из драмы жизни. Самоидентификация с хвойными, столь настойчиво звучащая, без сомнения, свидетельствует о значительных переменах и трансформации религиозного сознания. Интересно, что при этом происходит десакрализация лиственных, они перестают быть причастными к благодати неба, а скорее, противостоят ему.

Б. Пастернак:

Исчерпан весь ливень вечерний
Садами...
<...>
Там мир заключен. И, как Каин,
Там заштемпелеван теплом
Окраин, забыт и охаян,
И высмеян листьями гром.

...

О место свиданья малины с грозой,
Где, в тучи рогами лишайника тычась,
Горят, одуря наш мозг молодой,
Лиловые топи угасших язычеств!

И. Бродский:

Шиповник в апреле
Он корни запустил в свои
же листья, адово исчадь,
храм на крови.
Не воскрешение, но и
не непорочное зачатье,
не плод любви.
<...>
И все ж умение куста
свой прах преобразить в горнило,

загнать в нутро
способно разомкнуть уста
любые. Отыскать чернила.
И взять перо.

Такой путь развития, по-видимому, специфичен именно для русской поэзии XX века. Отметим лишь мимоходом, что англосаксонской, например, литературе этого же периода избегание жизненной драмы, уход от нее представляются неприемлемыми.

Йитс:

Там дерево от верха все горит,
В полдерева огонь, но зелена
И вся в росе и свежа часть другая;
Две доли есть, и сцена там полна,
Они, что породят, то пожирают,
А между ними Аттис – он, она;
Так яр огонь, слеп лист, им знания нет
Его души, да он не знает бед.

Появляющийся здесь образ бесполого Аттиса далеко не случаен. Сейчас мы к нему и подойдем.

Обращает на себя внимание то, что оба дерева – фаворита отечественной поэзии – и ель, и сосна – женского рода. Заметим, что не менее вечнозеленые кедр или можжевельник никакой литературной карьеры в отечественной словесности не сделали, значит дело именно в их роде. Ель издавна и традиционно связывают с началом женским, материнским и родовым (хотя бы в традиции рождественско-новогодней елки, традиции, восходящей всего лишь к XVIII веку, но определенно связывающей ель с образом мирового древа), пол же сосны не так очевиден. Тут уместно вспомнить сохраненную Лермонтовым любовь пары сосна–пальма в его переводе «На севере диком», что было бы невозможно при восприятии сосны как чисто женского образа. Но при этом пол ее явно не мужской. И мы сразу же можем зафиксировать, что одной из примет нового религиозного сознания является устранение мужского начала.

Кто же тогда сосна? Если обратиться к истории мировой культуры, мы увидим, что сосна особо соотносится с культурами Кибелы и Аттиса и, в меньшей степени, Исиды и Осириса, с культурами, в которых ее почитали как дерево священное, а в культе Аттиса сосна была основным объектом поклонения. Во фригийском варианте всемирного мифа о Великой Матери (принятом также у римлян) Аттис, который выступает в каче-

стве сына-возлюбленного Великой богини, в экстазе любовной страсти осклопляет себя и вешается на сосне, которая и становится его воплощением. Сосну почитали в культе Осириса, в котором также присутствует тема осклопления. (Во всех иных вариантах мифа: в культах Таммуза и Иштар, Адониса и Афродиты отсутствует и тема осклопления, и почитание сосны.) Таким образом, в этих великих древних мифах сосна определенно связывалась с темами осклопления, самоубийства и соединения с Великой Матерью (с Матерью-землей).

Этот отдаленный, казалось бы, для нашего сознания сюжет (хотя ужестораживает Йитс) находит неожиданное и знаменательное отражение в отечественной культуре. В 1918 году А.Блок, работая над статьей «Заговор Каталины», обратился к стародавним событиям римской истории, для того чтобы понять исторические корни современных ему катаклизмов, и, напряженно вслушиваясь в ритмы и музыку времени, неожиданно для себя пришел к заключению о том, что суть происходящего в России лучше всего выражает известное LXIII стихотворение Катулла, обычно считающееся стоящим несколько отдельно в творчестве великого римского поэта. 27 апреля 1918 года Блок даже делает запись в дневнике: «Вдруг к вечеру осеняет – (63-е стихотворение Катулла – ключ ко всему)». Следует отметить, что из дневниковой записи 4 октября 1912 мы знаем, что на это стихотворение в свое время обратил внимание Блока человек с величайшей чуткостью к музыке времени – М.Волошин. 63-е стихотворение Катулла называется «Аттис»:

По морям промчался Аттис на легучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом в ту ли глушь фригийских лесов...

Стихотворение посвящено описанию священного безумия самозабвенного порыва к соединению с богиней-матерью и позднего раскаяния Аттиса наутро после самоосклопления. Все оно наполнено ужасом перед страшными тайнами богини и пред ее могуществом, ужасом страшной судьбы Аттиса: «Там служанкой прожил Аттис до конца безрадостных дней». В культе Аттиса оргиастическое соединение с матерью (что Катулл передает своими галлиямбами) странным образом сочетается с аскетическим самоограничением, с попыткой упорядочения природной стихии, с уходом от принятия жизни в ее противоречивости, в материнские объятия Кибелы. Имея в виду и принимая свидетельства Блока (и, по-видимому, Волошина) о соотнесенности этого мифа с событиями 1910-х

годов, факт восхождения сосны на культурном горизонте времени уже не покажется нам странным. Тогда, если образ ели в этом контексте оправданно можно воспринимать несущим тему вечно-женского, матери-природы в ее наличном бессмертии, то образ сосны связан с темой мужского, лишённого пола и земляной плотскости в регрессивном (или вознесённом) соединении с вечным материнским началом и, как следствие, уходящим за пределы смерти-рождения, за пределы жизненной антиномии.

Вторая важная тема, обращающая на себя наше внимание, – судьба березы. Тут прежде всего следует отметить, что в народном сознании, в фольклоре береза почиталась и входила в обряды специфически девичьи, как воплощение девичьего начала, воспринимаемого в отчетливой оппозиции к началам мужскому и женскому (бабьему): «Не радуйся ни кленъ-дубье, только радуйся белая береза, белая береза, горькая осина, идут к тебе девки красные... несут тебе горелку горькую, скрипку звонкую, яишню смачную». Или же так: «Вы, бабы, дуры! Всю зиму прядете, а всю весну ткете, не одеты живете! Я ли береза, я ли кудрява, не ткаю, не пряду, хорошо хожу... мне свекровь не матушка, мне свекор не батюшка...» Календарный интервал девичьих обрядов (кумление, поедание под березой яичницы с питьем водки, гаданием и хороводами) четко обозначен: «А Дух с Троицей – то и сбор девкам, а святой Илья – то разгон девкам!» Среди персонажей этого цикла, соотносящихся с березой, следует отметить кукушку и русалок, существа максимально антисемейные. Таким образом, в народном сознании береза соответствует образу девчества с доминирующими темами разгульности и самохвальства, по видимому, необходимыми и неизбежными на некотором кратком этапе становления женского самосознания, проживаемом в период весны и раннего лета, незадолго перед началом созревания и плодоношения.

В дворянской же поэзии XIX века береза предстает как дерево «низкого» ряда, как дерево простонародное. Ей обычно сопутствуют чувства грусти, печали, тоски и даже мертвенности, но именно из-за связи со значениями печали и смерти береза начинает использоваться в качестве носительницы темы России со специфическим оттенком ее бедности и скудости.

П.Вяземский:

Средь избранных дерев береза
Непоэтически глядит;

Но в ней – душе родная проза
Живым наречьем говорит.

М.Лермонтов:

Печален степи вид...
И где кругом, как зорко не смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют [!] вечером в дали пустой.

Ф. Тютчев:

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

А. Фет:

Березы севера мне милы, –
Их грустный, опущенный вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Массовое вторжение березы в литературу начинается с 20-х годов XX века, а именно, с Есенина, и это нужно проследить более внимательно. В поэзии Есенина обе темы березы: тема девичества с пафосом разгульности и бесплодия, характерная для поэзии народной, и тема печали и смерти, характерная для поэзии дворянской, городской, встречаются и начинают взаимодействовать и усиливать друг друга.

Тема разгульности:

Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

...

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

...

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Тема смерти:

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

...
Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

И наконец, обе эти темы, тема разгула и тема смерти, обреченности смыкаются (может быть, во взаимокompенсации, как учит психология), и береза, как символ этого единства, начинает воплощать тот образ России, для которого важны именно эти темы:

Россия –
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?

(отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

О, РОДИНА!
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.
В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.
Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.
И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиною
За то, что ты мне мать.

1917

Здесь Великая Мать возникает уже в образе Матери-Родины, раскрывающемся одновременно в темах материнства, девичества («березового гула» и прельстительной женственности («утренней звезды» – Венеры) – зримое видение Аттиса в канун самооскопления и соединения с великой женской стихией.

После Есенина береза как главное символическое дерево России прочно обосновывается в поэтическом пейзаже русской поэзии, и хотя главные драматические обертона этой темы, столь явственные у Есенина, слышны обычно более глухо и скрытно, на фоне славословий березе у наиболее чутких авторов они все равно звучат.

Н.Рубцов:

В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез.

К середине XX века древесный пантеон отечественной поэзии вполне стабилизировался, и с одной стороны сосна, а с другой – ель и береза занимают в нем вполне определенные места, причем ель и береза, воплощающие разные аспекты Великой богини, иногда в рядовой женской поэзии даже зревают в своем единстве.

Е.Вечтомова:

Растут, не расставаясь, прочно
Береза с елью сплетены.
Как будто общий корень в почве
И общие над ними сны.

Как же нам следует все это понимать? Разумеется, прежде всего как инфантильную деградацию мужского в оскоплении и потере мужественности, и женского – в регрессии к образу «вечной девочки» в ее разгульности и бесплодии. Но при этом все-таки не забудем и иную возможность, возможность трансформации мужского в просветление и освобождение от плотскости и трансформации женского за счет обретения лица (вместо потери его в браке в традиционной культуре), личности, что, безусловно, связано с подъемом на небосклоне времени женской темы и женской проблемы. Реально ли это? Будем верить, что деревья растут вверх.

Но не забудем и то, что благословение деревья все-таки получают свыше. И тут прислушаемся к Марине Цветаевой, последнему страстному поэту лиственной темы, вопреки духу своего века отстаивавшей и развивавшей «лиственное» мышление.

М.Цветаева:

Каким наитием,
Какими истинами,

О чем шумите вы,
Разливы лиственные?
Какой неистойвой
Сивиллы таинствами –
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?
Что в вашем веянье?
Но знаю – лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности.

Для Цветаевой деревья – это почти невыразимая встреча
земного со светом. И осень лиственных для нее не столько
обещание весеннего зеленого возрождения, сколько открывающаяся
в последней наготе осеннего леса тайна соединения
в умирании:

Осенняя седость.
Ты Гетевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще – расплелось.
Так светят седины:
Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи –
В последние двери –
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур – последний из слуг!)
Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли – и обрывается связь.
Так светят пустыни.
И – больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

Присутствие темы возвращения блудного сына позволяет
надеяться на возвращение лиственной темы в наши литера-
турные пределы в более или менее отдаленном будущем, на
возвращение, обогащенное какими-то новыми прозрениями и
пониманиями, но это уже будет другая литература и, может
быть, другая национальная идентичность, и на этой умеренно
оптимистической ноте мы и завершим наше краткое рассмот-
рение.

1988

«Покаяние»¹

Трудно судить о том, какая кинематографическая судьба ждет этот замечательный фильм (несколько настораживает снижение увлеченности им с уменьшением возраста зрителя), но бесспорно, что в истории нашего общественного сознания он останется этапной вехой и яркой приметой времени. Выстроен фильм уверенной рукой мастера, адресован всем и каждому, а потому его притчевая форма прозрачна, а аллегории, по крайней мере основные, достаточно однозначны и вызывают радость понимания даже и не очень умудренного в символическом анализе зрителя.

Основной замысел фильма – обратить внимание современников на горькие плоды недавнего, но успешно забываемого прошлого, похороненного теми, кому мешает историческая память, заставить понять, что неосмысление последних (последних ли?) катастроф ведет к бедам будущим, к гибели грядущего и к прекращению течения жизни. Во имя этого «женщина в белом», Кетеван Баратели, совершает свое символическое преступление – выкапывает из могилы труп синтетического диктатора Варлама Аравидзе (пенсне Берии, усики Гитлера, костюм Муссолини, на столе бюст Наполеона, трубки почему-то нет). Сама Кетеван – дочь погубленного Варламом художника Сандро Баратели, наиболее последовательного противника Варлама, поэтому фильм должно понимать не только как напоминание о трагическом прошлом, он и о традиции противостояния злу.

Собственно, такое понимание предлагает сам прокурор, положив дело не конченным и считая нужным именовать его впредь делом «Баратели–Аравидзе». Но если взглянуть на содержание фильма с этой точки зрения, то сразу начинают обнаруживаться странности и как бы несообразности. Во-первых, противостояние Баратели – Аравидзе само изживается: единственный внук Варлама юный Торнике убивает себя из ружья, подаренного дедом; единственная дочь Сандро – мстительница Кетеван – вообще бездетна. Во-вторых, правота

¹ «Покаяние» (Х/ф, 1984). Реж. Т.Е.Абуладзе. «Грузия-фильм».

Кетеван не так уж и бесспорна: и живет она на улице Варлама(!), «которая не ведет к храму», и живет при этом тем, что делает торты с кремовыми имитациями христианских храмов, и эта деталь не выглядит случайной.

Храм как символ высших ценностей бытия и благого устроения жизни введен в фильм в качестве центрального образа. За историей храма, сначала обращенного в физическую лабораторию, а потом взорванного, мы следим на протяжении всего фильма. Но начинается и кончается фильм храмами кремовыми, фальшивыми, и это храмы Кете. В чем же здесь дело? Похоже, что внутренняя символическая логика образного строя находится в некотором противоречии с аллегорической и притчевой заданностью, и это придает фильму совершенно особенную глубину.

Счастливым преимуществом кинематографа – его зрительная образность. Там, где литература обошлась бы упоминанием «лаборатории в храме», кинематограф должен наполнить эту лабораторию наглядным содержанием, а там, где это делает художник, все оказывается не случайным. Не случайным оказывается и оборудование этой лаборатории. Вспомним повнимательней, и мы увидим там высоковольтную испытательную установку и ее сердце – два бронзовых шара-разрядника. Один шар подвешен к куполу храма, к его «небу», второй вырастает из пола, из «земли». Начнем заряжать один из шаров, скажем, положительно, «позитивно», во втором сразу же объявится равновеликий, но «негативный» заряд. Добавим еще немного положительности, разделяющий шары промежуток не выдержит, произойдет разряд-взрыв, который сотрясет стены лаборатории-храма, а если на всю мощь, то «может разрушить весь город». Пожалуй, лучшего символа разделения и отчуждения, чем эти внешне такие одинаковые шары, и не придумать.

И тут мы прикасаемся к сквозной теме всей трилогии Абуладзе, так пронзительно начатой бесплодным и гибельным противостоянием хевсуров и кистинов в «Мольбе»², историей двух общин, истощающих себя в разрядах бессмысленной поляризации. И при этом каждая мнит себя «положительной» и правоверной. (Тут, пожалуй, уместно подумать об относительности этих маркировок, и вот Сандро в храме читает нам из Эйнштейна.) Но добро и зло не подвержены релятивизму,

² «Мольба» (Х/ф, 1968). По произведениям Важи Пшавелы. Реж. Т.Е.Абуладзе. «Грузия-фильм».

как же случается так, что «истинная вера» или «наше правое дело» (Варлама) начинают губить людей и нести безысходное разделение и смерть? Истоки этой болезни человеческого рода даже не в «лаборатории», скорее они в том историческом храме, которому «лаборатория» наследница. Они восходят к догматическим усилиям вывести борьбу между добром и злом за пределы человеческого сердца вовне, к попыткам материализовать разделение на «светлое» и «темное», к попыткам разорвать единство мира на «духовное» и «материальное» царства, на «горнее» и «дольнее», снять взаимодействие в иерархии ценностей и утвердить разрыв и антагонизм, что с неизбежностью ведет к принятию людьми логики разделения, логики «исключенного третьего», логики бесплодных противостояний.

Так и Сандро, чья приверженность храму и свету не вызывает сомнений, весь принадлежит этой традиции. Как истинный хевсур, он готов отрубить кисти рук тем, «которые прикоснутся к храму», как «истинно праведный» он затворяет свое окно во время полукомической сцены инаугурации Варлама, он не общается со злодеями, он самоизолируется от носителей зла. И этот его жест вызывает цепь событий, приводящих к физической гибели одного и к духовной смерти другого. «Комедиант», – с презрением отзывается Сандро о Варламе, и это, конечно, так. Но, если дьявол – это обезьяна Бога, то злодей – несомненно обезьяна праведника, в данном случае его, Сандро. Не зря же для Варлама так важно, что они с Сандро родственники, что у них общий предок и что они оба «люди искусства»: один пишет картины, а второй недурно поет, близкие люди и только, да и женщина им нравится одна – Нино. Несет ли человек ответственность за свою тень? Вот главный подспудный вопрос фильма. Попытка уклониться от ответа, замкнуться в своей праведности ведет к гибели обоих героев-антиподов, один из которых всерьез принимает на себя имя сатаны (а только все равно не сатана, а всего лишь человек, хотя и погрязший в небывалом зле), а второй принимает мученическую смерть в уподоблении Христу (и тем более не Христос, а человек, хотя и очень хороший), повисая под куполом, как тот бронзовый шар в храме (тут и раздается взрыв, разрушающий храм).

Попытки идентификации и самоидентификации людей с добром и злом как таковыми никогда никому не приносят блага. Зло надо искоренять в себе и во всем, но этого в фильме, увы, нет. Все Баратели уверены в своей правоте, все Аравидзе

считают себя безнадежно злыми. Мир, единый в своей противоречивости, не может принять такой линейности, и им остается одно – вымереть. Даже картины Сандро, плоды его творчества, пропадают – им суждено попасть в страшный подвал темного чрева матери-земли, пожирающей и предающей (во сне Нино). В поэтике Тенгиза Абуладзе земля – это темное начало, противостоящее царству света и духа, кладбище и обитель смерти. Тут и голые скалы «Мольбы» и маковое поле, убивающее белого коня «Древа желания»³, и страшные сновиденные подвалы «Покаяния», тут и подручная палачей, богиня земной справедливости, дочь Геи, Фемиды.

Итак, перед нами исторически привыкший к вражде и разделению мир, мир матери-земли. Закономерно он приводит к власти Варлама (сына народа). Варлам не «варяг-находник», принесенный сюда на чужих штыках, он приходит к власти в результате законного «демократического» процесса, волей народа. Его благославляют на власть старшие: Михаил Коришели с его толерантностью к злу, почтеннейший аристократ Мосе, радатель храма. Варлам их наследник. Механизм, выводящий его к власти, прост: «наше» злодейство как бы и не злодейство вовсе, а «наш» злодей разве что излишне рьян на страх врагам. На этом все они и поднимаются, страшные, как стихийное бедствие. Напрасно из пожарного колодца ударит струя воды (еще один прекрасный пример инженерного символизма) – этот пожар уже не потушить. Варлам пришел, чтобы завершить эту культуру и эту эпоху, осуществить то, что было скрыто, заложено в ней (еще до него старейшина деревни Цицикоре, хранитель родовой морали и законов земли, рука об руку со служителем храма, сельским священником, вел на казнь красавицу Мариту в «Древе желания»).

Нашу эпоху называют эоном зодиакального знака Рыб (по месту нахождения точки весеннего равноденствия), начался он как раз в начале нашей эры, и сроку ему отпущено две с небольшим тысячи лет. А еще нашу эпоху называют христианской, по главному событию ее духовной жизни, начало которого восходит как раз к началу эона. Так уж случилось, что изображение рыбы с самых первых лет стало условным изображением Христа (по рисункам первохристиан в римских катакомбах) и тайным знаком христианства. Теперь в катакомбах своего храма сатаны Варлам доглодал рыбу эпохи. Его

³ «Древо желания» (Х/ф, 1977). По мотивам рассказов Г.Леонидзе. Реж. Т.Е.Абуладзе. «Грузия-фильм».

сыну Авелю достается лишь голый хребет, а внуку Торнике и вовсе ничего, кроме культа насилия⁴. И на стене комнаты внука мы видим ценности его поколения: ружье и плакат с изображением боя быков – наглядным выражением идеи бессмысленного противостояния человека и природы в конфронтации быка и тореадора, да еще с красной тканью для пушей ярости.

Но могут ли вообще дары духа укореняться в нашем мире, не отравляясь темной силой земли и не впадая в губительные обособления, родовые, общинные, государственные? Или соединение духовных порывов с тяжелой властью плоти неизбежно ведет к разделению и вражде? Ответ известен издавна: примиряющий как принцип – это сама человеческая душа, способная совмещать несовместимое и удерживать в себе любые крайности и антиномии. Самые высокие духовные прозрения, не пропущенные через человеческую душу, способны лишь приводить к бездушным мирам вражды. Душа как мироустроительница единит высокое царство духа и дольний мир плоти и земли в мудрой подчиненности низшего высшему. Однако же в отсутствии духовного импульса и духовного воздействия душа вынужденно становится рабой исключительно темного начала и гибнет. Именно это является основной драмой «Мольбы». Благодать духа, которой взывает художник в своей мольбе, не дарована, и его душа, его муза и мечта, прекрасная, как он, вступает в брак с его собственным темным демоном и в результате гибнет на виселице (связь дыхания с духом исторически бесспорна, и казнь удавливания – давний и известный способ жертвоприношения богам, жертва духа). Эту самую виселицу бездуховности мы видим во время митинга инаугурации Варлама.

Падение души в союзе ее с демоном, выявляемое символической казнью в «Мольбе», реализуется в жизни и в последующих фильмах трилогии раскрывается как изменение стереотипов массового женского поведения своего века (душа – женщина, а судьба души художника – провозвестница изменений всеобщих). И на протяжении всех фильмов трилогии Тенгиз Абуладзе напряженно всматривается и исследует различные повороты непростой женской темы общества эпохи

⁴ Первый исполнитель роли Торнике – Г.М.Кобаидзе расстрелян в 1984 по приговору Верховного Суда ГССР (18.11.1983 попытка группового вооруженного захвата самолета ТУ-134А, рейс Тбилиси–Батуми–Киев–Ленинград).

разъединений. И всюду обнаруживает одно и то же: женщина перестает быть соединительницей и хранительницей душевного мира, а в полном соответствии с веком вступает в брак с темным демоном, принимая в качестве свадебного дара «оружие предков», сама становится носительницей идеей своеволия, вражды и разъединений, родоначальницей демонического обезьянства. И с потерей связующего начала мир необратимо оказывается погруженным в тупик конфронтаций. Уже в «Мольбе» мы слышим эту современную женскую мечту: «Если бы мне найти топор!» В женском триединстве «Древа желаний» и красавица Марита, благословляющая парней на войну и приводящая все вокруг себя к гибели, и служительница нелюбви Фуфала, живущая имитацией любви, и деревенская красотка, соблазняющая всех и не любящая никого, – все они знаменуют приближение катастрофы и распада привычного и стабильного образа жизни.

Женское триединство «Покаяния»: Нино, Гулико и Кетеван – также подчинено этой теме. Злой демон в фильме реализован в образе Варлама, поэтому особо важно проследить их отношения с ним. Что же здесь мы видим?

Гордая Нино (сразу поражает ее красное платье цвета мулеты тореадора) проходит в своем отношении к Варламу от заинтересованности (сцена у окна) до страха, но сон Нино открывает нам, что не только Варлам интересуется ею, она сама в наваждении, и ей не уйти от этого тайно влекущего и преследующего ее образа, она превращается в землю, тут Варлам и настигает ее – земле он хозяин. В реальности же после бессилой попытки уничтожить портрет Варлама (попытка побега) гордая Нино опускается перед ним, живым, на колени. Акт поклонения совершен, после чего темная сила уносит ее навсегда.

Прекрасная невестка Варлама Гулико принадлежит к клану темных сил Аравидзе и вполне ему верна. В конфронтации с Кетеван Гулико холодна, деловита и безжалостна. Основной цвет ее черный, как и должно быть, – если Варлам глава клана, Гулико душа и хозяйка его. Воздействие Варлама на нее огромно, даже взгляд его портрета (как и Нино) способен смутить ее в спальне. Однако, как и в случае с Нино, попытка избавиться от портрета приводит к тому, что Варлам предстает перед ней въяве, на этот раз в виде выходца из могилы. Что бы там ни замышляла Кетеван, Варлам приходит из могилы к ней, к Гулико, – она обнаруживает его в саду. Но так и должно быть, они не могут существовать друг без друга, для Гулико Варлам

умереть не может, в темных бессознательных глубинах они едины. А потому с очевидной необходимостью Гулико совершает свой колдовской танец у гроба Варлама. Цель танца односторонна – она должна оживить своего демона, и она его оживляет. Улыбка удовлетворения на лице ожившего Варлама понятна – пока темная женская душа совершает свой ритуальный танец, он, Варлам, не погибнет. И Варлам спокойно засыпает – когда будет надо, его позовут и он проснется.

И его зовут. Призывает его в мир Кетеван Баратели. В сцене суда она выходит к нам «вся в белом», как воплощение общественной совести, требуя возмездия злодею и палачу. Но мы-то уже знаем, что она живет на улице все того же Варлама, что храмы, создаваемые ею, сладкие и фальшивые, что сама она бесплодна и что когда к ней приходит гибнущий юноша, у нее не находится ни слов, ни понимания, чтобы сохранить юную жизнь. Во всей своей белизне она представительница все того же расщепленного мира, только «позитивной» его половины, и поэтому она тоже не может обходиться без мира Варлама как естественного своего дополнения, только и придающего смысл ее белизне и позитивности, и потому она тоже не может отдать Варлама земле и смерти. И на нее, как на ее предшественниц, оказывает свое волнующее воздействие портрет Варлама (разумеется, в газете), но здесь она добывает его во плоти сама. Что бы она ни заявляла о причинах своего поступка⁵, смысл его в возвращении Варлама в мир, потому что существовать без него она не может (отсюда и навязчивая методичность ее поведения – «триста раз выкопаю»).

Она добывается своего. Сын Варлама Авель своими руками выбрасывает Варлама в мир нашего дня, в мир, уже расщепленный на Север и Юг, Запад и Восток и лежащий в тени расщепленного атома, в ее мир, и в наш, скажем кстати. Теперь Варлам с нами, и заплачено за это тем, что юноша, который воплощает в этом мире единственную надежду на продолжение жизни, взрывает две последние великие поляризации – мужского–женского и жизни–смерти – и из дедовского ружья стреляет сначала в женщину, а потом в себя.

1987

⁵ Напомним, что в октябре 1961 года, когда мы наблюдали реальную попытку разобраться в нашем прошлом, это сопровождалось символическим закапыванием трупа, а отнюдь не выкапыванием (*Прим. автора*).

Суриков. Пути России

Книга Максимилиана Волошина о художнике Василии Сурикове вышла в свет через 70 лет после написания¹. Можно покоситься на эту тему, но мир в целом устроен правильно: сейчас, после этих прожитых лет, мы можем увидеть ее совершенно иными глазами и извлечь из этого замечательного текста такое содержание, о котором трудно было бы и помыслить в те далекие годы. Выбор автором персонажа поначалу может показаться странным, действительно, Волошин и Суриков – совершенно разные художественные традиции, монументальная историческая живопись и камерная тонкость «Мира искусства», что тут может быть общего? Однако, если вспомнить то напряжение, с которым М.А.Волошин встраивается в «пути России» и в пути мироздания, выбор автора уже не покажется случайным. В творчестве Сурикова Волошин ощутил глубочайшую сопричастность национальному духу и древнему голосу крови отечества, это он открыл и это он исследовал. «Это невероятно и необычайно, но он вырос в подлинной обстановке русского XVII и XVIII веков, а своей душой и психологией восходил даже к XVI веку»², – заключает свои размышления в области детства и происхождения художника автор, и не согласиться с ним трудно.

Сила Сурикова обнаруживается не в придуманности, более или менее удачной, сюжетов его исторических картин, а именно в их неумышленности, при которой внутренний строй души легче и явственней выходит наружу. Волошин отмечает в творчестве Сурикова два ряда обстоятельств. Во-первых, внешнюю эволюцию творчества, обнаруживающую возвышение и спад в ходе создания его семи больших исторических картин. В первых трех картинах – «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883) и «Боярыня Морозова» (1886) – идет нарастание мастерства художника, затем, после глубокого внутреннего кризиса, отмеченного написанной «для себя» картиной «Исцеление слепорожденного», начинается долгий художественный спад: «Взятие снежного городка»

¹ Волошин М. Суриков. Л.: Художник РСФСР. 1985.

² Там же. С.23.

(1891), «Покорение Сибири Ермаком» (1895), «Переход Суворова через Альпы» (1899), и заканчивает он полной неудачей: «Степаном Разиным» (1907–1910). После этого до самой смерти ничего, кроме странной маленькой картины «Посещение царевной женского монастыря» (1912). Таков внешний очерк творчества, суть которого, по мнению Волошина, в том, что картины периода роста писались как иллюстрации к замышленному чисто живописному эффекту, а потому и выносили беспрепятственно на поверхность ценности из самых тайников души художника, соприродной душе России, а потому значимые и значительные. Картины же периода спада задумывались Суриковым уже в рамках «исторической живописи», а потому становились все более поверхностными и иллюстративными в выявлении основы русской истории: борьбы-сотрудничества центробежной и центростремительной сил, своеволия и деспотизма, вместе послуживших делу сплавления великого имперского конгломерата.

Второй ряд обстоятельств, прослеживаемый Волошиным, – женская тема. Эта тема усиливается в картинах периода роста, достигает апофеоза в «Морозовой», после кризиса же исчезает полностью, и картины периода спада наполнены одной лишь мужской стихией, вплоть до предсмертной «Царевны», где женская тема возникает вновь в странном безмужском варианте. Для понимания сцепления двух этих рядов обстоятельств важной оказывается личная ситуация художника – смерть жены, приведшая его к кризису. Волошин полагает, что в этот период в творчестве Сурикова исчерпывает себя тема жалости, которой он был уязвлен в связи с долгой болезнью жены, той жалости, рождающей боль, которой только и было под силу вскрыть в этой богатой натуре подсознательные тайники души. «И как только уголь этой жалости, неустанно растрепавшей его сердце всю первую половину творчества, угас... так здоровая, преисполненная стихийных сил натура мгновенно затянула все душевные раны, и последовал буйный взрыв жизнерадостности... В нем угас провидец и остался только художник. Лично как живописец он еще продолжает расти и крепнуть, но художественная ценность его картин идет на убыль»³. Суриков пишет картину «Исцеление слепорожденного», картину, которую мы можем истолковать как отказ от тайновидения в пользу мира внешнего. «Та сильная и крайняя мужская стихия, что была воплощена в Сурикове,

³ Волошин М. Указ. соч. С.126,131.

должна была быть постоянно оплодотворяема влажной и плодородной женской стихией, чтобы выносить все, что было в ней заложено. Отвернувшись от нее, его творчество начало постепенно становиться бесплодным в тех глубинных и подсознательных областях, где совершаются последние иррациональные творческие сплавы. Потому что совершенно так же, как женская сущность в мире физическом оплодотворяется мужской, точно так же в области духовной мужская стихия должна быть оплодотворена женской, чтобы выявить себя в творчестве. Отсюда значение женщины-вдохновительницы в жизни каждого художника»⁴.

Конец жизни Сурикова знаменуется уходом в монастырь, в келью, где он «ищет успокоения, насыщенной женской атмосферы, в которую можно уйти, замкнуться, вернуться в чрево матери-смерти... Но искусство его в этом запоздалом возврате к женской стихии не находит ни обновления, ни возрождения... В предсмертной картине он как бы добровольно отказывается от внешнего мира, уходит обратно в слепоту, которая раскрывает ему сокровенные равенства девичества и материнства, смерти и рождения»⁵.

Таков анализ Волошина, и он убедителен, однако же мы, используя преимущества прожитого времени, можем попробовать взглянуть на картины Сурикова с тех же позиций и увидеть в них нечто большее.

Для начала об умышленности. Не можем ли мы предположить, что для художника со столь мощным родовым голосом крови образы, созданные в состоянии нисхождения духа и упадка, тоже вовсе не случайны, а могут отражать некие фазисы духовной жизни народа, точно так же вовлеченного в состояние умышленного национального развития, хотя бы и соотносимого с «буйным взрывом жизнерадостности»? Стоит задаться вопросом: да так ли уж сознательна эта умышленность? Может быть, сам этот переход от творчества чисто бессознательного к псевдосознательной умышленности мы не должны связывать лишь с личными обстоятельствами художника, а можем увидеть в таком переходе отражение развертывания национального мифа и национальной судьбы (что, разумеется, нисколько не снимает значения личных обстоятельств). Рассмотрим же внимательно, к чему сводится образный строй и внутренний смысл картин периода «упадка», и

⁴ *Волошин М.* Указ. соч. С.191.

⁵ Там же. С.199.

попробуем соотнести их с ключевыми моментами развертывания последующего исторического процесса.

Сначала «освобождение от жалости» рождает «Взятие снежного городка» – явный возврат к неомраченным впечатлениям детства, регрессию, детское упоение нестесненной «здоровой, преисполненной стихийных сил природы», вырвавшейся на волю от всякой взрослой «центростремительности». И лихой молодец на черном коне легко берет штурмом эту эфемерную преграду – снежный зимний дворец. С этого начинается переход к «новой жизни», без взрослых, и не знакомо ли нам нечто подобное?

На второй картине этого периода Ермак мобилизует анархическую вольнолюбивую стихию на государеву службу, здесь мы видим эту азартную вольницу в «тупом, но целенаправленном» движении по собиранию разрозненного пространства. Здесь точно так же им «нет преград на море и на суше» до самого Тихого океана, где казаки в конце концов и «закончили поход». Противостояния «центробежности» и «центростремительности» больше нет. «Центробежная» стихия сама стала носительницей «центростремительности», коллизия, придававшая драматизм картинам первого периода, снята.

В «Суворове» собранное всеединство совершает бросок на Запад. Чудо богатыри под водительством любимого и боготворимого генералиссимуса достигают крайних западных рубежей, штурмуют горные высоты и, озаренные лучезарной улыбкой великого вождя, сомкнутыми рядами валятся в бездну, в пропасть, в провал. Здесь, разумеется, мы видим апофеоз чистой «центростремительности», и великий полководец – ее высшее воплощение.

Наконец, «Разин» – удивительный образ сытого национального героя. Он изображен также в высшем своем состоянии, в состоянии полной победы над «южными царствами» (отметим тему Персии), с обильной добычей, но в скуке и томлении духа. Он плывет вверх «по матушке, по Волге» к истоку, в никуда, к гибели. Разумеется, это апофеоз чистой «центробежности», разбойничьего, воровского, блатного начала.

Таким образом, обнаруживается, что в картинах этого периода напряжение борьбы-сотрудничества двух великих начал национальной истории снимается, их противоречия, питающего трудный и драматический ход истории, уже нет, каждое пришло к своему прямолинейно-логическому завершению, к «успеху», и в результате – к обреченности, к гибели и, по-

видимому, к завершению некоторого исторического пути. Погружение в мир смерти-рождения «Царевны» тому свидетельство.

Исторические вехи обозначены, но встает вопрос: нет ли для них внутренних глубинных соответствий? И тут, чтобы понять причину трагического развития национального мифа в сфере внешнего мужского делания, нам придется обратиться к неслучайной женской теме первого периода творчества. Периода «предыстории» или «метаистории». Здесь мы также не будем сводить все к личным обстоятельствам художника, а положим, что сами эти обстоятельства лишь знаки некоего внутреннего пути, и обратимся к логике образного строя. Весь первый период женская тема нарастает. В «Стрельцах» женщины образуют лишь трагический фон действия, а начало действительное выражено образами мужскими. В «Меншикове» значимость женских персонажей возрастает, трагедия обреченной «царской невесты» не меньше трагедии самого Меншикова, душевная боль уравнивает бывшего всесильного временщика и молодую девушку. Высшее равенство, равенство внутренней жизни, здесь достигнуто и обозначено.

Но мы не остановились на этом. Далее следует «Морозова». Кризис здесь. Здесь женщина впервые сама воплощает начало духовного буйства, начало «центробежное». Здесь героиня в роли духовного вождя и «делателя» выходит во внешний мир, неся с собой неизбежные последствия самовольства: разъединение и раскол. Гармонизирующая функция мировой души, начала единства и соединения здесь покинуты. Все заполняет пафос отщепенства, духовного самовольства, ненависти. Больше нет и речи об оплодотворении мужской стихии для духовных созиданий, придающих высший смысл потоку жизни и истории, а потому и внешний, физически воплощенный путь оказывается бесперспективным, и мы закономерно оказываемся в мире упадка. Борьба-сотрудничество жизненных начал распадается, напряжение противоречивых единств исчезает, и духовно скудеющий мужской мир обречен на изживание своих потенций: и своей центростремительности, и своей центробежности.

Можно задать вопрос: имеет ли это волошинское видение дела прогностическую ценность? В своей предсмертной картине, в «Царевне», Суриков дает нам «царевну», молодую женщину с недобрый и самодовольным лицом, ставшую объектом культа и поклонения. Ей, стоящей посреди храма, а отнюдь не иконам, кланяются в пояс монахини. Она богиня не-

когого нового мира, открывшегося художнику в преддверии смерти, и это, бесспорно, выражение внутренней сути «нового мира», победившая Морозова, соответствующая победившему Разину. Но что же дальше?

Книга о Сурикове была опубликована в 1985 году, когда весь нисходящий ряд картин художника был нами, похоже, прожит. В июне того, 1985 года, Брюссом Майгисом в Ленинграде, в Эрмитаже была облита кислотой и уничтожена знаменитая «Даная» Рембрандта. Поступок ужасный и непростительный, но бессмысленный ли? Не находится ли он во внутренней связи с нашей темой? Вернемся назад, в ту предгрозовую эпоху. В 1913, в год кануна, в Москве, в Третьяковской галерее душевнобольным Балашовым была изрезана, по счастью, поправимо, картина Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Уже тогда, в 1913 году, М.Волошин обратил внимание на то, что в самой израненной картине, в кровавой избыточности ее живописи содержались вызов и провокация насилия. Он же отметил и тот знаменательный факт, что, кроме картины погубленной, была и картина помилованная – все та же наша «Боярыня Морозова» Сурикова, перед которой долго стоял несчастный больной, прежде чем напасть на «Ивана».

Этот факт нам теперь представляется особенно значительным, если учесть, что и в 1985 году, кроме картины погибшей, также одна картина оказалась помилованной, на этот раз это было «Возвращение блудного сына» Рембрандта. И если принять это во внимание, а не принять нельзя, то события 1913 и 1985 года странным образом смыкаются в единый осмысленный рисунок.

Тема сыноубийства – сквозная тема национальной духовной культуры России. Она входит в национальный миф и актуализируется на всех драматических поворотах истории. Достаточно вспомнить, что к сыноубийству причастны такие экстремальные возбудители национального духа, как Илья Муромец, Иван Грозный, Петр I, Тарас Бульба, Иосиф Сталин – все носители идеи противостояния внешним врагам страны. Внутренние же кризисы в национальной традиции (впрочем, как и в мировой) часто воспринимаются как бунт сыновей против деспотизма отцов. Образы невинно убиенных младенцев и юношей знаменуют пафос бунта. При таком понимании и избыточная драматизация Репиным «Ивана», и нападение на него в 1913 году становятся понятными, все это предшествует

и прообразует реальное большое восстание сыновей с пафосом отроческого разгула («Взятие снежного городка»). Разумеется, насилие не могло снять пафоса сыноубийства и исключить его из духовной жизни нации, и не сняло его. Произошло лишь неизбежное переверачивание, и как только дело дошло до внешних противостояний, оно выявилось вновь и в реальных судьбах вождей, и в культе «погибших сыновей». Снятие сыноубийства как актуальной темы, очевидно, может быть достигнуто на путях иных, чем насилие. И тут похоже, что событие 1985 года замыкает некий цикл, вспомним, что оказалось помилованным «Возвращение блудного сына». Можно ли это воспринимать как предощущение окончания сыновнего бунта? Это не исключено, но источник примирения здесь никоим образом не обнаруживается, и все событие воспринимается как знак, таинственный иероглиф судьбы. Впрочем, на месте погибшей «Данаи» ныне помещено «Жертвоприношение Авраама», где рука ангела, а не сыновний бунт, окончательно останавливает руку отца. Примем это за благоприятный прогноз разрешения, по крайней мере, этой великой конфронтации, хотя и будем иметь в виду, что примирение поколений – это всего лишь один аспект мужской темы, второй же аспект – драматическое взаимодействие центробежности и центростремительности – разрешения здесь не находит.

Но при чем здесь царица Даная, родившая своему отцу убийцу? Выходит так, что в 1913 году яростному напряжению противостояния отцов и детей отвечала вдохновенность образом «Морозовой» с ее пафосом бунтарства, женской духовной самодостаточности, возвращению же блудного сына в 1985 году отвечает отвержение образа Данаи в ее уже плотском богоизбранничестве, с ее пафосом женской самодостаточности. Похоже, что пройденный женский путь развития от духовного бунта «Морозовой» до полноты независимости от мужского «Данаи» (и «Царевны») вполне соотносится с путем от социального взрыва, связанного с разрывом поколений и распадом государственного организма, понимаемого в терминах патриархальной семьи, к обществу, аккумулирующему новый антагонизм, антагонизм мужского и женского как таковых, что и является наиболее пугающей стороной дела. Действительно, к 1985 году мы уже даже в уличном обращении не «граждане», не «товарищи» и не «судари», а всего лишь «мужчины» и «женщины», т.е. существа не социальные, а лишь биологически разнородные. Взаимодействие между мужским и женским в обществе и культуре становится все

более поверхностным. И происшествие в Эрмитаже открывает нам, что мы, по-видимому, на пороге мужского бунта, как в 1913 году мы были на пороге бунта сыновнего, или, по крайней мере, на пороге драматического антагонизма, провоцирующего новый круг насилия, и нас ждут годы конфронтаций и разделений, угрожающих самим основам жизни.

1986

«Чучело»¹

Ролан Быков опубликовал большую статью о своем шумевшем фильме «Чучело», посвященную истории его замысла и создания². Poleмику с его антагонистами Быков неожиданно кончает старым еврейским анекдотом о лотерейном билете, который выиграл сто тысяч вопреки рациональному расчету, и мы понимаем, что для создателя фильма его колоссальный успех необъясним и является загадкой, а все рассуждения не объясняют чего-то главного. Это признание делает фильм особенно ценным, так как истинные произведения искусства всегда больше своего замысла. Действительно, это фильм о жестокости современных подростков и о проблеме школы? Да, конечно. Об отсутствии взаимопонимания взрослых и детей? И это тоже. О слабости нынешних мужчин? Разумеется. Об интеллигенции, гонимой за правду? Именно. Причем это последнее особенно близко сердцу создателя. А тем не менее все равно непонятно, почему фильм затрагивает сердца столь многих и столь разных людей. Есть там еще что-то, еще какая-то болевая точка на очень глубоком уровне, и это что-то тоже ждет нашего понимания. Статья Быкова своим признанием приглашает нас и дает нам право попытаться обнаружить еще какие-то новые измерения фильма, которые, не снимая существующих, позволили бы увидеть действительность совсем другими глазами. И исходить здесь приходится не из замысла режиссера, а из логики образного строя самого произведения и из символики, которой столь богат этот талантливый и честный фильм.

Если этот фильм таит какое-то общезначимое содержание, которое ищет своего выражения, то оно должно скрываться в той его части, которая вовсе не вызывает споров, а является приемлемой для всех. Именно там и должен находиться самый глубинный диссонанс, отражающий разлад, коренящийся в общем сознании. (Мы имеем право сразу говорить о диссонансе, так как драматизму действия противопоставляется

¹ «Чучело» (X/ф, 1983). По мотивам одноименной повести В.Железникова. Сценарий В.Железникова и Р.Быкова. Постановка Р.Быкова. «Мосфильм».

² Быков Р. До и после «Чучела» // Юность. 1985. №9. С.84–105.

гармоничный мир музыки, оркестра.) И такое общее в фильме есть. Как бы ругательны, или хвалебны, или ироничны ни были бы письма зрителей, они все позитивно оценивают и принимают главную героиню Лену Бессольцеву и играющую ее Кристину Орбакайте (образ действительно столь созвучен внутреннему миру исполнительницы, что разделять их не нужно). Значит, искать нам нужно именно здесь. Присмотримся же внимательно.

Что же сделала Лена Бессольцева? Она приезжает в провинциальный старый город к своему деду (родители из фильма устранны) и идет учиться в местную школу. Войдя в класс, видит мальчика, который ей нравится. С завидной непосредственностью садится с ним рядом за парту, вытеснив тем самым соперницу. Мальчик, Дима Сомов, – обычный неокрепший юноша с хорошими задатками, честолюбивый, тщеславный, без внутренней мужественности, которой еще предстоит долгий путь становления в процессе преодоления жизненных конфликтов. На наших глазах он и попадает в такой конфликт, сказав правду учительнице о срыве урока. Ему предстоит сделать первый шаг к рождению личности – выделить себя из коллектива, что труднее, чем разделаться с недругом или даже получить удар от более сильного противника. Предстоит «травма рождения». И тут девочка Лена делает решительный шаг, берет его «вину» на себя и становится объектом преследования.

Остановимся. Собственно говоря, аналогичный сюжет мировая литература уже знает. Том Сойер уже брал на себя вину Бекки Тэчер и получил в свое время за это знатную порку. Но вот странность: в том классическом эпизоде никаких комплексов не возникало. Там все было просто. Мальчику нравилась девочка, и он принимал за нее наказание, чтобы заслужить симпатию и благодарный взгляд. Не возникало никаких претензий к Бекки, что она не бросается под розги с собственным признанием. Ей была навязана психологическая сделка, и она отвечала симпатией и благодарным взглядом. На этом инцидент кончался. В нашем случае все не так. Собственно мотивы те же. Навязать долг благодарности и заставить ответить любовью. Именно поэтому в ответ на вопрос Димы, зачем она это сделала, Лена смеется и выдает себя (потом она раскаивается в этом смехе). Разница между Томом и Леной в том, что она изначально не собирается платить по счету. Все происшедшее, по замыслу, должно привести к тому, чтобы немного погодя мальчик вину все-таки взял на себя, но чтобы

долг благодарности за ним оставался. Если бы это все происходило между мужчинами, мы назвали бы такое поведение не мужским. При всей сомнительности «взятия на себя чужой вины» (искупление чужой вины предлагает некоторую самоидентификацию испугителя с каким-то сверхчеловеческим началом, с каким?), если уж взял, то неси до конца и не жалуйся. Но Лена не мужчина и потому так легко раскрывает свою «тайну» в разговоре в парикмахерской, а течение фильма заполнено ожиданием, когда же, когда же он признается! (Поведение Димы далеко не похвально, но зрители его и не одобряют, и проблем тут нет.)

Можно ли назвать ее поведение женским? (Мы вправе здесь отрешиться от реального возраста героев, фильм, безусловно, и о взрослых тоже). Вряд ли. Женским поведением было бы содействие герою в его трудном положении, скажем, ободрение и укрепление перед «испытанием». Женским поведением было бы не отказаться от него в гонениях и пройти с ним до конца. То есть помочь ЕМУ пройти ЕГО собственный путь и прожить ЕГО судьбу. И тогда в конце всего мы имели бы взрослого Мужчину и взрослую Женщину. Потому что мальчику, чтобы стать мужчиной, нужны и собственный путь, и женская помощь.

Но Лена совершает поступок, внешне похожий на возможный мужской поступок в такой ситуации, но, не будучи мужчиной, совершает его лишь по видимости. Ее тайная цель – не помощь мальчику в его взрослении и превращении в мужчину, а собственное самоутверждение за его счет.

В результате своего поступка она подвергается жестокому гонению класса, и ситуация незаслуженного страдания и несправедливого преследования безоговорочно начинает привлекать к ней всеобщее сочувствие и всеобщую симпатию (поначалу зрителей, а потом и раскаявшихся гонителей). Именно в отношении жертвы страдания и существует общепринятая и бесспорная положительная установка, имеющая в нашей культуре давнюю традицию, которая выводит Лену за рамки критики. И чем страдание сильнее (а здесь возникает даже символическое сожжение на костре – вспоминается Джордано Бруно, Жанна д'Арк, жертвы инквизиции, старообрядцы), тем такая оценка бесспорней. Кто осмелится упрекнуть невинную жертву? Но – невинную ли! Не тут ли кроется диссонанс и болевая точка? Нет ли тут тонкой подмены? Ведь Лена гонима не за истину, ее преследуют за ложь. И это значимо. И еще. Почти сто лет назад В.Гаршин писал по поводу

одной такой жертвы – боярыни Морозовой (с картины Сурикова): «Но если разобраться хорошенько, кто был настоящим, ВНУТРЕННИМ насильником, то окажется, пожалуй, что не угнетающие. О, дайте этой Морозовой, дайте вдохновляющему ее, отсутствующему здесь Аввакуму власть, – повсюду зажгли бы костры, воздвиглись бы виселицы и плахи... Да, велика сила слабости!» Так не пришли ли мы к тому, что жертвенность сама по себе не индульгенция, а требует внимания к мотивам и внутреннему строю личности? Потому что за добровольной жертвенностью может скрываться и просто психологическое самоутверждение личности, внутренне ориентированной на насилие³, и, что страшнее всего, личности женской. И наш диссонанс в том, что мы не можем позволить себе, чтобы эта мысль и перемена установки прорвалась в наше сознание.

Что же достигает всем этим Лена Бессольцева? После кстра ее бесспорный выигрыш очевиден. На дне рождения Димы, а потом в финале она царит, судит и подавляет. В апофеозе мы видим посрамленного Сомова (КАК она сгоняет его с подоконника!), подавленную ее силой Железную Кнопку и раскаивающихся гонителей (исполнение самых сладких детских мечтаний). И мы видим ее, излучающую презрение ко всем им и реально, и в виде портрета на классной доске. Только вот известно, что презрение – это единственная из всех человеческих эмоций, включая страх и гнев, которая не несет НИКАКОГО положительного содержания. И раздавив их всех, она навсегда уходит из их школы, из их города и из их жизни.

Так кто же она такая, Лена Бессольцева? Ее поведение не назовешь женским, но оно и не мужское, она никого не делает лучше, но и сама достигает лишь временного торжества. Символика фильма не оставляет сомнений. По своей воле и в подражание прабабке из XIX века (что создает должную историческую перспективу), она сама отказывается от главного символа женственности – от волос (прическа и головной убор маркировали статус и положение женщины в обществе) и в апофеозе фильма предстает перед нами в своем истинном виде – в облики бесполого существа.

³ Разумеется, здесь присутствует и известная инфантильная установка: «я умру, так вы пожалеете!», обращенная сначала к реальным родителям при реальном или воображаемом отсутствии внимания от них (кстати в нашем случае родители как раз отсутствуют), а потом зачастую проецируемая в мир как стереотип поведения (*Прим. автора*).

И когда в том же апофеозе называют всех главных героев этой драмы, то есть происходит важное действие – обличение (известно, что бесов нужно было заклинать и приводить в повиновение их СОБСТВЕННЫМИ именами) – то дед с видом укоризны произносит имена всех главных антагонистов героини: Морозова, Шакова, Сомов, – и у всех них, диких и необузданных, порочных и слабых, оказываются обычные человеческие имена. А на доске возникает имя героини в ее сверхчеловеческом качестве (портрет на доске – явная икона) и в торжестве ее сил. Там сказано: «ЧУЧЕЛО, прости нас!» Имя названо. И поэтому тот костер, на котором жгли ее платье, был, быть может, не из тех, на которых жгли мучеников идей, а скорее из тех, на которых дикари и варвары (а они здесь именно таковы) сжигали ведьм, тайных рассылных зла и оборотней-нелюдей? Может, они чувствуют, что это Существо, и костер выражает их панический ужас? В конце концов, что такое чучело? Снаружи человеческое платье, под ним нечто нечеловеческое, и чтобы окружающие боялись. Платье они сожгли, и она сгнула.

Ролан Быков пишет, что в финале он хотел отдать почести героине и ее деду, которые уплывают на корабле из этого города. Но талантливому художнику трудно обмануть самого себя. Как раз честь он им и не отдает (хотя, казалось бы, что может быть проще для дирижера военного оркестра, чем поднести руку к фуражке). Он фуражку СНИМАЕТ. А это совсем другое. Фуражку военный человек снимает на похоронах. И это действительно похороны. Похороны некоего женского образа видимой абсолютной положительности, имеющего традицию в культуре, но которому пришло время уйти по «реке времен». И к сознанию этого тайно готовит нас фильм.

А что же с царством духа и мужским началом? Право деда на эту роль несколько сомнительно. Хотя в фильме он представлен как носитель высших духовных ценностей, но деятельность его как собирателя картин предка-художника явно окрашена духовной вторичностью (собрание картин – дело нужное и относящееся к духовной жизни, но все-таки это скорее арьергард культуры, чем духовный поиск в эпоху нравственных смут). Не будем забывать, что и фамилия деда и его внуки – Бессольцевы (а соль в нашей культуре устойчивый символ духа, вспомним «Вы соль земли» и другие известные цитаты) и что его в сопровождении внуки тоже хоронят у реки в корабле (Похороны русса. Записки Ибн Фадлана. IX век).

Царство духа в фильме однозначно – духовой оркестр под управлением самого Быкова. Действительно, что может быть лучшим символом духа, чем музыка, и тем более музыка, если не духовная, то хоть духовая.

Царство духа в фильме упорядочено (военный строй), покоится на прочном основании (каменная эстрада) и находится в центре преображенного мира (в парке). Вокруг всего этого осень, слушателей нет и от оркестра исходит щемящее чувство ретро. Это все в прошлом, и военный оркестр в парке и упорядоченное и размеренное царство духа. Оркестр играет сам по себе, а драматическая бездуховная жизнь в своем зверином облике (мальчик в виде собаки на поводке, мальчик с кабаньей мордой, «детки в клетке») и с апофеозом Чучела идет сама по себе, и они не соприкасаются. Что им может предложить этот Оркестр? Безличностный конформизм оркестрантов? Но им мало стать людьми, человеком должен стать каждый из них, а это другое, другое. Как же духу музыки войти в эти души? Пьеса сыграна, оркестр вышел на берег.

... и, полны темноты,
и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

1985

Воды жизни

Понимание и ощущение нашей эпохи как времени большого кризиса стало почти всеобщим. «Закат Европы», «конец зона», «конец христианской эры» – названий много, суть же происходящего все-таки неясна. Большое количество разнообразных переустройств и социальных экспериментов похоже что не захватывают сути явления, а лишь являются симптомами смутного времени.

Если сравнить цивилизацию со сложной гидротехнической системой (а такое сравнение правомерно, так как древнейшие цивилизации, как полагают, и начались с обуздания водной стихии и оросительных мероприятий в долинах Нила, Инда и Месопотамии), то обычную жизнь вполне можно уподобить работе такой системы: открываются и закрываются задвижки, плотины и шлюзы, на одни поля и каналы воды подают больше, на другие – меньше. Кому-то не хватает, кого-то заливают. Идет борьба интересов, власть переходит из рук в руки, возникают новые оросительные теории. Нормальная государственная жизнь.

Сегодня не так: переделить ничего не возможно. Похоже, что вода кончилась.

Попытки осмыслить происходящее изнутри с помощью теорий и идеологий самой уходящей эпохи вряд ли плодотворны. Ни христианский, ни позитивистский, ни марксистский подходы пока не обещают успеха. Остается одно – внимательно приглядываться к происходящему, к изменениям, и особенно к изменениям, совершаемым не намеренно, не осознанно для самих делателей. Это, наверное, единственная возможность заглянуть в те таинственные уровни, на которых и совершаются перемены. Отрешиться от всех предвзятостей и внимательно наблюдать.

ТРИАДЫ-I

XX век часто именуют веком социальных экспериментов, и наверное, это так и есть. Сейчас, на исходе века, можно уже посмотреть и на результаты. Отрешиться от привычных предвзятостей и попробовать увидеть.

Ограничимся Европой, которую мы понимаем лучше, и попробуем взглянуть крупномасштабно, не входя в исторические подробности. Под социальными экспериментами века, как правило, понимают различные способы устройства нового образа жизни, называемого социализмом, который обычно возводят к учению Маркса. Мы так и будем исходить из того, что в канун Второй мировой войны в России устойчиво сложилась некая особая форма социализма, которую позже удачно назвали «реальным социализмом».

После Второй мировой войны в Восточной Европе, в зоне боевых действий Красной Армии, под очевидным воздействием российского образца ряд народов также принял социалистический образ жизни, причем именно в форме реального социализма. Это принятие не было однородным и безусловным. Хотя в конечном счете социализм в своей реальной форме победил и прижился во всех затронутых им странах, процесс установления шел по-разному. У одних народов он вызвал резкую оппозицию части населения и даже более или менее значительное вооруженное сопротивление; у других дело обошлось более мирными кампаниями политических противостояний и «гражданских» сопротивлений, у третьих введение социализма вообще не вызвало заметного противодействия. Можно разбить все эти страны и народы по признаку сопротивляемости введению социализма (в основных тенденциях, разумеется) на такие группы: вооруженное сопротивление – гражданское сопротивление – полное принятие, – и посмотреть, как это вывинулось в Восточной Европе. Получается так: вооруженное сопротивление в странах католического наследия – Польше, Венгрии, Литве, Западной Украине; гражданское сопротивление в странах исторически протестантских – в Эстонии, Латвии, ГДР, в протестантско-католической Чехословакии; полное принятие православными народами Молдавии, Румынии, Болгарии.

К этому присовокупим и то, что в Югославии, где социалистическое преобразование шло без прямого воздействия России, основными носителями нового образа жизни были исторически православные сербы, а основными антагонистами (не единственными, разумеется, но наиболее упорными и длительными и с сильным вооруженным сопротивлением) католики – хорваты.

Еще одна страна Восточной Европы, где сильное социалистическое движение не смогло в свое время победить лишь по внешнеполитическим причинам, – это православная Гре-

ция. Не будем здесь забывать, что и сама Россия – страна православного наследия.

Что же следует из нашего рассмотрения? Только то, что, несмотря на всю сложность реальной истории, в действующих тенденциях вполне усматривается связь между историческим исповеданием народа и его отношением к социализму и что готовность страны к принятию реального социализма наиболее велика в странах исторически православных. Это уже интересно. Достоевский, как известно, полагал (в «Великом инквизиторе»), что к социализму более тяготеет католицизм, практика же показала иное. Здесь, по-видимому, следует учитывать, что реальный социализм – не единственная известная форма воплощения марксистского учения. Мы знаем по крайней мере еще две отчетливые формы: социал-демократизм (меньшевизм, нынешний Социнтерн) и левый коммунизм (конгломерат мелких групп и партий «троцкистского» типа и более поздний по становлению IV Интернационал). Но если существует соответствие исторических форм воплощения христианства и марксизма (а для православия и реального социализма это у нас получается), то не трудно установить и остальные соответствия. Представляется очевидным, что триаде исторического воплощения христианства (православие–католицизм–протестантизм) соответствует триада исторического воплощения марксизма: реальный социализм–социал-демократизм–левый коммунизм. Феноменологической, различительной основой для описания этого соответствия служит отношение к государству. Православие и реальный социализм государственны (цезарепализм), католицизм и социал-демократизм сверхгосударственны (папоцезаризм), протестантизм и левый коммунизм внегосударственны (мистический анархизм). Тут же уместно будет вспомнить удивительно сходную по пафосу борьбу реального социализма с «левой» и «правой» опасностью, с «троцкизмом» и «реформизмом» и борьбу православия соответственно со свободным мистицизмом и «папизмом». Но, дойдя до этой точки, мы вспоминаем, что знаем еще одну такую триаду! А как же! Саддукеи–фарисеи–ессеи, с точно таким же разбиением по отношению к государству. Теперь уже можно положить: саддукеи=православию=реальному социализму, фарисеи=католицизму=социал-демократизму, ессеи=протестантизму=левому коммунизму (а знак «=» пусть пока значит «соответствует»).

Получается, что достаточно мощные идеологии, то есть исторически приземленные системы взглядов, устойчиво во-

площаются в тройкой форме. Но в системе иудаизм–христианство–марксизм слишком явна генетическая связь. Представляется, что марксизм – не просто «христианская ересь», а результат закономерного развития и воплощения христианства и, скажем, Блок в финале «Двенадцати» лишь фиксировал наблюдаемый им факт... Поэтому попробуем осторожно выйти за пределы европейского региона. Что там у них в Китае? А все то же: жестко государственный легизм, сверхгосударственное конфуцианство (семейный принцип как сверхценность), внегосударственные даосы и чань. Легизм иногда побеждает (при Цинь Шихуанди или недавно), потом уступает конфуцианству, более сродственному китайскому духу. А у мусульман? Похоже, что так же: священногосударственные шииты – религиозно сверхгосударственные сунниты – внегосударственные суфии.

И всюду есть выход в социализм. А суть социализма – атеизм.

ТРИАДЫ–II

Попробуем взглянуть с другого полюса. Что мы видим в противостоянии новому миру, новому жизненному устройству? Течения, опирающиеся на те или иные концепции возврата к ценностям, исторически прожитым (например, православному национальному государству), течения, опирающиеся на концепции иного национально-государственного сознания (например, различного рода национализмы). Все эти течения являются «политическими», все они создают напряжение общественной жизни, но все они и не связаны с разрешением ситуации «большого кризиса». Нам же интересно и желательное выявить в общественной жизни такие течения, для которых характерны спонтанность возникновения и отсутствие внешних факторов и влияний, самозарождение. Тут мы приходим к странному феномену общественной жизни – к самодеятельным политическим объединениям.

Самодеятельные политические объединения, эти эфемериды нашей жизни, называются «политическими» совершенно незаслуженно: ни реальных политических целей, ни реальных политических возможностей у них нет. Вне зависимости от собственной риторики, реально они вовлечены в проблематику «спасения» общества, которое они ощущают стоящим на краю гибели. С этой целью они формулируют некие рецепты общественного переустройства, как правило, малореальные и всегда несовместимые с их собственными возможностями.

Частый, хотя и не единственный язык таких объединений – та или иная разновидность «марксистского» жаргона. Реальное содержание деятельности – собственный рост, в результате которого они и гибнут. При прекращении роста (умышленном, например) – «засыхание» и распад. Зрелые формы наблюдаются довольно редко, но в зачаточном виде тяга к созданию таких объединений переживается многими молодыми людьми. Их можно рассматривать как очаги общественного беспокойства.

Внимательное изучение концепций, продуцируемых такими объединениями, сразу же выявляет их общую странную особенность, ту, которая и отличает их от объединений подобных, но собственно политических (хотя зачастую и не менее эфемерных), – внутреннюю противоречивость их самосознания. В разное время идеологическую сущность подобных групп так и обозначали – казалось бы, довольно нелепо: «троцкистско-бухаринские», «право-левые», «ревизионистско-догматические».

На самом деле странное название отражает их действительную внутреннюю сущность – имманентную антиномичность. В данном случае антиномия формулируется как одновременная направленность к идеалу «свободы» (правые, ревизионистские, бухаринские) и к идеалу «справедливости» (левые, догматические, троцкистские), в то время как свобода и справедливость – понятия не противоположные, а скорее разнонаправленные. Более того, «свобода» и «справедливость» сами по себе вовсе не представляют позитивных ценностей, а являются лишь отрицаниями неких фундаментальных отрицаний.

В действительности то прикосновение к источнику живой воды, которое лежит в основе первичного беспокойства и возникновения таких объединений, которое дает им жизненную силу и делает их интересными для нас, – это спонтанно возникающее неприятие *несвободы* человека и *несправедливости* видимого устройства жизни. Но в тот же момент, в какой возникает это неприятие, рождается и мертвящая ложность, снижающая антиномию до простой противоречивости и сводящая великую проблему к представлению о том, что несвободе якобы противоположна «свобода», а несправедливости – «справедливость».

Что же стоит за всем этим? Не найденные в вещественной жизни две великие составляющие человеческого бытия, две координаты существования: вверх, к источнику Бытия, в не-

приятии несвободы, и в мир, к человеку, в неприятии несправедливости.

Когда же острота переживания космического Вопросы, осознаваемого как общественное беспокойство, сходит, появляются слова, теории, придумываются новые способы связать «лебедя и щуку», возвышенные цели и мирские средства. И с удивительной неизбежностью приходит разделение. Склонные к доброжелательству избирают «благодетельно-всеобщее», склонные к истовости, самоотречению и радикальности избирают «дело», склонные к самоудовлетворенности и экспансии избирают что-нибудь «истинно-ортодоксальное». И вот опять готовы новые образцы идолов «гуманизма», «дела», «соборности» – маленький макет большого мира. А дальше омертвление, иногда и гибель. Но испытанное переживание остроты Истины остается навсегда как залог возможного возрождения и преобразования.

ТРИАДЫ–III

Тут приходится коснуться вечных вопросов, лежащих в центре религиозной жизни. Однако наша задача сильно упрощается, так как мы будем рассматривать религию лишь с ее внешней стороны, в социальных приложениях – как идеологию. Поэтому мы можем, не входя в обсуждение сути проблем, связанных с отношением человека к Богу, лишь констатировать, что выяснение этого отношения составляет основу любого религиозного учения. Когда некоторое представление о такой связи перестает быть результатом непосредственного религиозного переживания, а находит свои слова, образы и формулировки, – появляется религиозное учение. Когда такое учение в силу различных провиденциальных, психологических, исторических или географических причин принимается коллективным сознанием как нормативное и объединяющее, появляется идеология. Сутью же любой идеологии, значительной или локальной, является коллективно принятое и сакрализованное сопоставление ряда отношений к ценностям и целям высшим (к сверхценностям) с рядом отношений к ценностям человеческим, земным и природным. Любая устойчивая идеология всегда сопоставляет ценности мира духовного, вертикального с ценностями мира земного, горизонтального (тем самым являясь мифом в самом уважительном смысле этого слова – сопоставляя несопоставимое). Проявляется это свойство идеологий в том, что центральная суть их всегда формулируется в виде двух тезисов.

Так, для христианства:

«И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душой твоею и всем разумением твоим: сия есть первая наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.,22,; 35–44).

Для идеологии мирской, опрокинутой:

«Высшая цель партии – построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: “От каждого по способностям, каждому – по потребностям”. В полной мере воплотится лозунг партии: “Все во имя человека, все для блага человека”» (Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС).

Для идеологии локальной:

«Обязанностью командира является выполнение боевой задачи и сохранение личного состава» (боевой устав любой армии).

Каждое учение, ставшее идеологией, несет в себе некий начальный импульс первичного откровения. Каждая идеология со временем «остывает», каждая выявляет свои негативные последствия, потому что полнота истины невыразима в категориях человеческого языка и человеческой логики (часть не может объять целое), все сказанное само несет семена своего опровержения. Поэтому любое разделение (антиномия ли, противоречие или оппозиция) не абсолютно. Идеологии же, т.е. коллективные представления о связи высшего и земного, при таком «остывании» имеют лишь три возможности. Или начинает доминировать начало «высшее» и мы получаем течения лично-мистические, протестантские, индивидуалистические, революционные. Или начинает доминировать начало «человеческое», и мы получаем течения гуманистические, кафолические, либеральные и реформистские. Или же доминирует начало «коллективное», и тогда мы получаем течения общинные, ортодоксальные, государственные.

Во что же конкретно выльется конкретная идеология, определяется исторически сложившейся коллективной психологией народа, и такая доминанта обычно является фактором достаточно стабильным и характеризующим данный этнос. Действительно, мы видим, что сами идеологии могут сменять одна другую (например, марксистская христианскую), а направленность их проживания, идеологическая доминанта при

этом сохраняется. Обычно в каждой нации существуют носители всех трех возможных идеологических потенциалов, находящиеся в напряженных отношениях и конфронтациях, часто плохо понимаемых. В обычное время они находятся в некотором подвижном равновесии, образуя характерный идеологический спектр этноса. Иногда же, в критические периоды истории, равновесие между носителями различных идеологических доминант может нарушаться и временно реализуются модели непривычные, но по прошествии некоторого времени все обычно возвращается к устойчивому историческому состоянию. Так, в отечественной истории обычно доминирует модель соборная, коллективистская; носители модели протестантской, «ессейской», обычно воспринимаются позитивно, но скептически и не очень всерьез (нестяжатели различных толков, «истинные коммунисты», «фанаты», «божественные» люди и т.п.), носители же модели «человеческой», сверхгосударственной, воспринимаются, как правило, крайне враждебно (католики, западники, интеллигенция в целом как духовный орден, пацифисты, «жидовствующие», «масоны» и т.п.). При подобном подходе наличие такого антагонизма нельзя объяснить просто как «плохое понимание», скажем, роли интеллигенции или каких-нибудь сверхгосударственных ценностей, оно восходит к первичной характеристике этноса, к идеологической доминанте. Так же и приверженность к «свободе» (для «ессейской» модели), к «равенству» (для «коллективистской» модели) или к «братству» (для модели католической) относится к категории первичных характеристик.

Выявление же причин причастности человека, общины или этноса к той или иной идеологической доминанте требует обращения к уровням более глубоким, чем те, что предлагаются идеологическими учениями как таковыми, к источникам коллективного сознания и коллективного бессознательного, и представляет отдельную проблему (очевидным представляется, например, значение первовпечатлений этноса, психологического импринтинга в период ранней истории или географического фактора). Задача эта невероятно интересна, но для нас сейчас важно другое. Поскольку, как мы видели, сами идеологии не могут дать нам языка для описания явлений, происходящих в периоды кризиса идеологий и их смены, поскольку существует некая реальность, которая стоит за самыми этими идеологиями, то наша задача заключается в том, чтобы попробовать такой язык обнаружить. Здесь, в силу ограниченности возможностей наличного коллективного созна-

ния, представляется перспективным обращение к коллективному бессознательному, выявляемому в событиях эпохи, направление, которое может в случае успеха помочь осознать какое-то новое содержание, скрытое в событиях времени. Для этого, по-видимому, следует обратиться к символическому анализу духовной культуры, т.е. попытаться выявить те подспудные и бессознательные тенденции, которые реализуются в жизни и в искусстве независимо от намерения деятелей и создателей. Присмотримся внимательней, и мы убедимся, что и произведения искусства, и события реальной жизни складываются в осмысленные и красноречивые сообщения. Научимся их читать.

1984

Послесловие

Со времени написания этого текста в нашей жизни произошли значительные изменения – в частности разрушенной оказалась система реального социализма в Восточной Европе, самостоятельные политические объединения стали фактом не тайной, а явной общественной жизни. Но эти перемены при всей своей эффектности, как оказалось, ничего не меняют в положениях, изложенных выше. Пожалуй, наиболее интересно появление на сцене новой идеологической модели, восходящей к космическо-языческому переживанию единства мира и реализуемой в синкретических формах языческо-православно-индуистской обрядности. А с точки зрения затронутой выше темы, привлекает внимание наличие в этой новой сакральной иерархии уже знакомой нам ортодоксальной доминанты.

1991

Тексты Иофе

Вениамин Викторович Иофе принадлежит к той категории людей (думающих, творческих, талантливых), которые не оставляют после себя текстов. Точнее – не обязательно их оставляют. Их ум (то, что Иофе был гениальным генератором идей – общее место), их талант в большей степени находят отражение в организационной или устной формах самовыражения. Под «организационной формой самовыражения» здесь подразумевается вообще организаторский талант – Вениамин Викторович был «организатором» (или, уж точно, мог в этой области заявить о себе много громче, если бы захотел), был издателем (или, уж точно, мог стать таковым). Он мог быть руководителем («начальником») геологоразведочной экспедиции... Он **мог** быть многим. Но стал «всего лишь» создателем и директором маленького НИЦа... Кто-то, наверное, полагал (и полагает), что дело тут вовсе не в каких-то феноменальных способностях, а в непомерных амбициях: мол, главное – быть главным, «начальником» хоть над кем-то и чем-то. Другие полагали (и полагают), что на большее и не тянул, – ведь не историк же профессионал, а – кто(?) – химик (!), в конце концов... Секрет же «большого» Иофе и «маленького» НИЦа – именно в том, что только там, в НИЦ «Мемориал», мог реализоваться, самовыразиться в полной мере: Иофе-менеджер, Иофе-издатель, Иофе – руководитель экспедиций, Иофе-теоретик, Иофе-практик, Иофе-правозащитник, точнее, юридический консультант, а еще точнее, – «консультант по вопросам» (любым!) и т.д., и т.п.

Вениамин Викторович Иофе себя реализовал. Самовыразил. Ровно на столько (и столько времени реализовывался на полную катушку), на сколько ему было отпущено Господом

Богом (не уточняя – Богом ли христианским, Богом ли иудейским, – наверное, в контексте Иофе уместнее говорить об особенном – его, Иофе, Боге...).

Тексты, вошедшие в данный сборник, – всего лишь иллюстрации (не всегда даже обязательные), пояснения, комментарии – вдогонку к блестящим и остроумным конструкциям-построениям (и вовсе не умозрительным, а вполне осуществленным: сам НИЦ, Соловецкие изыскания, обнаружение массовых захоронений, выставки, лекции, клубные встречи и многое другое)... Если бы Иофе был (стал) художником, он бы ярче всего самовыразился в перформансах, в художественных **акциях**, в умении сочетать точно найденный изобразительный (или пластический) образ с соответствующим ему действием. Что такое история с инициативой Иофе по реабилитации Великих князей, расстрелянных Петроградской ЧК в 1919 году? Это что – текст или материал для текста? – Конечно, нет. Это акция, действие, которое может быть адекватно понято, воспринято лишь в контексте, лишь на фоне другого действия. Абсолютно неприемлемого с нравственной, исторической, логической (какой хотите!) точки зрения, отстаиваемой Иофе. Текст Иофе превращает историю с реабилитацией Великих князей в анекдот (в смысле – случай) – на фоне другого анекдота (в смысле – случая). Чтобы изложить всю ту бездну (бездну всего, чего хотите, – Ответственности, Исторической Правды, Исторической Лжи, Нравственной Скудости, Пошлости, Ханжества...), которая скрыта за случаем с реабилитацией Великих князей, – нужно нечто большее, чем «текст» (даже – тома «текстов»). – Почему так? – Ведь сам по себе случай с Великими князьями – прост. И рассказать его – занятие такое же простое. Но, как сказал – не Иофе, а другой автор, в предисловии к своим тоже «этюдам» – объясняя простое, замечаешь неизъяснимость простейшего.

Вениамин Викторович всегда «замахивался» именно на простейшее. И, конечно, должен был интуитивно чувствовать, что тексты этого

«замахивания» не любят. Поэтому предпочитал, точнее – не скупился на устные рассказы. Там он – живой рассказчик – мог добавить к излагаемому (изъясняемому) еще и себя со своими Душой (дыханием) и Сознанием (тоже ведь – дыхание!). И не случайно, что, как и первое издание «Этюд об оптимизме» (идея издания, составление, название) не принадлежит к области затей автора, так и ко второму (заметно дополненному) изданию книги Иофе-автор отношения не имеет. Неслучайность дистанцирования Иофе-автора от своих же текстов является причиной «многоуровности» Иофе-личности. Его этюды (эссе, заметки, доклады, статьи) – все, что собрано в этой книге, – проявление (отображение) всего лишь одного из «уровней», лишь эпизод, часть целого, фиксация некоего фрагмента хода мысли, игры ума.

Читая Вениамина Викторовича, надо все время иметь в виду, что за «текстом» стоит нечто большее, чем текст как таковой способен в себя вместить. Чтобы постичь скрытое в тексте, за текстом, вне текста – значение, смысл, *moralite* излагаемого, – нам, читателям, всегда будет недоставать контекста. Не исторической эпохи (или эпох). Нет. Это мы как-нибудь досообразим сами. – Не будет хватать контекста по имени Вениамин Викторович Иофе.

За пределами поставленной точки остается лишь одно – пожелание всем, кто взял эту книгу в руки и прочел, – прочесть еще раз, предполагая возможность присутствия рядом того, кто ее написал. Всего лишь небольшое усилие, совсем необременительная игра воображения – зато появится, я в этом уверен, обязательно появится возможность получить большее, чем текст, – эффект живого общения с автором. Собственно, только ради этого и стоило издавать (и читать) эту книгу.

Борис Беленкин

Библиография

1. [Об избирательной системе] // Колокол. 1965. №3. (Самиздат).
2. О реформах // Колокол. 1965. №3. (Самиздат).
3. Дело «Колокола» // Память: Исторический сборник. Вып.1. М., 1976 – Нью-Йорк, 1978. С.269–284. (Псевд.: С.Песков).
4. Реф.: *К.Е.Бейлз*. Технология и общество при Ленине и Сталине (происхождение советской технической интеллигенции 1917–1941) // Сумма (Ленинград). №1. 1979. С.23–25. (Самиздат). (Псевд.:С.П.)
5. Из письма автору: К десятилетию «Моих показаний» Анатолия Марченко // Память: Исторический сборник. Вып.3. Париж, 1980. С.475–478.
6. Материалы к истории самодельных политических объединений в СССР после 1945 года // Память: Исторический сборник. Вып.5. Париж, 1982. С.226–283. (Псевд.: С.Д.Рождественский).
7. Покаяние: [Рец. на х.ф. «Покаяние»] // Страна и мир (Мюнхен). 1987. №5.
8. Благая весть лесов // Синтаксис (Париж). 1988. №21. С.191–203.
9. Суриков. Пути России [1986] // Вестник новой литературы (Москва). 1990. №1. С.252–257.
10. Благая весть лесов // Вестник новой литературы (Москва). 1990. №2. С.247–256. (С купюрами).
11. Тридцать лет назад, на том же месте // Былое (Москва). 1989. №2(4). С.5–9.
12. Политические ориентиры «Мемориала» // Вестник Ленинградского общества «Мемориал». 1990. №5. С.1–2. (Самиздат).
13. *Молоствов М.М.* Ревизионизм-58: [Послесл.] // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.577–592.
14. Архивы в штатском // Вечерний Петербург. 1991. 27 сентября.

15. Воды жизни [1984] // Вестник новой литературы (СПб.). 1992. №4. С.295–302.
16. На российской политической сцене: Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1992. 2 октября. С.9.
17. Миф и реальность // Государственная безопасность и демократия: Информационный бюллетень Международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М., 1993. №2. С.11–15.
18. К читателям «Вестника»! // Вестник «Мемориала». 1993. №1(7). С.1–2.
19. Мемориал на пороге нового времени // Вестник «Мемориала». 1993. №2(8). С.3–4.
20. О смерти Елизаветы Денисовны Воронянской / Публ. В.Иофе и Т.Зазориной // Звезда. 1994. №6. С.81–83 (совм. с Т.Зазориной).
21. НКВД и ленинградские писатели. Секретная записка А.Жданову / Публ. В.Иофе // Звезда. 1994. №8. С.73–80. (опубликовано с сокращениями)
22. [Ред.]: *Богданова Н.Б.* Мой отец – меньшевик. СПб., 1994.
23. К истории лагеря НКВД (МВД) №270 в Новгородской области (Боровичи): Источники, хронология, дислокация // Поляки в России: история ссылки и депортации: Тезисы докладов и материалы. СПб, 1995. С.15–19.
24. Когда власть ставит памятники, она воспекает сама себя // Невское время (СПб.). 1995. 16 мая.
25. Невы державное течение, береговой ее гранит... // Вестник «Мемориала» (СПб.). 1995. №4/5(10/11). С.17–18.
26. [Ред.]: *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995.
27. Оскар-95 // Вестник «Мемориала» (СПб.). 1995. №4/5(10/11). С.18–19. [Подпись: В.И.]
28. [Ред.]: *Шошков Е.Н.* Репрессированное Остехбюро. СПб., 1995.
29. Кто составлял «Ленинградский мартиролог»: По поводу статьи Ильмиры Степановой «Сорок тысяч имен» // Русская мысль. 1995. 10–18 октября. №4095.
30. Искусство ГУЛага: По обе стороны тюремной двери: Буклет выставки (СПб., Музей политической истории России, 30 октября 1995). СПб., 1995.

31. Оскар-95 // Посев (Москва). 1996. №2. С.59.
32. 50-е годы: Общество против тоталитаризма: Буклет конференции 1–2 марта 1996. СПб., 1996.
33. Соловки. Большой побег 1928 года // Труды Морской арктической комплексной экспедиции. Вып. IX: Соловецкие Острова Т.2: Остров Большая Муксалма. М., 1996. С.214–217.
34. Стенограмма общегородского собрания писателей, работников литературы и издательств: К 50-й годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года / Публ. В.Июфе // Звезда. 1996. №8. С.3–25.
35. Возле тюрем своих: Буклет выставки (Музей истории Санкт-Петербурга, Комендантский дом Петропавловской крепости, 5 сентября 1996). СПб., 1996.
36. История сопротивления в зеркале репрессий // Сопротивление тоталитаризму в России (СССР) 1917–1991. Пермь, 1997.
37. Leningrad. Geschichte des Widerstandes im Spiegel der Repression 1956-1987 // Halbjahresschrift fuer suedosteuropaeische Geschichte, Literatur und Politik. Berlin, 1996, Oktober, №1a (Sonderheft. Opposition und Repression im Realsozialismus). S.79–85.
38. К проекту закона о защите персональных данных // Стенографический отчет: Семинар «Персональные данные: Проблемы правового регулирования». СПб., 1996. С.71.
39. Czapski – czlowiek «Memorialu» // Kultura. (Paryz). 1997. №3/594. P.146–147.
40. ГУЛаг и его влияние на российское общество // Богословие после Освенцима и Гулага и отношение к евреям и иудаизму в Православной церкви большевистской России: Материалы международной научной конференции. СПб., 1997. С.127–135.
41. The Gulag and influence of Russian society // Proceedings of the International Scholar Conference on Theology after Auschwitz and the Gulag and the Relation to Jews and Judaism in the Orthodox Church in Communist Russia. St. Petersburg School of Religion and Philosophy. 1997. SPb., P.118–125.
42. Политическая оппозиция в Ленинграде 50–60-х // Звезда. 1997. №7. С.212–215.

43. Кризис государственности и фашизм // Interkulturalnost versus rasizam i ksenofobija. Interculturality versus racism and xenophobia. Predio/Editor. Beograd, 1998. P.171–177.
44. Большой террор и имперская политика СССР: По следам большого соловецкого расстрела 1937 года // Посев (Москва) 1997. №5. С.35–37.
45. Первая кровь: (Петроград, 1918–1921) // Звезда. 1997. №8. С.173–177.
46. Соловецкий расстрел 1937 года // Мемориальное кладбище Сандормох. 1937: 27 октября – 4 ноября. СПб., 1997.
47. К 60-летию большого террора: Буклет выставки. (Смольный, 31.10.1997). СПб., 1997.
48. Соловецкий расстрел 1937 года / Остання адреса: До 60-річчя соловецької трагедії. Т. 1. – Київ, 1997. С.28–30.
49. «Такова, видно, моя судьба, я не ропщу». За что расстрелян комфлота А.М.Щастный / Публ. В.Июфе и Е.Шошкова // Источник. 1997. №6. С.66-71.
50. Знать свое место // Невское время. 1998. 24 января.
51. Где будем мириться и с кем // Невское время. 1998. 28 марта.
52. Сепаратизм Петербурга: дискуссия без перспектив // Невское время. 1998. 4 апреля.
53. За правовой нигилизм надо платить // Невское время. 1998. 18 апреля.
54. Der Geist von Auschwitz, Kolyma und Hiroshima // Information vom Förderverein des Sankt Petersburger Historisch-aufklärerischen menschenrechts und wohltätigkeitsvereins «Memorial». №3. – Berlin. 1998. Juni. S.24–25.
55. Memorial in der politischen Geschichte Rußlands // Information vom Förderverein des Sankt Petersburger Historisch-aufklärerischen menschenrechts und wohltätigkeitsvereins «Memorial». №3. – Berlin. 1998. Juni. S.35–36.
56. Новые этюды об оптимизме: Сборник статей и выступлений. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1998. – IX+221 с.
57. Мемориальное кладбище Сандормох // Как молния в ночи... К.Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха. – Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 1998. С.158–173.
58. Предисловие // Ильина Л.Л. Мой отец против НКВД. – СПб.: «Мемориал», 1998. С.5–6.

59. Нам остается только имя... Памятники жертвам политических репрессий Петрограда – Ленинграда. – СПб., 1999. – 16 с.
60. К десятилетию «Мемориала» // Карта (Рязань). 1999. №22–23. С.26–27.
61. Der Geist von Auschwitz, Kolyma und Hiroshima: Rede anlässlich der Eröffnung der Ausstellung Von Potsdam nach Workuta am 4. Oktober 1997 im ehemaligen NKGB/MGB/KGB-Gefängnis Potsdam-Neuer Garten // Von Potsdam nach Workuta. Das NKGB/MGB/KGB-Gefängnis Potsdam-Neuer Garten im Spiegel der Erinnerung deutscher und russischer Häftlinge. – Berlin, 1999. S.13–14.
62. Дни памяти: Сандормох – Соловки // Мемориал: Информационный бюллетень Правления Международного историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». 1999. №13. С.28–33.
63. Итоги века // Мемориал: Информационный бюллетень Правления Международного историко-просветительского благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». 1999. №13. С.35–38.
64. Erinnerung an die Schließung des Lagers: Die Lehren unseres Jahrhunderts // Information vom Förderverein des Sankt Petersburger Historisch-aufklärerischen menschenrechts und wohltätigkeitsvereins «Memorial». №4. – Berlin. 1999. Dezember. S.30–32.
65. Die Rehabilitierung der Opfer des Kommunismus als historisches Problem // Information vom Förderverein des Sankt Petersburger Historisch-aufklärerischen menschenrechts und wohltätigkeitsvereins «Memorial». №4. – Berlin. 1999. Dezember. S.51–55.
66. Откровения Нового мира // Ильина Л.Л. Зеркало эпохи. – СПб., 2000. С.3–4.
67. XX век окончен. Все забыто! // Посев. 2000. №9. С.17–18.
68. К забытой годовщине (10 лет со дня смерти А.Д.Сахарова) // Информационный листок «Мемориала» (СПб.). 2000. №7.
69. Что для мужчины медь... // Евангулова Е.П. Крестный путь. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2000. С.5–6.
70. Уважаемая редакция! // Информационный листок «Мемориала» (СПб.). 2000. №9.

71. Октябрь уж наступил // Информационный листок «Мемориала» (СПб.). 2000. №10–11.
72. XXI век. Тоталитарный соблазн // Невское время. 2001. 11 июля.
73. Wir selbst (Vorwort zur deutschen Ausgabe) // Samizdat. Materialien der Konferenz «30 Jahre unabhängige Presse. 1950–80er Jahre». St. Petersburg. 25.–27. April 1992. –SPb., 2001. S.5–7.
74. Летний сезон 2001 // 30 Октября (М.). 2001. №18. С.2.
75. Пути права // Пчела (СПб.). 2001. №33. С.7–9.
76. [Ред.]: Вестник Мемориала. 2001. Вып.6. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001.
77. Реабилитация как политическая проблема // Вестник Мемориала. Вып.6. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001. С.4–7.
78. Крах СВВРЛАГа // Вестник Мемориала. Вып.6. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001. С.27–40.
79. К истории лагеря НКВД (МВД) № 270 в Новгородской области (Боровичи) // Вестник Мемориала. Вып.6. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001. С.41–45.
80. Последняя передышка. Письма ссыльных меньшевиков / Публ., предисл., комм. В.Июфе // Вестник Мемориала. Вып. 6. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001. С.188–218.
81. Документация репрессий // Генеалогический вестник (СПб.) 2001. №3. С.27–29.
82. «В мире двух диктатур»: Россия и Германия в XX веке // «В мире двух диктатур»: Россия и Германия в XX веке. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2002. С.1–2.
83. XX век: Мораль и право // Карта (Рязань). 2002. №32–33. С.88–90.
84. Реабилитация как историческая проблема // Карта (Рязань). 2002. №32–33. С.90–91.
85. Большой Соловецкий побег 1925 года // Новая Польша (Варшава). 2002. №7–8. С.75–78.
86. Уроки ГУЛАГа // Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима. Материалы российско-германского семинара. Воронеж. 16–22 апреля 2001 г. – Воронеж, 2002. С.133–144.
87. Реф.: *К.Е.Бейлз*. Технология и общество при Ленине и Сталине (происхождение советской технической интелли-

генции 1917–1941) // «Сумма» – за свободную мысль. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. С.77–80. (Псевд.:С.П.)

88. Время полярных стран // *Виттенбург Е.П.* Время полярных стран. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2002. С.3–4.

Выступления на конференциях и семинарах

89. Архив МВД КАССР как источник изучения истории политических репрессий 1920–1930-х гг. Отчет по результатам работы бригады историко-архивной комиссии ЛО «Мемориал» в архиве МВД КАССР 29.10–02.11.1990 г. в Петрозаводске // Конф. «Соловецкие лагеря особого назначения». Ленинград, 10–11 декабря 1990.
90. Вступительное слово // Конф. «30 лет независимой печати». СПб., 25–26 апреля 1992.
91. Самодеятельные общественные организации как фактор исторического процесса: Проблемы типологии и периодизации // Конф. «Диссидентское движение в СССР: 1950-е – 1980-е гг.: Предмет исследования: Источники: Методика изучения». Москва, 24–26 августа 1992.
92. Вступительное слово // Конф. «Фольклор ГУЛАГа». СПб., 20–22 ноября 1992.
93. КГБ: миф и реальность // Конф. «КГБ вчера, сегодня, завтра». Москва, 19–21 февраля 1993.
94. Новые аспекты в области защиты прав человека в России // Конф. «Права человека и гражданина в Российской Федерации: Новая реальность». СПб., 13 декабря 1994.
95. К истории лагеря НКВД (МВД) №270 в Новгородской области (Боровичи): Источники, хронология, дислокация // Конф. «Поляки в России: История ссылки и депортации». СПб., 11–13 мая 1995.
96. ФСБ: дело и слово // Конф. «КГБ: Вчера, сегодня, завтра». Москва, 9–11 декабря 1995.
97. 56-й год в истории России // Конф. «50-е годы: Общество против тоталитаризма». СПб., 1–2 марта 1996.
98. История сопротивления в зеркале репрессий // Конф. «Сопротивление тоталитаризму в России 1917–1991». Пермь–Чусовой, 9–11 сентября 1996.
99. Оппозиция поверх границ: Контакты в прошлом // Конф. «Время диссидентов». Варшава (Польша), 26–29 ноября 1996.

100. К проекту закона о защите персональных данных // Семинар «Персональные данные: Проблемы правового регулирования». СПб., 15 декабря 1996.
101. Гулаг и его влияние на российское общество // Конф. «Богословие после Освенцима и Гулага и отношение к евреям и иудаизму в Православной церкви большевистской России». СПб., 26–29 января 1997.
102. Судьба революций // Конф. «Либерализм в России: Февраль 1917 года и современность». СПб., 23 февраля 1997.
103. История репрессий в советском союзе // Лекция в Доме демократии. Берлин, 15 марта 1997.
104. «Мемориал» в политической истории России // Международная конф. «Versöhnung zwischen Ost und West». Кцпн, 17–20 марта 1997.
105. Доступ к архивной информации: современные проблемы // Семинар «Свободный доступ к информации и защита персональных данных». СПб., 22–23 марта 1997.
106. Двадцатый век: кризис идеологии // II Международный симпозиум «Уроки Холокоста и современная Россия». Москва, 4–7 мая 1997.
107. Вступительное слово // Конф. «1970-е годы: Общество и тоталитаризм». СПб., 24–25.10.1997.
108. Идеология политического протеста в СССР: 1930–1960 годы // Международная научная конф. 29th National AAASS Convention. Seattle (USA), 20–23 ноября 1997.
109. XX век: Мораль и право // Международная научная конф. «Богословие после Освенцима и его связь с богословием после Гулага: Следствие и выводы». СПб., 26–28 января 1998.
110. Российская социал-демократия в СССР после 1923 года // Международная научно-практическая конф. «100 лет социал-демократии: Истоки и современность». СПб., 17–18 апреля 1998.
111. Как могут Россия и россияне лучше помогать согражданам в балтийских государствах // Второй семинар «Интеграция через примирение в Балтийских странах – 1998». Йыхви (Эстония). 15–16 мая 1998.
112. Реабилитация и реставрация // VII Kongreß der Internationalen Assoziation ehemaliger politischer Gefangener und Opfer des Kommunismus. Berlin. 16–19 июня 1998.

113. Вступительное слово. // Конф. «Начало 1980-х: Общество и тоталитаризм». СПб.: Музей политической истории России. 28–29.11.1998.
114. Двадцатый век: кризис идеологии// Семинар «Права человека». СПб., п.Новосаратовка: Теологическая семинария ЕЛЦ. 29.05.1999.
115. Реабилитация жертв коммунизма, как историческая проблема. // Конф. «Выясняя прошлое – строить будущее. Путь от диктатуры к демократии». Рига. 4–6.06.1999.
116. Эволюция российской социал-демократии. // Конф. «Права человека в России: прошлое и настоящее». Пермь. 21–23.06.1999.
117. Реабилитация как историческая и политическая проблема // Международная конф. «Wir konnten wir das zulassen?!». Berlin. 20–21.09.1999.
118. Отвечая истории. // Конф. «Поиск европейской идентичности». Берлин. 16–19.03.2000.
119. Уроки ГУЛАГа // Российско-германский семинар «Мир за колючей проволокой: лагерь как атрибут тоталитарного режима». Воронеж. 16–22.04.2001.
120. Особенности Гражданского Общества в России. // Собрание Конституционного союза. Дом Ученых в Лесном, 18.03.2002.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов С.А. 15
Абуладзе Т.Е. 284, 285,
287, 289
Аввакум, протопоп, 302
Адушев В.И. 232
Азадовский К.Д. 191
Аксельрод Д.Е. 190
Александра Федоровна,
имп. 148
Александров Г.Ф. 194,
195
Александров Н.Н. 147
Александров А.В. 31
Александрова Е.Н. 144,
147
Алексеев В.В. 36, 39
Алексеев В.Р. 190
Алексеева Л.М. 15, 40
Алексий II (Ридигер
А.М.), патр. 52, 61
Алексий, митр.
(Симанский), 69
Алехин Г.В. 196
Алиу Т. 37, 40
Алпатов В.М. 164
Алтунян Г.О. 261
Альтшуллер Б.Л. 57
Андерс В. 104, 153, 180
Андропов Ю.В. 224
Аржанников Н.М. 220
Арфимов В. 257, 258
Аристотель, 95
Аузан А.А. 15
Афанасьев Ю.Н. 255
*Ахматова А. 112, 113,
114, 135, 136, 162, 179,
193, 196, 197, 198, 199,
274
Ашнин Ф.Д. 164
Бабиченко Д.Л. 163, 194,
195
Баженов А.В. 58
Бакатин В.В. 253
Бакинский В.С. 196
Балашов, сумасшедший
вредитель картин, 296
Балдаев Д.С. 213
Баратынский Е.А. 273
Баргашевич Л.А. 86, 87
Бастырева Н.Е. 4
Батий Ю.Ю. 121
Батура А.И. 163
Батый, 87166
Бахмин В.И. 261
Беленкин Б.И. 4
Белов Ю.С. 186
Беляев А.Н. 49
Бердяев Н.А. 123, 187
Берия Л.П. 21- 24, 69, 90,
162, 194, 284
Бергер А.С. 186, 265
Берман Л.В. 135
Берозашвили М.И. 189
Берут Б. 215
Бин Г. 32
Бин Ладен У. 18, 19
Бирюкова М. 127
Бишева И.П. 189
Блок А.А. 202, 274, 277,
278, 308
Блюм А.В. 4
Блюмквист Г. 132
Богданова О. 126
Богораз Л.И. 39, 270
Богущая А.А. 135
Боннэр Е.Г. 39, 57
Борисов В.Т. 187, 189,
191
Браун Н.Н. 189, 269

- Брежнев Л.И. 22, 35, 90, 190, 258
 Бровин А.Н. 58
 Бродский И.А. 186, 190, 275
 Бродский Ю.А. 58
 Бруно Дж. 301
 Бугай Н.Ф. 163
 Бугославский В.М. 189
 Буденный С.М. 89
 Будько В.Т. 135
 Буковский В.И. 271
 Бутман Г.И. 190
 Бухарин Н.И. 21, 145, 157, 267
 Буш Дж. мл. 18
 Быков Р.А. 299, 303, 304
- Вагин** Е.А. 123, 187
 Вайль Б.Б. 267, 271, 183-185
 Вдовин Ю.И. 36, 220, 221
 Вебер М. 165
 Вербловская И.С. 183, 184, 267
 Верди Л.Л. 190
 Вернадский В.И. 153
 Ветухновская Р.З. 144, 148
 Вечтомова Е.А. 281
 Вознесенский Н.А. 89, 157, 162
 Волков В. 193
 Волков О.А. 190
 Волохонский Л.Я. 189, 191
 Волошин М.А. 277, 278, 291, 292, 293, 296
 Высоцкий В.С. 147
 Вяземский П.А. 279
- Гайдар** Е.Т. 165
 Галицкая Н.П. 201
- Гамбаров В.А. 201
 Гаршин В.М. 302
 Гельман В.Я. 256
 Гендлер Ю.Л. 189
 Георгий Михайлович, вел.кн. 100
 Герман Ю.П. 195
 Гидаспов Б.В. 230, 231
 Гидони А.Г. 183
 Гиммлер Г. 46
 Гинзбург А.С. 271
 *Гитлер А. 126, 284
 Глинка М.И. 33
 Говорухин С.С. 52
 Гогенцоллерн-Романова М.В. 98
 Гогенцоллерны, семья, 102
 Гоголь Н.В. 112
 Голев А.П. 134
 Голиков А.А. 185
 Голованов П.И. 184
 Гольден Э. 92
 Гомельский В.И. 39, 189
 Гумилев Н.С. 23
 Горбачев М.С. 90
 Гордин Я.А. 6
 Готвальд К. 215
 Грамши А. 123
 Григ Э. 281
 Григоренко П.Г. 271
 Григорьев Н.Ф. 196
 Гумилев Н.С. 131, 135, 136, 137
 Гудзенко Р.С. 183
 Гумилев Л.Н. 199
 Гумилев Н.С. 227
 Гуревич Е.З. 128
 Гуттен-Чапский см. *Чапский Ю.*
- Давыдов** Г.В. 189
 Данзас Ю.Н. 143, 148

- Данилов В.В. 261
 Данилов К.Г. 184
 Деникин А.И. 21
 д'Арк Ж. 301
 Демин В.К. 265
 Джилас М. 123, 187
 Джонсон М. 92
 Дзержинский Ф.Э. 21
 Дзибалов В.А. 188
 Дивеев Е.П. 184
 Динабург И.С. 127
 Дмитрий
 Константинович,
 вел.кн. 100
 Довбор-Мусницкий Ю.
 178
 Долинин В.Э. 4, 50, 191
 Донской Г.А. 191
 Достоевский Ф.М. 112,
 307
 Дудинцев В.Д. 183
 Дыбенко П.Е. 12
 Дымшиц М.Ю. 190
- Евдокимов Б.Д. 190
 Евдокимов Р.Б. 50, 191
 Ежов Н.И. 21, 22, 23
 Еголин А.М. 192
 Егоров А.И. 126
 Еланцева О.П. 157
 Ельцин Б.Н. 49, 77, 90,
 231
 Ермак Тимофеевич,
 атаман, 294
 Ермаков Г.И. 190
 Есенин С.А. 279, 281
- Ж**ариков С.А. 244
 Жданов А.А. 89
 Жигулин А.В. 127, 128
 Жданов А.А. 162, 194,
 195, 196, 197, 198, 199
 Железников В.Г. 299
- Живков Т. 215
 Жириновский В.В. 52,
 244
 Жуков В. 61
 Жуков Г.К. 89
- З**абелин С.И. 15
 *Заковский Л.М. 126
 Зайцев Г.А. 185
 Западалов И.Б. 140
 Заславский И.Д. 184
 Зверняк П. 26, 104, 153
 Звягин И. 189
 Звягинцев В.Е. 164
 Зеленов Б.И. 149
 Зеленова Н.В. (урожд.
 Чешихина) 144, 148
 Земсков В.Н. 157, 163
 Злобин В. 61
 Зощенко М.М. 162, 193,
 194, 195, 196, 197, 198,
 199
 Зубарев Д.И. 4
 Зюганов Г.А. 52
- И**бн Фадлан, 304
 Ибрагимбеков Р.Т. 215
 Иван IV, царь, 297
 Иваненко В.В. 253
 Иванов А.И. 190
 Ивлев В. 128
 Ивницкий Н.А. 163
 Ижболдин В.С. 186
 Ижболдин Д.С. 186
 Йитс У. 276, 277
 Иосиф (Братищев И.А.),
 архим. 61
 Ильин Н.А. 123, 187
 Истомин Е.П. 232
 Иустина, см. Данзас Ю.Н.
 148
- К**агарлицкий Б.Ю. 239
 Калинин М.И. 125

- Канева А.Н. 157
Капица П.И. 194, 195, 196
Капустин Я.Ф. 195, 198, 199
Кацман И. 31
*Кастро Ф. 215
Катулл Г.-В. 277
Квачевский Л.Б. 189
Кетлинская В.К. 196
Ким Ир Сен, 215
Кинкель К. 92
Клайн Э. 57
Климентьев А.А. 94
Климова М.М. 189
Кобаидзе Г.М. 288
Ковалев С.А. 31, 49, 57, 231, 264, 270
Козовой В.М. 258, 259
Колчак А.В. 21
Кондаков В.Ф. 127
Кондрашин В.В. 163
Коренблит М.С. 190
Короленко В.Г. 178
*Коршунов П.Н. см.
Кошелев П.К.
Косарев В.Н. 268, 186
Косинова Т.Ф. 4
Коссаковский А.А. 139
Кошелев П.К. 231
Красильников М.М. 183
Краснопевцев Л.Н. 122, 185, 238, 257, 258, 259
Красовская Ю.Е. 184
Кривоносов Г.С. 187
Крючков В.А. 86
Кудрова И.В. 185
Кузнецов А.А. 89, 157, 194, 198, 199
Кузнецов Э.С. 190
Кузовкин Г.В. 4
Кулябко И.Б. 186
Курилкин А.Р. 33
Курков А.А. 86, 256
Куртуа С. 74
Кушнер А.С. 274
Кюстин А. де 229
Лазарева Н.М. 191
Лазаревский Н.И. 227
Лалаянц Э.А. 188
Лансере Н.Е. 214
Ларина А.М. 145
Левин А. 128
Левин Ю.Л. 184, 189
*Ленин В. 21, 43, 113, 215
Леин Е. 190
Лекаренко Н.А. 214
Лемберик Л.Б. 4, 36
Леонид (Федоров Л.Н.),
экзарх
Леонидзе Г.Н. 287
Леонов П.М. 61
Лермонтов М.Ю. 276, 279
Либкнехт К. 100, 131
Литвяков М.С. 33
Лифшиц В.А. 196
Лихарев Б.М. 195
Лихарев Б.М. 196
Лихачев Д.С. 23
Ломинадзе В.В. 120, 238
Лукин Е.В. 201
Лукницкая В.К. 140
Лукницкий П.Н. 136, 137, 138
Лурье Л.Я. 31
Луценко Н.М. 190
Львов Л.А. 37, 39
Люксембург Р. 100, 131
Любарский К.А. 40
Мазус И.А. 128
Майгис Б. 296
Маленков Г.М. 69, 89, 162, 194, 195
Малыхин В.А. 185
Мальцева Н.И. 50

- Мандельштам Н.Я. 145
 Мандельштам О.Э. 145
 Мао Цзедун, 215
 Марамзин В.Р. 190
 Марков С.А. 14, 15
 Маркс К. 43, 69, 306
 Матвеев М.Р. 132
 Машков Ю.Т. 122
 Медведев Р.А. 238
 Мейлах М.Б. 50, 191
 Меклер Ю.Б. 186
 Мельник А.В. 58
 Меншиков А.Д. 295
 Меньшиков В.Б. 258
 Милошевич С. 75
 Милоков П.Н. 166
 Миньковский Ю.С. 190
 Миркин Б.С. 190
 Миронов Г.Е. 164
 Мирошниченко Г.И. 196
 Митяшин Б.О. 189, 191
 Михаил Александрович,
 вел.кн. 20
 Михайлов Г.Н. 190
 Михайлова Е.Н. см.
 Александрова Е.М.
 147
 Михалков Н.С. 215, 216
 Моисеев Б.А. 256
 Моисеева Б.А. 256
 Молоствов М.М. 185, 231,
 258, 261, 264, 265, 267,
 268
 *Молотов В.М. 22
 Мора С. 26, 104, 153
 Моргачева Т.В. 4
 Морозова Ф.П. 296, 302
 Москвин О.Н. 190
 Моторин А.Р. 256
 Мурадели В.И. 194
 Муранов А.И. 164
 Муратов Д.А. 127
 Муссолини Б. 126, 284
 Мутко В.Л. 232
Нагрицкайте Л. 189
 Нариса М.А. 186
 Наседкин В.Г. 178
 Наумов В.П. 139
 Некипелов В.А. 263
 Некрасова К.А. 274
 Никитин Н.Н. 189, 195,
 196
 Никитин А.К. 49, 50
 Николай II, имп. 20, 68,
 98, 99
 Николай Михайлович,
 вел.кн. 100
 Николай (Ярушевич)
 митр., 69
 Новодворская В.И. 264
Обухов Г.В. 190
 Огрызко В.В. 127
 Огурцов И.В. 187, 269,
 123, 124
 Окуджава Б.Ш. 144, 274
 Орлов Ю.Ф. 39
 Орбакайте К.Э. 300
 *Орвелл Дж. 31, 248
 Орловский Э.С. 4
 Осипов В.Н. 261, 264
 Очаковский В.Я. 261
Павел Александрович,
 вел.кн. 100
 Павел I, имп. 20
 Павловский Г.О. 14, 15
 Пастернак Б.Л. 142, 274,
 275
 Памфилова Э.А. 52, 100
 Пасько Г.М. 14
 *Песков С. 128
 Петр I, имп. 297
 Петров В.В. 189
 Пешкова Е.П. 178

Пикассо П. 183, 184
 Пименов Р.И. 56, 122,
 183-185, 236, 263, 264,
 267, 271
 Пихоя Р.Г. 253
 Плеханов Г.В. 123
 Плоткин Л.А. 196
 Погорелов Б. 227
 Погорилый В.П. 188
 Поздняев М. 127
 Пол Пот, 74
 Полудняков В.И. 189, 192
 Поляков М.В. 191
 Пономарев А.Д. 190
 Пономарев В.Н. 255
 Попадиченко И.Ф. 190
 Попков П.С. 195, 198, 199
 Попов Г.Х. 255
 Пореш В.Ю. 50, 189
 Постышев П.П. 126
 Прокофьев А.А. 195, 196,
 197
 Пугачев Е.И. 247
 Пугачева А.Б. 147
 Пунин Н.Н. 197
 Пунина И.Н. 135
 Пустынцев Б.П. 34, 36,
 38, 77, 185, 220, 221,
 233, 268
 Пустынцева Э.Ю. 40
 Путин В.В. 19, 33, 52
 Пушкин А.С. 113, 114,
 202, 218, 247, 273
 *Пшавела В. 285
 Пшеничный А.Н. 256
 Пятунин А. 127

Равдин Б.А. 183
 Разин С.Т. 143, 296
 Разлацкий А.Б. 239
 Разумов А.Я. 88
 Райх Е. 243
 Ракоши М. 215

 Ранне А. 60
 Рафалович А.В. 186
 Рац В. 227
 Резникова А.А. 4
 Резникова О.А. 4
 Рембрандт Х. ван Р. 296
 Рендель Л.А. 258
 Репин В.Т. 191
 Репин И.Е. 296, 297
 Рифеншталь Л. 31, 32, 33
 Рогинский А.Б. 15, 191
 Родионов М.И. 198
 *Рождественский С.Д. 128,
 257
 Романов Г.В. 230
 Романов М.Ф. 98
 Романов Н.Р. 98
 Романовы, семья, 98, 99,
 100, 101, 102, 103
 Ронкин В.Е. 123, 124, 128,
 187, 268, 271
 Роптин И.Н. 132
 Рубцов Н.М. 281
 Рудаков А.П. 184
 Румер-Зарасв М. 128
 Рыбаков Ю.А. 31, 190,
 220, 221, 264
 Рыков А.И. 125
 Рютин М.Н. 120, 238
 Рябчиков Л.Н. 187
 Ряшенцев В. 227

Савельев С.И. 163
 Савинков Б.В. 21
 Садо М.Ю. 269
 Сажин В.Н. 135
 Самсонов Н.Н. 183
 Сахаров А.Д. 39, 55, 56,
 57, 90, 129, 178, 192,
 267
 Саянов В.М. 195, 196
 Селезнев Е. 127
 Селиванов В.Н. 220, 221

- Сергий, митр.
(Страгородский), 69
- Сиваков А.Е. 187
- Симонов А.К. 15
- Скобов А.В. 188, 191
- Скола Э. 32
- Скрипникова А.П. 143,
149, 240
- Скуратов Ю.И. 52
- Славко Т.И. 163
- Слуцкий Б.В. 128
- Смирнов А. П. 238
- Смирнов Д. 61
- Смирнова А.А. 38
- Смирнов-Осташвили К.В.
265
- Снитковский В. 128
- Собчак А.А. 49, 87, 201,
217, 230
- Соколов М.Ю. 170
- Солженицын А.И. 124,
190
- Соловьев В.С. 187
- Солохин Н.Д. 134
- Сорокин Г.Э. 196
- Сошина А.А. 58
- *Сталин И.В. 21, 22, 69,
88-90, 121, 125, 194,
195, 199, 215, 216, 297
- Станиславский А. 126
- Старков Б. 125
- Стасевич А.В. 188
- Стасова Е.Д. 178, 179
- Степанова И. 210
- Столыпин П.А. 166
- Стунгурис С.К. 262
- Сулейманов Г. 127
- Суриков В.И. 291, 292,
293, 296, 302
- Сырцов С.И. 120, 238
- Сытинский В.И. 191
- Таганцев В.Н. 227
- Тараканов-Штерн Ю.П.
186
- Тацит 87, 166
- Тейяр де Шарден П. 153
- Тельников В.И. 185
- Тимофеев Л.М. 127
- Тиранов В.А. 60
- Тито И.-Б. 215
- Титов К.А. 52
- Тихвинский М.М. 227
- Тихон (Белавин В.И.),
патр. 27
- Ткачев Р.Л. 186
- Тоддес Е.Т. 33
- Толстой А.Н. 126
- Тролгта М. фон, 32
- Трифорова Т.К. 196
- Трофимов В.И. 185, 266,
268
- Трофименков М. 183
- Трофимов В.И. 122
- *Троцкий Л.Д. 21, 24
- Трумэн Г. 67
- Туганов П.А. 196
- Тулсеев А.М. 52
- Тютчев Ф.И. 273, 275, 279
- Уйманов В.Н. 161, 163,
164, 210, 212
- Успенский Д.В. 150
- Успенский К.В. 186
- Ухналев Е.И. 214
- Ухтомский С.А. 227
- Ушаков Г.М. 188
- Федоров А.С. 135
- Федоров Б.Г. 100
- Федоров Е.Б. 196
- Федоров Л.И. см. *Леонид*
- Федоров С. 100
- Федоров Ю.И. 188
- Фет А.А. 272, 279
- Филипповский В.Н. 110

- Фильченкова С.А. 38
 Фитингоф И. 136, 137
 Флиге И.А. 4
 Фомченко В. 186
 Фрикель Т. 33
 Фудалей В. 135
 Фурман В.Л. 128
- Хайбулин Б.Х. 185
 Ханукова М.А. 36, 39
 Харуоя М. 86
 Хахаев С.Д. 123, 128, 187, 268
 Хейфец М.Р. 190
 Хикар 234
 Хлевнюк О.В. 163
 Ходжа Э. 215
 Хоченков В. 184
 Хроменков В.С. 192
 Хрущев Н.С. 22, 184, 185, 186, 187, 225
- Ч**апский Ю. 177, 178, 179
 Чарный С.А. 4
 Чаушеску Н. 215
 Чемберлен Н. 126
 Черкасов А.В. 4
 Черкесов В.В. 48-50
 Чернов С.В. 88
 Чернякевич И. 88
 Чирков А.М. 135
 Чудаков М.О. 33
 Чухин И.И. 157
- Ц**ветаева М.И. 282
 Цеденбал Ю. 215
 Цинь Шихуанди, 308
 Цурков А.С. 149, 150, 188
 Цуркова И.З. 146, 149, 191
- Ш**аклеин В.А. 264
 Шварц С.Л. 127
 Шеваров Д.Г. 127
 Шейнис В.Л. 185
 Шелякин М.М. 217
 Широков И.М. 195, 199
 Шмидт Ю.М. 77
 Шульц В.Л. 139
- Щ**ербаков В.Н. 232, 253
- Э**йнштейн А. 286
 Эйсмонт Н.Б. 238
 Эйхенбаум Б.М. 197
 Эриксон Э.Х. 154
- Ю**денич Н.Н. 21, 131
- Я**влинский Г.А. 52
 Яворский Р.Б. 39
 Ягода Г.Г. 21
 Яковлев В.А. 31
 Яковлева Е. 127
 Якунин Г.П. 264
 Ярославский А.Б. 150
 Ярославская-Маркон Е.И. 143, 146, 150
- Courtois S. 74
 Gerlant U. 4
 Haruoja M. см. Харуоя М.
 Himmler, 46
 Jandl M. 4
 Mora S. см. Мора С.
 Müller T. 4
 Reich J. см. Райх
 E.Riefenstahl L. см.
 Рифеншталь Л.
 Zwierniak P. см. Зверняк П.

Список сокращений

АЖПР	– Ассоциация жертв политических репрессий
АПРФ	– Архив президента Российской Федерации
БАН	– Библиотека Академии наук
ВК ВС РФ	– Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	– высшая мера наказания
ВО	– военный округ
ВС	– Верховный Совет
ВСХСОН	– Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа
ВТЦ	– Всемирный торговый центр
ВЦИК	– Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦИОМ	– Всероссийский Центральный институт общественного мнения
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГД РФ	– Государственная Дума РФ
РФ	– Российская Федерация
СБСЕ	– Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СВПШ	– связи, ведущие к подозрению в шпионаже
СВЭ	– социально-вредный элемент
СГИАПМЗ	– Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СК	– судебная коллегия
СМ	– Совет министров
СМОТ	– Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся
СНК СССР	– Совет народных комиссаров СССР
СП	– Союз писателей
СПС	– Союз Правых Сил
СП СМОТ	– Совет представителей СМОТ
СРЮ	– Социалистическая Республика Югославия
СС	– охранные отряды (войска особого назначения фашистской Германии)
СОЭ	– социально-опасный элемент

СТОН	– Соловецкая тюрьма особого назначения
СФ	– Совет Федерации Российской Федерации
УКГБ РФ	– Управление комитета государственной безопасности
УК РФ	– Уголовный кодекс Российской Федерации
УНКВД ЛО	– Управление Народного комиссариата внутренних дел по Ленинградской области
УП РФ	– Указ Президента Российской Федерации
УС	– Учредительное Собрание
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности
УФСК	– Управление Федеральной службы контрразведки
ФЗ	– Федеральный закон
ФКЗ	– Федеральный Конституционный Закон
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ФСК	– Федеральная служба контрразведки
ЦГАИПД	– Центральный государственный архив историко-политических документов
ЦДК	– Центральный Дом Кино
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральный комитет
ЦРУ	– Центральное разведывательное управление
ЧК	– Чрезвычайная комиссия
ЧСВН	– член семьи врага народа
ЧСИР	– член семьи изменника родины

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.	5
Я.Гордин. « <i>Остаться человеком в бесчеловечном мире...</i> ».	6
Вениамин Викторович Иофе (биография).	9
Власть и люди.	11
Террор и мы.	15
Осмысление Гулага.	19
XXI век. Тоталитарный соблазн.	29
Пути права.	32
Мы сами.	39
«В мире двух диктатур». Россия и Германия в XX веке	42
Пережить напасть (война против всех)	45
О выборах президента.	49
К забытой годовщине.	51
Итоги века.	54
.	
Координаты духовного пространства.	59
Уроки Потсдама.	62
Заявление для печати.	72
.	
Россия, субъект и объект.	76
.	
Проблема Левашовского могильника.	80
Как могут Россия и россияне лучше помогать согражданам в балтийских государствах	85
Краткий курс истории ВКП(б). Эпилог	88
Всеобщее право на убийство	92
За правовой нигилизм надо платить	94

Сепаратизм Петербурга: дискуссия без перспектив	96
К месту упокоения	98
XX век: мораль и право	104
Памяти жертв расстрела демонстрации в поддержку Учредительного собрания (5/18 января 1918)	109
Знать свое место	112
К десятилетию «Мемориала»: Письмо членам рабочей коллегии международного общества «Мемориал»	115
Идеология политического протеста. 1930–1960 годы . .	120
Нас не будут больше делить на красных и белых	129
Первая кровь (Петроград, 1918–1921)	131
Женщины Гулага	141
Двадцатый век: кризис идеологии	151
История репрессий в Советском Союзе. Современное состояние историографии	156
Судьба революций	164
О примирении и согласии в России	166
К проекту закона о защите персональных данных	170
Миссия Чапского	175
Ленинград. История сопротивления в зеркале репрессий (1956–1987)	179
К пятидесятой годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года	190
Молох тоталитаризма	196
Гражданское общество в России	199
ФСБ: дело и слово	204
«Искусство Гулага» (По обе стороны тюремной двери)	209

Оскар-95	211
Невы державное течение, береговой ее гранит	213
Идет избирательная кампания	215
КГБ: миф и реальность	218
Бывшие политзаключенные как мера перемен	225
Самодельные общественные организации как фактор исторического процесса: проблемы типологии и периодизации	231
Россия и Германия	239
Этюд об оптимизме. Сучья война как парадигма современного политического процесса	242
Что делать с архивами КГБ?	249
Стигийского воспоминанье звона	253
Встреча на Фонтанке – знак надежды	256
Встреча «паровозов»	262
Благая весть лесов	268
«Покаяние»	279
Суриков. Пути России	286
«Чучело»	294
Воды жизни	300
Б.Беленкин. Тексты Иофе.	309
Библиография	312
Указатель имен	321
Список сокращений	329
Содержание.	331

Научно-информационный центр
«МЕМОРИАЛ»

НОРД-ВЕСТ

**Вениамин Викторович
ИОФЕ**

Границы смысла
СТАТЬИ. ВЫСТУПЛЕНИЯ. ЭССЕ

Редактор-составитель
И.А.Флиге

Художники
Д.Санжмятав и А.Ю.Ходот
Корректоры Т.В.Моргачева, Е.В.Русакова
Компьютерная верстка Е.В.Русаковой

НИЦ «Мемориал»: СПб., 191002, а/я 4
ООО издательство «НОРД-ВЕСТ»: 191002, а/я 4

Сдано в набор 17.12.02. Подписано в печать 03.07.03. Формат 60x80 1/16.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №????

Типография ООО «Комплекс»
199053, Санкт-Петербург, наб.Макарова, 22